

В споре рождается...э...э... книга!
Некто Анахарсис

Шевченко О.К.

Герои. Цари. Боги. (Античный Крым в контексте Евразийской цивилизации)

**Серия: История и Философия
Власти**

УДК: 93+904+13

Монография рекомендована к печати кафедрой социологии и прикладной культурологии Государственной академии славянской культуры (Москва) *Протокол № 37 от 21 сентября 2011 г.*

ОФИЦИАЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Волкогорова О.Д. (Москва) – доктор философских наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Сморчков А.М. (Москва) – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

Нефедов К.Ю. (Харьков) – кандидат исторических наук, доцент, Национального аэрокосмического университета им. Жуковского «ХАИ»

Шевченко О.К. Герои. Цари. Боги. (Античный Крым в контексте Евразийской цивилизации) / монография из Серии «История и Философия власти». – Симферополь: Электронное издание К.О.Ш., . – Симферополь, 2011. – 122 с

В данной книге рассматривается вопрос о сакрализации власти в Античном Крыму. Проблема изучается с позиций двух академических дисциплин: Истории и Философии.

События Крымской истории IV века до н.э., анализируются в контексте глобальных евразийских процессов, начатых взаимодействием эллинского и варварского миров, достигших своего пика в эпоху Эллинизма.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: как специалистов в области философии власти, профессионалов антиковедов, так и всех тех, кому небезразлична история Эллады.

© Шевченко О.К., 2010.
© Иллюстрации – Колос Е. – 2010.

Внимание! Данное издание является электронным вариантом неопубликованной на физических носителях (бумажных, дисковых и т.д. и т.п.) рукописи.

Монография защищена авторским правом, ссылки на использованный материал с указанием ФИО автора, названия книги, города, года издания и номера страницы – обязательны.

Данное произведение распространяется в электронной форме с ведома и согласия автора на некоммерческой основе при условии сохранения целостности и неизменности текста, включая сохранение настоящего уведомления.

Любое коммерческое использование настоящего текста, а также публикация, копирование распространение материалов в целом и отдельных частей данного продукта на физических, в том числе бумажных носителях без ведома и прямого согласия владельца авторских прав **НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.**

Автор разрешает распространять данную книгу, **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** на электронных ресурсах (в том числе в Интернете), которые:

- не порочат честь и достоинство человека;
- не имеют материалов антихристианского, порнографического, эротического характера, реклам на продукцию алкогольных и табачных производителей и т.д. и т.п.;
- не пропагандируют насилие, наркоманию, межнациональную рознь и т.д., и т.п.
- не проводят политических агитационных кампаний, не рекламируют, не освещают деятельность политических лидеров и сил и т.д. и т.п.

СОДЕРЖАНИЕ

Необходимое предуведомление или логическая составляющая «Заключения».....	3
Введение	9
Диалог № I или теоретические предпосылки исследования.....	12
Диалог № II или сакрализация власти в контексте Евразийской концепции.....	53
Диалог № III или сакрализация власти в античном Крыму.....	82
Заключение или эмоциональная составляющая « Необходимого предуведомления ».....	106
Список использованной литературы	109
Список для Введения.....	109
Список использованной литературы Историка.....	109
Список использованной литературы Философа.....	118
Список сокращений	121
Информация об авторе	122

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ИЛИ ЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ «ЗАКЛЮЧЕНИЯ»

*От лжи до истины - разница Вселенская,
но от заблуждения до правды -
Микроскопическая.*

Игнатий Лойола. «Курс молодого иезуита»

В самых общих чертах следует сказать, что книга посвящена сакрализации власти.

Изначально ставилась задача проработать вопрос о сакрализации Перисада I (одного из Боспорских правителей конца IV в. до н.э.). Но с течением времени становилось все более очевидным, что решить эту проблему при помощи материалов, касающихся указанного региона в принципе невозможно. Слишком они лаконичны, обрывисты и количественно – незначительны. Как всегда, в таких случаях, на помощь историку приходит метод аналогий. Я составил типологию обожествления правителей в сходных эллинских и эллинистических государствах, при схожих исторических, правовых, экономических, политических, социальных... условиях; отработал версии варварского источника идеи сакрализации. Но на последних этапах обобщения фактажа исследование наткнулось на целую россыпь «каменной преткновения».

Критический пересмотр концепций отечественной историографии относительно сакрализации власти в греческих государствах, показал игнорирование современными аворами принципиального различия между «царем-богом» и собственно «институтом власти с сакральным оттенком». Вернее разница отмечалась, но лишь в рамках фиксации отдельного события. Отмечалась дотошно, скрупулезно, одним словом микроскопично. Уже на уровне аксиоматических предпосылок идей

исследователи «плавали» в словах и выражениях имеющих крайне малое отношение к терминам и понятиям. Выстраивание исторической картины при помощи слов: «оттенки власти», «конкретные правители», «власть как таковая», «незначительное отличие», «царь и власть», «почти культ», «воплощение бога», «подобие бога», «идентичность царя и божества», «придать святость власти», не могло не привести к чехарде и путанице*. В чем суть оттенков? Как оттенок власти отличить от оттенка могущества? Есть ли разница, между «правителем» и «властью», «государством» и «институтом монархии», «монархом как таковым» и «монархом в качестве бога»? Стоит ли говорить об идентичности связки «Царь-Бог» или только о подобии, а может быть о тождестве? Это не праздные вопросы, ибо в такой тонкой материи как процессы восприятия власти, роль смысловых полутонов применяемых при исследовании - велика. Их игнорирование очень легко приводит к абберациям. Так, можно видеть в психопатологии правителя, требующего поклонения себе как богу, некую тенденцию политической или государственной жизни на пространстве от Индии до

* Данное явление настолько массовое, что приводить отдельные имена представляется некорректным. В той или иной степени указанная «интеллектуальная бацила» проникла практически во все исторические монографии, статьи, диссертации. Она стала в некотором роде, нормой, и воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Это со всей очевидностью показывает текстологический анализ абсолютно любого общеизвестного исследования о сакрализации власти в античности

Египта. Возможно также, объяснять искреннее желание нескольких сотен человек направить свое мистическое обожание на конкретного владыку - частным рационалистическим решением одного удачливого военачальника (где цель – усилить личный авторитет в регионе при помощи введения своего собственного культа) и... наоборот.

По мимо всего прочего, отказ самих исследователей от определения понятий, которыми они оперировали, привел к формированию традиции «архи рационализма». А именно, в основной своей массе, антиковеды жесткого отсекали все «не материальные» нюансы сакрализации власти, мол: «есть конкретные формы культовой практики, выраженные в определенных предметах религиозной службы... а больше нет ничего». Другими словами, с этой точки зрения, целью историка является описание и классификация опредмеченных реликвий верований: диадемы, перстня, копья, большого пальца ноги правителя..., а все остальное, проходящее по реестру психологии, мифологии, философии, теологии - вредная для исторической науки шелуха слов. Максимум на что шли историки это на объяснение любого сакрального акта античности довольно примитивным психологическими/социологическими выкладками или банальным политическими/экономическими комментариями.

Данная школа завоевала популярность, а в рамках советского и пост советского антиковедения стала доминирующей. И «пошло поехало»: все многообразие внутреннего, душевного опыта древности усердно смешивалось современными учеными в одну закваску: тотемизм, фетишизм, магизм, мифологическое созерцание, религиозная вера, мистические действия; индивидуальная и коллективная психология, психопатология, политические акты*... В конкретных исторических исследованиях целые блоки реальности в силу этого оказались просто утерянными:

- полностью исчез нравственный аспект вопроса;
- религиозное чувство сгустилось до элементарных магических обрядов или же трансформировалось в некий кадастр надписей, архитектурных элементов, бытовых деталей...;
- фетишизм на уровне развитых мировых религий XX века, в исследованиях подмял под себя Миф античности, как особый способ восприятия мира, лишив его право на существование.

Получившееся блюдо напоминало по своим характеристикам известное «Ирландское Рагу» из популярного произведения Джерома К. Джерома. Оно было

* Речь не идет о фундаментальных общетеоретических работах религиоведческого или культурологического содержания. Но их разработки практически не влияли на частные, локальные, насыщенные эмпирикой исторические штудии.

совершенно неудобоваримо, хотя по фактологической насыщенности крайне питательно.

Отдельные, безусловно, блестящие, исследования советского времени статейного и тезисного формата, «погоды» в отечественном антиковедении не сделали и сделать не могли. Не смогли сколь ни будь существенно переломить ситуацию и творческие усилия авторов независимой Украины, России, Беларуси, которые посвящали проблеме уже не статьи, а отдельные главы монографий и диссертаций. И это при том, что они декларировали тезис о творческой переработке всей полноты западной исследовательской мысли по данному вопросу! Видимо проблема лежала не в «закрытости» отечественного антиковедения, и не в «тирании идеологии Марксизма-Ленинизма»*.

Оставалось одно. Не мудрствуя лукаво, как и любой аматор окрыленный собственным научным снобизмом, я решил, что методологические перекосы коренились в неумении исследователей востребовать накопленный общетеоретический (метатеоретический) материал в решении практических задач своей собственной науки. Это неумение виделось в недостаточно строгом отношении к

* Даже прорыв медиевистики в этом вопросе, имеется ввиду деятельность мощной школы профессора Н. А. Хачатурян, а также всех тех, кто попал под ее научное обаяние [Фадеева, 2001; Цатурова, 2002; Священное тело, 2006] в разрешении проблемы сакральной власти Средневековья на основе строгого разграничения понятий и фактов, физики и метафизики, предметов обряда и верований... на античников влияния не оказал.

терминам и категориям используемых в исследованиях посвященных сакрализации власти: «Сакральное», «Власть», «Обожествление», «Культ царя», «Культ монархии» и т.д.

Проблема была сформулирована. Ее разрешение лежало в планомерной работе с понятиями, ключевыми по данной тематике. Иначе говоря – выстраиванием дискурса, который был бы приемлем для русского языка и не выходил бы за пределы понятийного аппарата русскоязычных штудий. Под последними, подразумевались отечественные теоретические работы, посвященные Власти, Религии, Мифу, Античности на уровне общего с претензией на универсальность и всеохватность.

Единственной научной дисциплиной, претендовавшей на умение систематически и последовательно работать с таким разнородным материалом на уровне «чистой» теории оказалась философия. То есть область рационального, выходящая за собственные пределы в метафизичное, изучающая предельно широкие оснований бытия, творящая максимально широкие и абстрактные понятия – категории. Ею то и пришлось заняться на самых серьезных основаниях.

Через несколько лет была построена категориальная сетка проблемы, сформирована концепция историко-философского процесса развития власти вообще и роль сакрализации власти в частности. Дело казалось за малым: выстроить исторический материал по сработанным

методологическим принципам философии власти. Но не тут-то было. На первых же шагах исследовательской практики стало происходить нечто страшное и ужасное. Эмпирика упорно вылезала за рамки теории в одних частностях и становилась совершенно незначительной, невидимой в других. Конкретная историческая реальность ускользала, как обмылок из широких ячеек громадной рыболовецкой сети.

При этом, в рамках своих собственных систем (исторической и философской), информация оставалась логически нерушимой и фундаментально структурированной.

Я, как говорится, «на собственной шкуре» осознал, что разрыв между «высокой» теорией и «низкой» практикой очень серьезен. Только тогда, автор этих строк, в полной мере понял, что не от скудости общего образования его коллеги-историки отказывались воплощать знания мета уровня в рамках очень конкретной, очень фактологичной, очень требовательной к предметным нюансам исторической реальности. Это был удар, жесткий, отрезвляющий и... несколько обидный.

На некоторое время проблема совмещения и синтеза знания была отложена. Своим чередом была защищена диссертация по философии, своим – написана монография по «классической» истории.

Но проблема то никуда не исчезла. Более того – приобрела злободневность. Сакрализации власти стали

посвящать многотомные труды. Относительно эллинистических культов развязались ожесточенные научные бои, даже сакрализация (обожествление) боспорского Перисада I, «золушка историографии», вдруг стала волновать исследователей... Появились партии филэллинов, сторонники скифского, персидского и иного характера обожествления. Боспорское царство, как то само собой разумеющимся, стало считаться неким евразийским феноменом, а эпоха Эллинизма, де-факто – матрицей концепции Евразийства вообще.

Тогда-то и пришла мысль написать книжку, где было бы представлено несколько точек зрения на вопрос. Именно точек зрения, а не законченных выводов, жестких формулировок и безапелляционных заявлений. Причем, несколько точек зрения не школ, направлений, а принципиально противоположных академических дисциплин. Они, отображая существующий статус кво, просто были обязаны вступить между собой в жаркий спор, но совсем не обязаны найти общую истину. Обращение к классике научной мысли высветило несколько изданий подобного рода. Это историческая работа, посвященная Н. Макиавелли [Бурлацкий, 1977] и философская - посвященная теории познания [Чудинов, 1979]. Достаточно быстро исследование было завершено. Правда, в конечном итоге оно приобрело несколько своеобразный формат. Остановимся на нем подробнее.

Название книги: «Герои. Цари. Боги» - отражает ее историческую составляющую. Ибо именно такой хронологический и типологический ряд выстраивается в попытке определить развитие культа Перисада или любого другого культа царя в Эллинской ойкумене. По мимо всего прочего, в этих трех словах сформулирована максимальная степень абстракции исторической науки в рассмотрении заявленной тематики.

Подзаголовок: «Античный Крым в контексте Евразийской цивилизации» это дань Философии. Он выступает как предельная граница эмпиризации философского знания в данной проблеме. За ней, на уровне собственно Боспора или конкретно Перисада I, для философии – реальности нет.

Как вы уже догадались, в данном тексте речь пойдет (а иногда посыплется мелкими фактами) с позиций Истории и Философии. Это основные герои книги. Однако, для уточнения их позиций, расширения, а иногда и фундации заявленных тезисов, потребовались дополнительные персонажи. В этом качестве выступили Автор и Любитель. Первый склонен примерять беседующих на базе литературно-художественного прочтения вопросов, а второй - ретушировать искусствоведческие, психологические и просто парадоксальные оттенки в диалогах.

В рамках беседы персонажи оперируют как прямым текстом, так и обширными цитатами из «современных

исследований». В качестве последних, выступают как опубликованные (правда значительно измененные и переработанные) работы О.К. Шевченко (Украина, Симферополь), так и новые тексты созданные непосредственно для этого издания.

Каждый из участников диалогов и «Артаксеровых диалогов», пытается донести своему коллеге Знание и Концепцию. Но одна и та же реальность оказывается слишком разной для них. Плоскости дискурса остаются плоскостями существующими вне друг друга. Философ и Историк ведут свои монологи на основании собственных доказательных баз, применяют совершенно отличные методологические приемы для усиления истинности своих суждений, при этом они искренни уверены в самодостаточности «родных» академических дисциплин. Автор и Любитель пытаются впитать услышанные тезисы ученых мужей, но результат этих усилий, иногда вводит то Историка то Философа в научное бешенство.

Картина, в общем, складывается и грустная и смешная одновременно. Но это действительность, с которой сталкивается каждый исследователь попытавшийся начать междисциплинарный диалог, ориентированный на самый широкий круг мыслящей публики.

Чтобы усилить драматизм ситуации и более выпукло представить имеющуюся на сегодняшний день методологическую коллизию, текст книги условно будем считать литературной фантазией. При этом, все

приведенные данные, логика изложения материала – целиком научна. Затронутые вопросы злободневны, а литература вполне реальна. Лишь увертюра книги и ее художественная канва - целиком выдуманы, но они помогут нам воспринимать Исторический и Философский подход, как точки зрения двух разных индивидуальностей с присущими им своеобразным стилем изложения, любимыми словечками, терминами и оригинальной иронией. Этому же служат личности Автора и Любителя представляющих всю читающую публику*.

Итак, не отрываясь далеко от литературной идеализации, создадим контекст событий...

ВВЕДЕНИЕ

*...Прими собранье пестрых глав
Полусмеиных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав...*

А.С. Пушкин.

Как-то не так давно, к автору книги (в будущем Автору) пришли его давнишние приятели: Философ и Историк. Пришли, чтобы он (еще не Автор) рассудил, кто из них «правее», а кто «левее». Не в смысле политики, а в смысле истины.

По их словам, эти два ученых («коллеги-друзья-соперники») поспорили кто с позиций наиболее «абсолютной» правды осветит вопрос о сакрализации власти в Античности? Собственно проблему сформулировал Философ, занимавшийся не то чтобы сакрализацией и историей, но слышавший большим знатоком в общей теории власти. А как каждый знаток в общем вопросе был очень уверен в своих возможностях раскрыть частности. В ответ на этот выпад Историк (большой умница и практик, известный в некоторых кругах как тонкий специалист в истории Боспорского царства) поддержав начинание, заявил о

* Представленные герои это не более чем литературные образы, носящие «говорящие имена». И хотя в силу концепции книги они обладают яркими чертами характера к реальным людям они не имеют никакого отношения. Все персонажи - исключительно вымышленные герои – плод воображения автора. Всякое сходство с реальными исследователями – досадная и непредвиденная случайность.

беспредметности разговора. Ибо, по его, Историка мнению, сакрализация власти в Античности - это нонсенс. Египет и Рим, Селивкиды и тираны Эллады, Герои и Полководцы всех времен получавшие божественные почести, олимпийские чемпионы в конце концов – что между этими традициями обожествления общего? Проблема, которую сформулировал Философ, слишком абстрактна, да и Античность отнюдь не исчерпывается приведенными государствами и культурными феноменами.

И был вечер диспута. И была закуска и было... было...

«Со скрипом» Философ согласился «опростить» тему (Философ обожал сомнительные слова и прямо-таки маниакально брал их в кавычки), сведя ее до вопроса о сакрализации власти в Античном Крыму. Это был компромисс, ибо Историк требовал выбрать какое-то одно государственное образование, например Боспор, а еще лучше, конкретный факт обожествления, например Перисада I, или кого-то из поздних Боспорских правителей. На следующий вечер спора (и одной-двух склянок портвейна, да простит меня читатель, но это искренняя правда) они составили общий план письменных работ. Каждый текст должен состоять из трех блоков.

Во-первых, предпосылки ее величества теории. То есть, на каких таких основаниях рассматривается проблематика, и каковы границы исследования.

Во-вторых, конечно же, общий фон. Событие ведь происходило в контексте других событий, а они в свою очередь других... других... других. Короче фона.

В-третьих, собственно говоря, само обожествление в рамках Античного Крыма. Его практика, смысл и последствия для исторического процесса.

После трех недель индивидуального научного творчества, с кипой бумаг, лазерных дисков, громогласных приветствий... они обрушились на голову Автора. Автор был занятой человек. Он занимался серьезными и осерьезненными делами. Решать вопрос, предложенный Историком и Философом ему было не досуг. Но, приятели, но общение, но шашлык и сухое вино предрешили дело. Однако, вернувшись домой с ароматом жареного молодого барашка, сухого вина и ворохом бумаг... он встретил свою очаровательную жену с не менее очаровательной дочкой на ее руках... Когда, спустя пару недель, позвонили приятели и спросили о результатах, Автор вспомнил данное им обещание и предпочел оперативно свалить все на... читателей. Мол, по Вашим материалам, написана книжка, а

читатели пусть сами все и решают, кто там «выше», а кто «ниже», или, если угодно, кто «правее», а кто «левее». Единственное что нужно уточнить, так это:

«- Кого ставить в Авторы на титульном листе издания? - спросил автор.

- Себя и ставь, - сказали хором Философ и Историк. - Если плохая книжка – сам виноват, а если хорошая то победит Знание».

Автор согласился или быть виноватым, или быть осененным титулом «Посредника к Знанию».

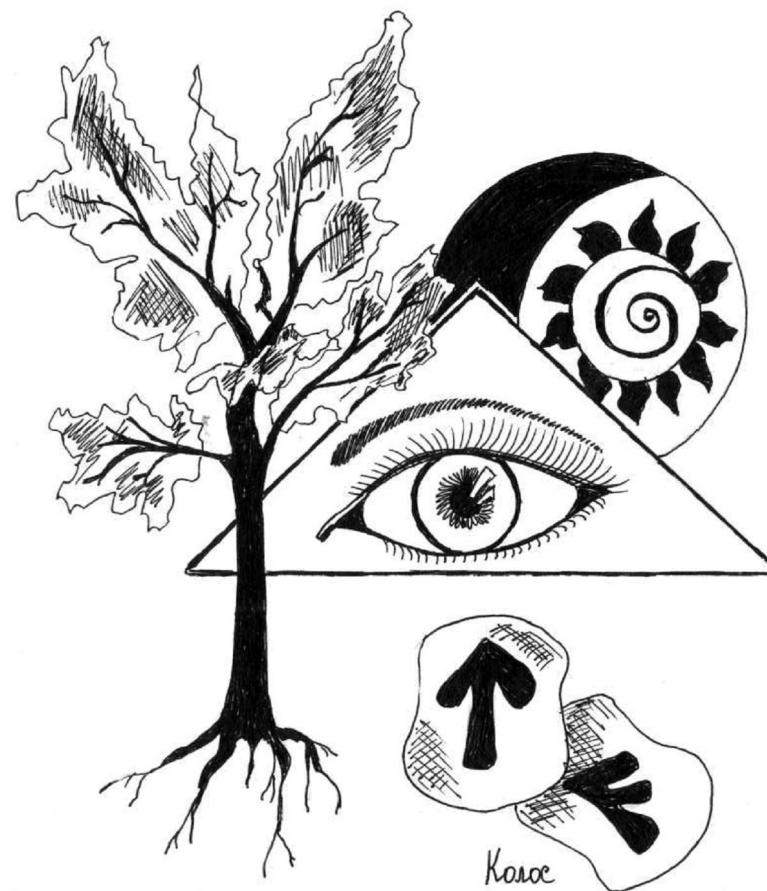
Так что, дело за малым. Начать листать и составлять собственное мнение дорогой чтец.

ДИАЛОГ № I ИЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

*- Куда глупец? Пойдешь ко дну!
От волн добра не ждем!! -
Ответил он, шагнув за борт:
- Иду своим путем.*

Вестфальская песня из книги
В. Свержина «Колесничие фортуны».

Как-то одним прелестненьким осенним вечерком, из тех теплых, мягких, но уже далеко не выжигающих часов которыми славная сентябрьская земля крымская, на песчаном пляжике морского лиманчика Донузлав, под чахлой оливой и над мощной бутылкой с Мадерой, Автор застал беседующих Историка и Философа.

- Здорово други! - сказал Автор, ибо это были его студенческие приятели.

- И тебе не хворать! - практически хором рявкнули собеседники.

- И над чем мы головы ломаем? - поинтересовался подошедший и авторитетно усевшийся рядом с бутылкой вина Автор.

- Обсуждаем вопрос о сакрализации власти, - бойко протараторил Философ.

- Решаем задачу: какую форму принял культ эллинистических царей на Боспоре в IV в. до н. э., - степенно вознес свои слова Историк.

Автор был озадачен.

- Ничего не понял, - сказал он, - это что же, вы просвещаете друг друга в разных темах?

- Как раз в одинаковых, - ответил Философ. - В смысле общаемся мы по одной теме, а вот подходы к ней разные.

- Совершенно точно, - сказал Историк и сам удивился собственной солидарности с Философом.

- А как тема называется? - еще раз уточнил Автор.

- Формально «Герои. Цари. Боги. (Античный Крым в контексте Евразийской цивилизации)», - ответил Историк.

- Ага, только вот на вопрос о чем разговариваем, мы опять дадим разные ответы. Мне кажется, наш диалог идет как одесский корабль: курс один, а ход то «Вперед», то «Назад», - не замедлил навести «тень на плетень» Философ.

Историк покосился на коллегу, но уточнять кто из них дает команду «вперед», а кто «назад» не стал.

- Ясно... - ответил Автор наливая себе Мадеры, - а договориться о плане беседы не смогли, разумники?

- Смогли, - сказал Историк. - Вот сейчас выясняем «Теоретические предпосылки исследования».

- Ага, - грустно просквозил словами Философ - только я уже запутался во всех этих источниках, Дионисиях, Страбонах, лапидариях и прочих эпиграфиках со стратиграфиями.

- Он еще жалуется! - разжевывая каждое слово, поцедил Историк. - А кто меня терзает своими методами, подходами, синергетиками, дискурсами,

ризомами, каузальностями и прочими когерентностями в придачу?

Философ только грустно вздохнул.

- Есть альтернативное предложение, - бодро доложил Автор доставая из принесенного с собой чехла ноутбук и, настраивая его на «всемирную паутину» Интернета.

- Какое? - уточнил Историк.

- Элементарное: пусть Философ предложит для нашего чтения избранные места из современных работ по философии, посвященных той или иной тематике нашего (уже нашего), – улыбнулся Автор, - диалога, а потом мы обсудим прочитанный текст в троем. Затем наступит очередь Историка.

Это, во-первых, избавит нас от забот, связанных с выстраиванием диалога по всем канонам академического диспута, но все таки позволит «не растекаться мыслию по древу».

Во-вторых, предложенная метода создаст великолепную возможность оперативно приобщиться к свежим идеям, мыслям, находкам и уже в ходе приятной беседы уточнить неясности освоенных фактов.

В-третьих, наш разговор, кружащийся вокруг письменного слова, предоставит нам право более

смело критиковать позиции Истории и Философии без апеллирования к личностям общающихся.

- То есть, мы выступим как бы адвокатами заявленных в текстах тезисов? - не преминул уточнить Философ.

- Да! – отвечивал Автор.

- А если мы захотим расширить точку зрения скаченных источников до пределов своего кругозора, то сможем сделать это устно, в порядке, так сказать, самокритики. В смысле критики своего коллеги по цеху, – не терпящим возражения тоном заявил Историк. – Это для того, - уже мягче добавил он, – чтобы отмежеваться от тех, эээ... воззрений, которые не приемлемы... ээ... нам как, эээ... адвокатам.

Философ столь энергично закивал головой, что даже разок приложился к стволу оливкового дерева, на которое он до этого слегка опирался спиной.

- Согласен, – бросил словом Автор и уточнил, - я же, буду вступать в наш разговор в качестве незаинтересованного слушателя, задавая вопросы и размышляя в слух о том, что услышал. Я не буду связывать себя кастовой принадлежностью к академическим дисциплинам и утруждать свой разум вплетением собственных высказываний в логику разговора. Это, на мой взгляд, добавит беседе экстравагантности и непринужденности.

- Но добавит ли истинны? – не уверено пробормотал Философ.

- Вряд ли, - покладисто согласился Автор, – но даст пищу для размышлений и позволит более четко, осмыслить собственную позицию и точку зрения оппонента.

- Попробуем – решительно высказался Историк.

- Почему бы и нет – тонко заметил Философ.

Историк и Автор выглядывая из-за плечей Философа, наблюдали как он «наяривает» джигу на клавиатуре, ища нужный ему текст. Спустя не много времени Философ вывел на экран искомые строчки.

- Это, - сказал Философ, - отрывок из монографии посвященной философии власти. Он поможет уточнить предельные основания нашего разговора. По идее, мысли высказанные в нем должны быть универсальны. В том смысле, что они в своей всеохватности очерчивают круг нашей беседы и придают нашим словам силу инструмента познания, превращая последние в понятия и категории. Другими словами, это необходимейшие теоретические предпосылки любого разговора о власти.

Историк и Автор склонились над монитором, а довольный своей оперативностью Философ, некогда рецензировавший эту книжку, беззаботно потягивая винцо, стал наблюдать как под напором соленоватого

бриза, трепещут шарики оливок и фривольные облачка высоко над ними.

Введение в философию власти.

Тайна власти издавна волновала человечество. На протяжении всей письменной истории не было такой эпохи, не было такого народа и литературной традиции их выражающей, которые бы обходили молчанием властную реальность. Однако ни философия, ни наука так и не смогли сформировать определенное, непротиворечивого и универсального представления о власти XX век продемонстрировал откровенное бессилие науки (в диапазоне от политологии до психологии) создать такую категориальную сетку, которая была бы способна накрыть власть как особый вид бытия в мире. С середины XX века все уверенней стали раздаваться голоса о принципиальной невозможности вывести общенаучную дефиницию власти. А в конце XX века это мнение стало доминирующим в ученых кругах [Шевченко, 2005-А].

Но не смотря на прогрессирующий агностицизм, практики работают с тканью властной реальности в разрезе социологии, политологии, психологии, юриспруденции. Не отстают от них и историки.

Недостатком сложившейся ситуации является определенная подмена понятий. Так, часто она ограничивается вопросами,

связанными с политическим бытием, функционированием государственного аппарата или же авантюрами отдельных личностей. Теряя свою метафизичность, история власти лишается многих интереснейших проблем, которые оказываются на периферии научного интереса. Как результат, историческая мысль обязана кружиться вокруг одних и тех же, поднятых несколько столетий назад проблем [Шеченко, 2008].

На лицо заколдованный круг: отсутствие общей теории власти приводит к распаду истории власти на отдельные фрагменты (даже в рамках очень узкого хронологического периода), а недостаток эмпирической, логично структурированной базы по истории власти лишает «теоретиков» сформулировать сколь ни будь стройную концепцию власти.

Однако же надо с чего то начинать, чтобы его разомкнуть?

Такой отправной точкой отсчета может послужить определение того, что же мы понимаем под понятие «Власть». То есть, какую картинку, какую реальность автор видит за этим словом.

Выстраивать определение начнем с семантического поля слова.

Этимологические словари дают следующую картину этимологии власти в старославянском языке:

1. Власть: (из владеть) властвовать, властный, властитель, область, областной.

- Волость, волостный.
- Волость, волостель, волостелин.

➤ Власть, властник, собственник; глава дому.

➤ Власт, могущество, властель. Дворянин, властник, собственник.
Др. славян. *vaľa* – сила, господство [Преображенский, 1959, с. 216].

2. Власть: володеть, володею, волость – «власть», «право», позже (10 в.) «государство», «страна», еще позже «округ».

В русском языке владеть и власть из старосл. *voľost* [Историко-этимологический, 1994, с. 157].

3. Власть:

- область, княжество, государство;
- владение собственность;
- власть, господство, владычество;
- право, возможность что-л. делать;
- лица, облеченные властью [Преображенский, 1959, с. 244–246].

Толковые словари русского языка предоставляют следующее объяснение такого ключевого понятия, как власть.

1. Власть:

- **Право, сила и воля над чем., свобода действий и распоряжений; начальствование; управление** [Даль, 1989, с. 213].

2. Власть:

- **Право** и возможность подчинять кого-что-н. своей воле, распоряжаться действиями кого-н.;
- права и полномочия правительства, правительственного лица;
- образ правления, государственный строй;

- могущественное **влияние**, принудительная **сила**;
- лица, облеченные властью, **начальство** [Толковый, 1935, с. 310].
- 3. **Власть**:
- **Право** и возможность распоряжаться кем-чем-н., подчинять своей воле;
- политическое **господство**, **государственное управление и его органы**;
- лица, облеченные правительственными, административными полномочиями [Толковый, 1999, с. 86].
- При этом словари литературного русского языка во многом более официозны:
- 1. **Власть**:
- **Право управления государством**; права и полномочия **правительства**, **правительственных органов**;
- органы **государственного управления**; **правительство**;
- форма правления страной, **государственный строй**;
- право и возможность **повелевать**, **управлять**, **распоряжаться** действиями, поведением кого-либо [Словарь, 1951, с. 436-437].
- 2. **Власть**:
- **Право** и **возможность повелевать**, **распоряжаться** действиями, поведением кого-либо;
- **Могущественное влияние** **чего-либо**, **неодолимая сила** **чего-либо**.
- **форма управления страной**.
- **Право** и **возможность** **управления** **государством**.

- Органы **государственного и местного управления** [Словарь, 1991, с. 304].

Можно отметить интересную деталь. Определение власти в дореволюционных словарях и словарях эпохи Перестройки имеют менее императивный характер и апеллируют к таким ценностям, как право, справедливость, уделяя значительное внимание возможности власти. Для советских словарей 30-50-х годов власть – это государство, безусловное право диктата. Подобный сюжет тоталитарного прошлого прочно вошел в советскую культуру и спустя 15 лет после крушения СССР еще не до конца исчез из нашего повседневного и литературного языка, риторики политиков (где власть, там всегда органы власти), философских и научных исследований власти (см. концепции власти).

На основании представленных определений можно выстроить ряд понятий, которые входят в семантическое поле власти: **воля, сила, свобода, право, могущество, влияние, господствование** (более удобная форма чем повелевание), **управление, государство**.

Кроме того, при анализе понятия «владеть» в толковых и литературных словарях XIX-XX веков прослеживается четкая связь с понятием «власть».

Так в словаре Даля представлен следующий семантический ряд: **«Владеть: обладать; владычествовать, властвовать; управлять полновластно; иметь в своей собственности, называть по праву своим»** [Даль, 1989 с. 212].

В словаре Ушакова:

Владеть:

- иметь что-н. своей собственностью, обладать;
- **держать в своей власти**, управлять (книж);
- быть в состоянии действовать чем-н., пользоваться чем-н. [Ушаков, 1935, с. 305].

В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой:

Владеть:

- **иметь своей собственностью;**
- **держать в своей власти, подчинять** (в отличие от словаря Ушакова это опять не книжное, а вполне живое выражение).
- уметь, иметь возможность пользоваться чем-нибудь, действовать при помощи чего-нибудь [Толковый, 1999, с. 86].

Таким образом, к заявленному ряду следует добавить такие важные понятия, как **Обладание и Собственность**.

Анализ толковых словарей украинского языка представил следующую картину.

1. Власть:

- право керувати державою, політичне панування;
- керівні державні органи; уряд;
- право та можливість розпоряджатися, керувати ким, чим-небудь;
- сила чого-небудь, могутність [Словник, 1970, с. 701].

2. Власть:

- Право керувати державою, політичне панування;

- керівні державні органи; уряд;
- право та можливість розпоряджатися, керувати ким, чим-небудь;
- сила чого-небудь, могутність [Великий, 2003, с. 151].

3. Власть:

- право управління державою, політичне панування;
- права і повноваження державних органів;
- органи державного управління, уряд;
- право та можливість розпоряджатися, керувати ким, чим-небудь;
- могутність, сила [Тлумачний, 2002, с. 142].

4. Власть:

- право і спроможність наказувати, керувати, розпоряджатися діями, поведінкою кого-чого-небудь;
- право керувати державою; права і повноваження уряду, органів державного управління;
- керівні органи державного управління, уряд [Російсько, 2003, с. 297].

Как видно, семантика понятия “власть” в русских и украинских языках существенно не различается (та же ситуация с белорусским вариантом концепта власти – “улада”). Различие лишь в деталях. Так, в украинском языке отождествление власти с государством, органами государственного управления более прочно и влиянию времени практически не поддавалось. Эта особенность будет учтена в третьем разделе при

изучении властной реальности в украинском обществе*.

Второй шаг, выстраивание иерархию концептов, которые в силу своей укорененности в русском языке должны определить границы нашего разговора о власти.

За центр схемы можно взять концепт «**власть**». Его ближайшими спутниками являются «**сила**», «**воля**», «**право**», «**свобода**». Для пояснения последних и качественной оценки самой власти в словарях употребляются такие концепты, как «**могущество**», «**влияние**», «**господствование**», «**управление**». Следующий ряд представляют два понятия, которые иногда отождествляются с властью, но чаще служат для наглядной, количественной, опредмеченной иллюстрации заявленных и довольно абстрактных понятий. Эти два концепта – «**государство**» и «**собственность**». Последним концептом, семантическое поле которого включает в себя все заявленные понятия, концептом, который структурирует представленную систему и является ключевым для определения генезиса власти, служит понятие «**обладание**»**.

* Любопытно, что понятие «авторитет», казалось бы, ключевое для определения власти, встречается лишь в энциклопедических и философских словарях и напрочь отсутствует в обыденном и литературном языке для пояснения феномена власти.

** На стыке психологии и философии понятие собственность нашло особое развитие см. [Бибихин, 1997].

Однако приведенные концепты могут лишь очертить семантическое поле власти и дать общее представление об исследуемом феномене.

Работать с образами и общими представлениями это означает только увидеть пределы заколдованной ситуации, но не преодолеть ее. Для перехода с одной плоскости исследовательской ситуации в другую, необходимы инструменты. Таковыми являются понятия, способные создать категориальный каркас исследования. Он выведет проблему власти из сферы интуитивно-практической на уровень логико-теоретический. А в идеале – станет основой для конституирования исторического дискурса. Категориальный каркас способен помочь освоить динамику власти как специфического вида деятельности, как особой формы отношения в обществе и как конституирующего фактора социума. Понятно, что просто литературным языком здесь обойтись невозможно. Необходимо привлечь опыт научного и философского дискурса о власти.

В советских философских энциклопедиях основным, наиболее близким к власти понятием является **авторитет**. В постсоветских изданиях авторитет для определения власти уходит и занимает вполне в духе неопозитивизма нишу одного из методов осуществления властных функций [Всемирная, 2001, с.171]. Такое внимание советских философов к понятию авторитет не случайно.

Во-первых, после работ Хатунцева (20-ые годы вплоть до конца 50-ых) [Хатунцев, 1925] философских исследований власти не проводилось вообще. Единственной нишей, где удавалось (хотя бы фрагментарно) вводить феномен власти в социально-философские исследования, была проблема авторитета. Да и то в силу того, что по поводу авторитета вышло ряд статей В. И. Ленина и одна заметка Ф. Энгельса. В последующем проблема авторитета и наработки советской философии были собраны и обстоятельно изучены в монографиях известного ленинградского ученого Н. М. Кейзерова.

Во-вторых, вопрос об авторитете как условии и факторе бытия власти органично вытекал из самого семантического круга проблемы. Позитивные проявления воли, свободы и силы немислимы без обретения особого статуса. В толковых словарях данный статус определяется как **право** на поступок. В философии был использован заимствованный концепт из романо-германских языков – «авторитет» (при сохранении немецкого варианта его прочтения).

Само понятие «авторитет» появилось в русском языке лишь в начале 18 века [Историко, 1994, с. 27] и использовалось для определения значимого свидетельства в деле науки, принимаемого слепо и на веру [Даль, 1989, с. 4]. Лишь благодаря усилиям философов, в основном через освоение классической немецкой философии, понятие «авторитет» стало играть важную роль в

определении власти. Первой ласточкой стала короткая статья в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, где авторитет определяется как «значение и основанная на значении или с ним соединенная власть». Подробно понятие было рассмотрено в рамках советского периода изучения власти. На современном этапе наметилась любопытная закономерность. В словарях понятие «авторитет» теряет свое значение, но в рамках монографических исследований, особенно в кандидатских диссертациях, происходит настоящий ренессанс этого понятия.

На основании анализа кратологической* литературы [Шевченко, 2006] можно сделать вывод, что российскими и украинскими учеными понятие «авторитет» рассмотрено достаточно полно и емко. С точки зрения этимологии исследователи фиксируют, что понятие «авторитет» восходит к эпохе Августина Блаженного [Комина, 2003, с. 13]. Само по себе понятие «авторитет» нетождественно понятию «власть»*: оно выступает как выражение отношения к субъекту власти [Трифонов, 1997, с. 52]. Авторитет по своему содержанию субъектно-объектен, а по форме представляет собой субъектно-объектную связь [Антонова, 2003, с. 7]. Носителями авторитета выступают лидеры и вожди, творческие и гениальные

* Подробнее о кратологии как науке постижения власти см. [Шевченко, 2007].

* Об этом различии см. в одной из последних работ по авторитету: И. И. Ефремов. Функции и роль авторитета как феномена социальной жизни // Философия и общество. - 2005. - №1. – С. 38 – 56.

люди. Носителем авторитета может быть и коллектив людей [Трифорова, 1997, с. 18]. Семантическая близость понятий «авторитетный человек» и «человек во власти» позволяет отождествлять их в бытовой речи. Однако в литературном белорусском, русском и украинском языках они носят лишь характер подобия. Такая же ситуация сохраняется и в немецком языке. Но во французском и английском языках ситуация иная. Так, в английском языке слова «власть» и «авторитет» переводятся одинаково – authority [Русско, 1989, с. 27, 79]. Во французском языке власть – pouvoir [Французко, 1983, с. 74], авторитет – autorite [Французко, 1983, с. 17], но лица, наделенные властью, – autorites [Французко, 1983, с. 74].

Для определения семантического поля этого было бы достаточно. Но для наделения понятия «авторитет» статусом операционального понятия необходимо привлечение результатов всестороннего исследования этого феномена в работе украинского автора В. С. Богданова. Он отмечает, что авторитет функционирует как исторически установленная константа и вместе с тем динамичная структура. Он «відтворює конкретно-історичний іноваційно-конструктивний потенціал певної соціальної спільноти, яка репрезентує традиції та цінності минулого, прадукує нормативні утворення сьогодення та конструює моделі соціальної взаємодії найближчого майбутнього [Богданов, 1997, с. 353].

Понятие авторитет является необходимой составляющей для постижения генезиса власти в заявленных рамках. Более того, он, в силу своей специфики, помогает прояснить историческую динамику отношений воли и свободы, права и государства, стремления к обладанию и его практического осуществления. Для исследования этих сложных процессов предлагается использовать понятия «власть авторитета» и «авторитет власти». Последние были синтезированы из двух концептов «власть» и «авторитет» Эти понятия вводит в научный оборот И. И. Кальной [Гражданское, 2002]. Исходя из семантических рассуждений и истории философских исследований власти и авторитета, такое сопряжение правомерно.

По концепции И. И. Кального, власть авторитета это понятие, обозначающее исходную ступень развития власти, которая предполагает наличие определенных признаков:

- относительно небольшая общность людей;
- прямые отношения между членами коллектива, исключая посредников;
- ориентир людей на признание, утверждение своего «Я».

Исторически власть авторитета соответствует первобытнообщинному строю. Хронологически власть авторитета охватывает длительный эволюционный период. Авторитет возникает в условиях формирования социосферы, мировоззрения и индивидуальности человека. Образование первых государств знаменует собой ломку

власти авторитета и трансформацию потестарного общества в традиционное.

Власть авторитета характеризуется доминированием обычного права, примата целого над частью, мифологическим мировоззрением, формированием культуры страха [Гражданское, 2002. с. 6-7]. Можно выделить генезис власти авторитета, его классический этап развития и закат (угасание) в эпоху Возрождения (в эпоху первоначального накопления капитала). На смену власти авторитета приходит авторитет власти, который является естественным следствием логики развития общества, это ответ в форме буржуазной культуры и индустриальной цивилизации, когда складывается фетишизация товара, денег и капитала; когда на социальном Олимпе доминируют политика и научное мировоззрение.

Для исследования конкретных обществ трансформационных процессов понятия «власть авторитета» и «авторитет власти» подходят как нельзя лучше. Они позволяют оценивать происходящие процессы не только с точки зрения их эффективности, но и через антропологическую и онтологическую составляющую, используя весь простор семантического поля власти, выявляя меру соотношения силы, воли, свободы и права, осуществляя сравнительный анализ качества **управления, господства, могущества и влияния**, фиксируя количественные характеристики власти через понятия **государство и собственность**, выходя на онтологический уровень через концепт

обладание. Понятия «власть авторитета» и «авторитет власти» позволяют рассмотреть динамику власти. Но попытка определить их статус как категорий истории власти наталкивается на определенные трудности. Для примера, попытаемся провести сравнительный анализ власти во французской республике Шарля де Голя и союза племен Зулусов в XIX веке. Так, власть в IV французской республике представлена отчетливо выраженным авторитетом власти. Форма его проявления – демократическая президентская республика, форма его осуществления – французская бюрократия, способ его бытия – политические отношения. Для Зулусов же характерна власть авторитета, когда форма проявления и форма осуществления власти являются неразделимым целым и принадлежат общине во всей совокупности ее действительных членов. Способом бытия общины выступает политическое пространство, которое находится в зародышевом состоянии.

Если использовать понятия «власть авторитета» и «авторитет власти», тогда необходимо постоянно учитывать то особенное и исключительное, чем обладают два указанных объекта исследования. Их хронологическую и географическую удаленность друг от друга; разные уровни общественно-политической и экономической жизни, разное историческое прошлое. Другими словами, необходимо учитывать те характеристики, которые объективно влияют на конкретные формы власти.

В таких условиях плодотворный сравнительный анализ практически исключен. Совсем иная ситуация может возникнуть при использовании максимально широких понятий – категорий, которые призваны описать абсолютные сущностные характеристики власти. Они позволяют создать идеализированный объект – основу для осуществления метода восхождения от абстрактного к конкретному. Без использования этого метода историческое познание власти, по очевидным причинам, теряет свое гносеологическое значение. В виде таких категорий предлагается использовать понятия «вертикаль власти» и «горизонталь власти».

Как отмечают исследователи, еще в древнекитайской, древнеиндийской и древнегреческой философских традициях появился прообраз понятий «вертикаль власти» и «горизонталь власти». А. А. Котенев и А. Е. Лукьянов сделали заявку на выделение архетипов власти, ее «первородной сущности ... ее генетики не столько в плане исторической эволюции, сколько в плане генетических кодов власти, способствующих ответу на вопрос: что есть власть в своем абсолютном значении» [Котенев, Лукьянов 2000, с. 10]. Исследуя содержание мифов и философских традиций Древнего Китая, Древней Индии и Древней Греции, авторы выходят на архетип горы и архетип воды, символизирующих вертикаль и горизонталь властных отношений. Символы горизонтали и вертикали в решении проблемы власти активно используются и в

современной российской философии. Так, К.Ф. Завершинский, изучая вопрос легитимации и легитимности, обращается к символу горизонтали общественных отношений как антиподу жесткой иерархии церкви [Завершинский, 2001, с. 100]. К этому же приему прибегает М. Н. Кузьмин, описывая систему зависимостей в средневековом обществе [Кузьмин, 1997 с. 59]*. Особое место образы горизонтали и вертикали занимают в концепции И. И. Кального. Как координаты общественного развития (вертикаль власти и горизонталь коммуникативного отношения), в его работах они обрели статус операциональных понятий. Можно сделать вывод, что предложенные категории имеют корни непосредственно в самой структуре власти, в ее глубинном слое, что и нашло отражение в архетипах горы и воды, образах вертикали и горизонтали власти. При этом важно, что они носят универсальный характер и свойственны обществам, которые очень сильно отличались и в культурном, и в экономическом, и в социальном планах. Но совместимы ли они с семантическим полем власти в славянских языках? Для ответа на этот вопрос выделим ключевые концепты, раскрывающие содержание заявленных категорий.

Вертикаль власти.

По определению вертикаль власти имеет четко заданные параметры: отношения

* Традиция рассмотрения светской и духовной власти имеет солидную традицию в отечественной философии см. [Бердяев, 1995; Ветюгов, 2001; Яблонская, 2001]

иерархии, господствования-подчинения. Данные критерии являются следствием дальнейшего уточнения семантического поля власти и понятия «авторитет власти». Исключая из понятия «авторитет власти» параметры, которые были необходимы для исследования конкретных обществ на заданном историческом отрезке (так смысляется историческая динамика смысловой структуры понятия, характерного для потестарного общества или традиционного), можно прийти к «чистому понятию», которое должно отразить сущность исследуемого феномена.

Первый признак вертикали власти представляет ее иерархия. Она является отражением физической структуры той реальности, которую замещает категория «вертикаль власти». Вертикаль власти характеризуется пирамидальным строением, высшие ступени которого занимают функционеры с более широким доступом к информации и большим спектром управленческих решений (наиболее часто к данному понятию прибегают в социологической концепции власти).

Второй признак вертикали власти – это ее господствование. По словарю: «обладать преимуществом перед кем-н». Господствование подразумевает наличие четко выраженных объекта и субъекта власти. При этом волевое воздействие субъекта власти на объект абсолютно и не подлежит корректировке со стороны последнего (данное понятие – визитная

карточка психологической концепции власти).

Третий признак вертикали власти – это факт подчинения. Подчинение проявляется в отношении нижестоящего и вышестоящего. Система власти функционирует только в случае выполнения команд с вершины пирамиды к ее основанию.

Горизонталь власти.

Вторая, парная, категория власти выстраивается по аналогичной системе. Она характеризуется признаками влияния, управления и согласия.

Первый признак – влияние. По словарю: «действие оказываемое кем-н., авторитет». В данном случае оно представляет физическую структуру горизонтали власти. Когда все ее элементы находятся в одной плоскости, каждый из них автономен и имеет прямую возможность для коммуникации или воздействия в направлении избранной цели. Данная физическая структура характеризуется принципами когерентности, синергии и каузальности и находит свое теоретическое воплощение в системном и синергетическом подходах. Понятие «влияние» подробно разрабатывалось во всех концепциях власти, особенно в аналитической и комплексной концепциях.

Второй признак – управление (направлять ход, движение). Объект и субъект власти присутствуют, но их роли выражены нечетко и часто взаимозаменяемы. Сутью признака является отсутствие четких директив временного субъекта власти и жесткого контроля над процессом их

исполнения. Существует некая общая программа действия, где контролируется лишь качество результата ее выполнения. Предполагается широкое поле для импровизации и интерпретации заявленной задачи. Это понятие родилось в социологической концепции, свое нынешнее прочтение получило в рамках комплексной концепции власти.

Третий признак – согласие. Направление действия коллектива не вырабатывается узким кругом лиц, а является делом каждого заинтересованного в проекте лица. Общая задача формулируется с учетом интересов всех членов, которых касается данный проект. Признак согласия подразумевает возможность инициативы снизу и коррекцию задачи в ходе ее исполнения. Использование понятия «согласие» характерно для комплексной концепции, хотя основной смысл концепта находит свое оригинальное прочтение во всех концепциях власти.

Таким образом, «вертикаль власти» – это категория, отражающая такую объективную реальность, которая характеризуется наличием иерархической системы построения элементов и отношений в рамках господствования и подчинения. Для постижения феноменального уровня этой реальности необходимо использовать такие понятия, как «авторитет власти» и «государство».

«Горизонталь власти» – это категория, которая объясняет объективную реальность с помощью терминов «влияние», «управление» и «согласие». Для феноменального уровня

можно использовать такие понятия, как «власть авторитета» и «общество».

Как уже отмечалось, «вертикаль власти» и «горизонталь власти» – это **абстрактные** категории, которые отражают **предельно идеализированную** реальность. Отдельно взятые, они имеют очень небольшое гносеологическое значение. Другое дело, если по аналогии с «властью авторитета» и «авторитетом власти» попытаться выявить точки их сопряжения. Логично, что получившаяся система координат и будет являться исходным этапом освоения власти на феноменальном уровне. Ибо в точке сопряжения вертикали и горизонтали и складывается способ бытия власти: в форме бюрократии, государства, политики.

Для выявления их гносеологического потенциала необходимо обратиться к системному и синергетическому подходу.

Общество как самоорганизующаяся система нуждается в регламенте деятельности ее субъектов. Главным фактором этого объективного процесса выступает власть в качестве определенной формы правления. В системе власти вертикаль обеспечивает ее стабильность и устойчивость, а горизонталь задает «правила социальной игры».

Вертикаль власти представлена авторитетом власти в лице официальных институтов государства: органов судебной, исполнительной и законодательной власти. Горизонталь представлена властью авторитета в форме явного или неявного гражданского общества. Последнее принято

понимать как «ассоциацию свободных, равноправных, а стало быть, автономных и активно действующих людей с ориентиром на собственное благо и благо общества, ибо их личная жизнь осуществляется в сфере публичной жизни» [Кальной, Шрейдер, 2006].

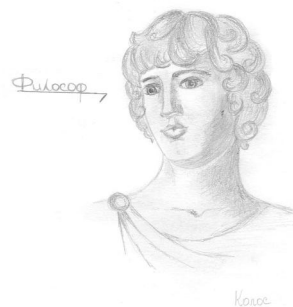
На сущностном уровне вертикаль власти и горизонталь власти имеют точки сопряжения, которые находятся в той или иной системе властных координат. Их характеристики носят абсолютный характер и позволяют выявить то общее, что представляет собой, например, власть в племени Зулусов и власть в условиях французской республики эпохи Шарля де Голля. Их объединяет единая сеть властных координат при совершенно разных формах проявления и осуществления.

Историк и Автор почти синхронно оторвали голову от ноутбука и ослотившими глазами уставились на подернутые вечерней пленкой воды Донузлава. Вдоволь налюбовавшись на их рассеянные и слегка обалдевшие от прочитанного глаза, Философ подал голос:

- Прочитали?
- Скорее просмотрели - уточнил историк.
- Это как его, ОСВОИЛИ - блеснул философской эрудицией Автор.

Философ недоверчиво посмотрел на него, но «на рожон» лезть не стал.

- У тебя есть, что добавить к прочитанному, или ты согласен со всеми изложенными мыслями и готов получить порцию вопросов с критикой? - спросил Историк.

- Добавить есть всегда что... – медленно протянул философ и после паузы продолжил скороговоркой иногда слизывая окончания слов, – по сути представленный текст претендует на классический семантический анализ. Он подвергает исследованию не само явление как таковое, а символы его обозначающие. Ведь, в самом деле, власть это не

камень, который можно увидеть, ни огонь который можно ощутить, это нечто существующие но не имеющее физических мер: протяженности, веса и т.д. Но оно есть. Однако каково оно? Камень мы можем увидеть вдвоем и поговорить о нем. А что же можно

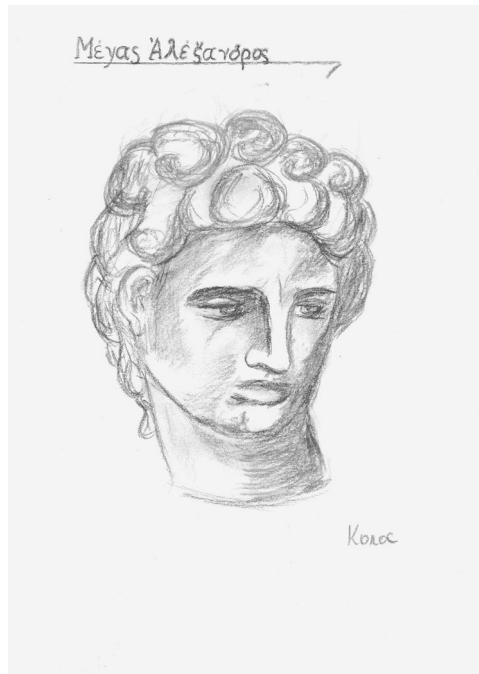
сказать о власти если она не видна, но разговор зашел именно о ней? Поэтому, критикуя текст, помните, что его автор работал с абстракциями, фата-морганой которые «родила» власть, но формализовала культура. Последняя «лепила» концепт при помощи символов (звуковых – устная речь и графических – письменная речь).

- То есть ты хочешь сказать, что все что мы изучали это интеллектуальная забава?- несколько агрессивно сформулировал терзавшее его во время чтения противоречивое чувство Историк.

- Да, в том смысле, что любой текст, любая книга это забава. Она сама, конечно, реальность и создается для изучения реальности. Но трудиться то автор с символами, иллюзиями, абстракциями. Например, близкий тебе пример. Вот как ты думаешь царь Александр Великий (Македонский) существовал?

- Да! – почти рявкнул Историк.
- Его то и изучают специалисты-историки?
- Конечно.
- Пишут о его характере, политике, общественной психологии сформировавшей его как царя.
- В том числе и об этом.
- И считают, что работают с реальностью, которая очевидна?
- А как же иначе?

- В том то и дело, что еще ни один историк, изучающий Александру личность не работал с ним тете-а-тет. Как психотерапевт. А всего лишь со словом, сказанным о нем или с несколькими буквами, которые приходится археологам выковыривать из земли. Поэтому так

- называемый исторический Александр это яркая фантазия в нескольких сотнях головах, захватившая учебники истории.

- Ничего себе заявление! Любезный Философ! Историк имеет честь работать с фактами, повторю это слово с ФАКТАМИ, милейший, - с к о н к р е т и к о й, а не с иллюзиями, - чем больше Историк гневался тем велеречивей становился его язык. - Если есть Античный Херсонес то он есть, назови его, сударь, хоть калошей, а он все равно будет тем, чем является.

Другое дело философия. Она сама, ТОГО, - Историк неопределенно пошевелил правой пятерней

на уровне собственных глаз, - фантастична. Да и нужна она человеку, лишь как средство опьянения своей собственной исключительностью, выражающейся в огромном наборе совершенно непонятных слов и абсурдных мыслей.

При этом она еще пытается объяснять ученым существо их науки и требует от них следовать совершенно диким, надуманным и насквозь оторванным от реальных научных задач, алгоритмам, чтобы, видите ли, достичь истины, путь к которой лежит только через мозги философских факультетов – несколько зло закончил Историк, еще помнивший те времена, когда железный диктат Диамата и Истмата пересовал его научные работы в стандартные формулы и выражения.

- Да не о том речь...- Философ привычно пропустил мимо ушей эмоциональный всплеск Историка, ведь нечто подобное он регулярно слышал и от Физика и Химика и Социолога. Частота и банальность таких обвинений давно выработали в нем иммунитет против них. - Я имею ввиду, что любой текст - это буквы за которыми стоит реальность. Но реальность – реальности рознь. Факт - факту рознь. Одно дело кусок кирпичной стенки, другое дело как эту стенку воспринимали люди, жившие во времена ее совершенства.

- Ну и что из всего этого следует?

- А то, что ученый забавляется, решая неразрешимый вопрос о...

- Так ты что же отказываешь науке вообще в праве вопросы разрешать...

Тут Автор с некоторым беспокойством наблюдавший полемику решил оборвать ее раньше, чем она закончится крепкими словцами и хрупкой обидой.

- Ребята, - при этом слове покрасневшие спорщики несколько раздраженно уставились на говорившего, - мы отошли от общей тематики текста. О возможностях Историка, уважаемый Философ, поговорим, когда прочтем его текст, а сейчас мы разбираем Вашего «подзащитного». Так что, отвечая коллеге не вставляйте ему интеллектуальных шпилек, – Философ не хотя кивнул головой. – Ну а Историк думаю согласиться, либо уточнить текст вопросами, либо высказать свою точку зрения не в форме общих, эмоциональных и довольно расплывчатых замечаний, а в рамках конкретных тезисов.

- Добро! – Историк, распрямил спину и начал методично вдавливать слова в окружающее пространство. – Я принимаю прочитанный текст как вексель, который выдает Философ. Вексель

оплачиваемый фактами. Прочитанные мною идеи – любопытны, но чересчур амбициозны и воздушны. Неужели выведенные к а т е г о р и и охватывают все прошлое, всех времен и народов, не говоря уже о настоящем и возможно будущем?

- Да – Философ был на удивление краток, но содержателен.

- Как частные события так и общие, глобальные?

- Безусловно.

- Как действия отдельных людей, так и народов, наций, рас?

- Конечно.

- Но разве ты изучил все эти события, народы, нации, эпохи, разве проверил свои данные на миллионах примеров прошлого, раз говоришь о такой степени достоверности своих словесных инструментов?

- Это абсолютно излишне.

- Как так?

- Я через моего подзащитного определял ЦЕЛОЕ. То, что делает власть властью вне зависимости от племени или государства, то, что позволяет говорить об ИСТОРИИ ВЛАСТИ, ее изменении вне зависимости от формы управления или политического устройства. Это целое проявляется во всех фактах без исключения. Для его нахождения достаточно

нескольких событий, достаточно и одного. Как в одной капле воды виден общий химический состав океана, как в одном луче солнца видно то целое, что присуще всем лучам, так и в одном факте власти видна ее вертикаль и горизонталь, власть авторитета и авторитет власти, другими словами н е ч т о, что делает власть властью.

- Это слишком абстрактно.

- Совершенно верно. Но эта абстракция является, условно говоря, меридианами и параллелями на глобусе. Они конечно не исчерпывают глобус, но позволяют говорить о географических объектах в точных и не двусмысленных привязках. Так и заявленные категории не наполняют власть содержанием. Они структура, которая «обрастет мясом» фактов в последствии.

- Неужели Философия на это способна?

- Вообще то на это способна История. Ведь она дает содержание, а философия – форму.

- То есть опять таки я должен давать фактаж по схемам, которые формулируются в Ваших головах?

- Такова реальность. Но можешь формулировать, как ты выражаешься, схемы и самостоятельно, только все равно от законов мышления и познания сформулированных философией ты никуда не уйдешь.

- А какой же тогда истинности философских суждений можно говорить в нашем локальном споре об Эллинизме?

- Только о той, что я уже сформулировал, «мередианной». Впрочем, я в дальнейшем покажу, какие возможности открывает философия в рассмотрении даже локальных вопросов. Я сформулирую границы явления и его форму, определю возможности его развития и влияния на исторический процесс. Проведу не описание явления обожествления, а вычленю динамику со-бытия, определю его Законы и абсолютную логику существования.

- Это все ты сделаешь не выходя за рамки темы сакрализация власти в Античности и конкретнее в Эллинизме?

- Я уже утверждал это. Но, чтобы говорить о частных вопросах, нужно решить общие. Что я и делаю в настоящий момент.

- Ладно. Поживем увидим. Но у меня есть еще одна претензия к тексту.

- Весь во внимании.

- Твой с е м а н т и ч е с к и й анализ касался в основном только русского и украинского языка?

- Да.

- При этом на основании двух славянских языков ты строишь словесные конструкции для изучения власти а эллинском мире?

- В том числе и в нем.

- Ты утверждаешь, что власть «породила» символы, то есть реальность оказалась зафиксированной в словах?

- Это очень близко к моим словам.

- Но как возможно изучение символами русского языка, реальности, которая отображена исключительно в эллинских диалектах?

- Эта реальность отражена и в отечественных лингвистических формах. Более того, только посредством родного языка ее возможно освоить. Для французов это будет французский язык, для итальянцев – итальянский. Но коль скоро мы общаемся на русском языке, то в данном случае анализ был посвящен именно ему, а также языку государства в котором мы сейчас находимся – української мові.

- Мыслимо ли это?

- Да. Античность перестала быть фактом ойкумены Древней Греции и Рима. Ныне она культурный феномен органично присущий современности. Более того, мы говорим о тех событиях на русском (или украинском) языке, творим для читателей русского

(или украинского) языка, делаем наши исследования фактом русской (и украинской) культуры, осмысливаем их в русском (или украинском) смысловом поле, делаем выводы касающиеся политики и искусства связанных с русским (и украинским) миром. Ведь в этом цель науки об античности?

Молчание. Наконец историк неторопясь, очень медленно произнес:

- Сомневаюсь чтобы это был научный подход к проблеме.

- А это не научный подход, а философский.

Историк издевательски захихикал, а позднее, его смешки перешли в легкое мычание.

- М... М... ммм... Раз так. То у меня вопросов нет.

- У меня есть вопрос. Ни в диспуте, ни в тексте я не увидел кактегорий которые касались бы религиозной, сакральной части власти. Или представленные понятия в них не нуждаются? – с легкой иронией в голосе спросил Автор.

- Моя вина, - Философ с силой хлопнул себя по лбу. – Сейчас, сейчас, я, помню, где то был легонький, адоптированный для широкой публики текстик – приговаривая эти слова Философ судорожно рыскал по сайтам Интернета- А вот оно... ОЙ! ИЗВИНИТЕ! – на

экране появилась распущенная престарелая леди в очень легкомыслимом сарафанчике, который лет 50 назад смотрелся бы на ней крайне эротично – вот проклятые рекламки, везде пролезают, прямо оккупировали сайты с научной и популярной литературой. Уфх! Нашел, читайте, – на экране появился текст.

- Что еще один семантический анализ? – Историк очень натурально закатил глаза.

- Не совсем - это эссе. Создано оно было специально для аудитории не сильно сведущей в философии и приближенной к истории.

- Посмотрим, - пробормотал Историк ставший вслед Автору смотреть на монитор.

Сакрализация власти: определение понятия

Понятие «сакрализация» относительно ново в русском языке. В словарях О. Даля, «Брокгауза и Эфрона» оно упоминается в скользь и еще не заслужило право на самостоятельную статью. Такая же ситуация складывается с толковыми словарями русского языка, краткими словарями иностранных слов, большинством словарей синонимов и антонимов середины XX века. Довольно успешно в литературном и живом русском языке оно заменялось и заменяется по

ныне синонимами: **обожествление, освящение**. Однако такие синонимы не всегда удобны и емки. Прежде всего, это касается отображения процессов происходящих в обществе, духовной, религиозной жизни человека. В этой сфере как ни где важна точность и полнота образов. Так, например, когда священник освящает яблоки, это ведь не означает, что он их сакрализирует [Яков, 2007]. И если на бытовом уровне это разница может быть проигнорированна, то уже в рамках религиозного обряда и последующим за ним духовным восприятием объекта – эта разница становится существенной и важной. Следует ли в таком случае говорить о тех потерях, которые понесет религиоведение или история религии, если они воспользуются литературным языком для своих ученых нужд? Тем не менее отечественная наука не спешит изменять свое отношение к заявленному концепту. И это не случайно. Ведь существует целый комплекс проблем связанных с внедрением понятия «сакрализация» в словарный запас научного русского языка. Во многом это связано с тем, что концепт является не просто техническим термином, а термином редко используемом и при том в очень узких областях знания... да и появился он в отечественной и мировой науке совсем недавно.

Строгое научное понятие «Сакральное» ввел в научный оборот в начале 19 века Э. Дюркгейм, для построения теории антиподов «сакрального» – «светского» в целях классификации видов господства и легитимного порядка. Слово произошло от латинских: **sacro, sacer, sacrum** – освящать, объявлять священным, посвященное богам, священное, запретное, проклятое, священное. В отечественной социально-

гуманитарной мысли оно практически не прижилось. Лишь в 60–80-ых годах XX века понятие «сакральное» и производное от него «сакрализация» появилось в советской науке. Сигналом этого стало публикация ряда статей в философских и атеистических энциклопедических словарях. В основных своих положениях статьи повторяли друг-друга.

В этих изданиях термин «сакрализация» обозначает:

«1) вовлечение в сферу религ. санкционирования обществ., групп, и индивид, сознания, деятельности и поведения людей, соц. отношений и институтов. Тенденция к С. особенно характерна для докапиталистич. обществ.-экономич. формаций; 2) наделение материальных предметов, персон, действий, речевых формул, норм поведения и пр. магич. свойствами и возведение их в ранг сакральных, священных, святых. С. могла происходить стихийно, традиционно; в ряде конфессий разрабатывались спец. процедуры освящения. Св. предметы, персоны, действия, тексты, речевые формулы и пр. могут подвергаться десакрализации. Напр., протестантизм изъясил из культовой практики предание, иконы, святых, мощи, таинства и др.» [Атеистический, 1986].

Наследниками этого определения выступают современные философские энциклопедические издания, где сакрализация это:

«превращение в священное, наделение сакральным смыслом объектов и событий внешнего мира, а также мысленных образов, сценариев, невербальных символов, действий, слов и т.д.» [Философия, 2004]

Более живо и выпукло, хотя не столь академически изоциренно как предыдущие толкования понятия, выступает определение взятое из Энциклопедии культурологии, где дано определение исходника термина.

«Сакральное» это:

«святое, священное, важнейшая мировоззренческая категория, выделяющая области бытия и состояния сущего, воспринимаемые сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные. Во многих языках такой смысл заложен изначально в семантич. строе слова, принятом для наименования С.: лат. – sacer, древнеевр. – gadosh связаны со значением отделенности, сокрытости, неприкосновенности. Для слав. *svet-, восходящего к индо-европ. *k'wen-, устанавливаются значения “увеличиваться”, “набухать”, в более конкретном культурном контексте – “исполненное благодатной иночеловеческой силой”. В картине мира С. выполняет роль структурообразующего начала: в соответствии с представлениями о С. выстраиваются другие фрагменты картины мира и складывается их иерархия. В аксиологии С. задает вертикаль ценностных ориентации...» [Забияко, 1998]

Для историков проблема сакрализации, а именно тезис о сакрализации власти, был впервые широко поднят в 20-50-ых годах XX века в работах М. Блока «Короли чудотворцы» и Э. Канторовича «Два тела короля». Где сакрализация власти это вопрос психо-физический, хорошо укладывающийся в проблему отношений личностного характера.

В дальнейшем тема «сакрализации» в исторической науке стала опираться на исследования социологов (Г. Беккер, Р. Парк...) и психиатров (З. Фрейд, К. Юнг, Г. Адлер...). Проблема все более и более насыщалась вопросам микроистории, истории бытовых деталей, историей повседневных практик с ориентиром на индивидуальные переживания индивидуума в контексте определенных событий эпохи.

В отечественной исторической науке значительных успехов в освоении сакрализации достигла школа профессора М. Хачатуряна. Однако их исследования строго локализованы в пределах средневековья, и при том, средневековья Запада. Есть также отдельные монографии рассматривающие вопрос сакрализации преимущественно с позиций сакрализации власти, это [Сакрализация, 2005], [Савельева, 2007], [Андреева, 2007] и некоторые другие исследования. Однако все представленные наработки крайне разнообразны по форме, содержанию, теоретическим предпосылкам. В нынешнем своем качестве они не способны сформировать унитарный, общепринятый историками или философами взгляд на феномен сакрального. А следовательно, каждый автор, волен выбирать то или иное толкование концепта или же, формировать его целиком самостоятельно. Следуя этой негласной традиции, сформулируем свое видение концепта, базируясь на представленных выше определениях и принимая во внимание усилие отечественных авторов в разработке заявленной темы.

Итак, «сакрализация власти», в самом широком смысле, это термин вскрывающий существо религиозно-мистических переживаний

Человека и Общества. То есть, он отображает освоение власти простыми гражданами, поданными, поэтами учеными, политиками, ораторами как факта мистического, метафизического, вне линейного времени и плоского мира прямых причинно-следственных связей. Для автора «сакрализация власти», это, прежде всего, не свершившийся предметный факт (формы оправления культа царя в эллинистическую эпоху, императора в римское время, басивелеса в Византийской ойкумене...), а некий процесс, укорененный в менталитете ЧЕЛОВЕКА.

Философ громко кашлянул, чем заставил головы Историка и Автора синхронно дернуться и повернуться в его сторону. Дождавшись всеобщего внимания он с пулеметной скоростью произнес:

- Остается подвести резюме. Сформировать проблемное поле нашего разговора.

Для начала о всеобщем. Объектом нашего диспута выступает сакрализация власти в античном обществе.

Все согласны? - Историк пожал плечами, но промолчал. Автор кивнул головой.- Если говорить о предмете исследования, то следует обратиться к конкретной исторической проблематике, - философ приторно-сладко с преувеличенным жеманством светски наклонил голову к Историку - дабы практика

смогла опровергнуть или подтвердить наши теоретические выкладки. В качестве таковой мы возьмем проблему осуществления культа правителя в Античном Крыму.

Предугадывая Ваши вопросы отмечу, что даже для философа такой пласт реальности интересен и не случаен, - Историк широко распахнул глаза, отхлебнул глоточек Мадеры и очень напряженно уставился на разглагольствующего Философа, абсолютно не замечавшего что его быстрота речи могла поспорить с его же громоподобным голосом - Во-первых, Античный Крым это естественные истоки Евразийской общности в ее локальном, конкретном проявлении. Ибо, благодаря Скифскому царству и Боспорскому государству, Античный Крым как социо-культурный и политический регион существовал на двух материках – Европе и Азии (по представлению жителей тех лет). Он сумел объединить в себе эллинское и варварское, Северное и Южное. В таком разрезе он представляет собой замечательный образец эллинистического, то есть евразийского взгляда на мир. А вопрос о происхождении обожествления Архонтов, Царей, Законов - напрямую связан с его геополитическим положением.

Во-вторых, вопрос о сакрализации целого ряда институций и персоналий Античного Крыма – не имеет

положительного решения. Историки расписались в бессилии разрешить эту загадку. Предлагаются версии, которые могут претендовать лишь на статус постулатов, озвучиваются громкие идеи – слишком субъективные и не подтвержденные практикой. В этой методологической чехарде представляется возможным рассмотреть проблему сакрализации как с позиций “плоского эмперизма” так и в разрезе “объемной теории”. Последняя должна стать детищем философии.

Итак, предмет: статус культа власти в Античном Крыму.

Возражения, вопросы есть ?

- Да! – Историк приготовился ввязаться в спор. – Начну, пожалуй с текста. Эссе мне на удивление понравилось. Общая направленность: уход от описательства предметов культа к постижению механизмов сакрализации – вызывает сочувствие. Но не указана методологическая канва. Как лозунг я принимаю высказанные там соображения. Но, надеюсь, в который раз (!), что Философ покажет их взаимосвязь с практикой. Ведь без привязки к конкретике очень легко уйти в мистическую чепуху и словоблудие.

Теперь, что касается спича. Возражений к формулам объекта и предмета нет. Но вот, что

касается всего остального, – Историк покачал головой, – о какой такой Евразийской цивилизации идет речь? Эллинизм это Евразийская цивилизация, а Античный Крым с такими разными социо-культурными и правовыми образованиями как Херсонесская республика, Скифское и Боспорское царство источник Евразийства вообще и Эллинизма в частности? Смелое заявление, мощное. Но наверное оно основанно скорее на интуиции чем на фактах?

-Скорее на фактах, чем на интуиции. Обоснование будет позднее. Невозможно же, в самом деле, сначала обосновывать неизвестно что, некое нечто, которое еще только должно появиться и в настоящий момент не существует в принципе. Это нечто необходимо сформулировать, мысленно, в голове, а потом уже либо возражать против него либо обосновывать.

- Возможно ли это нечто обосновать в принципе? – с сарказмом бросился словами Историк. – Ах да! У тебя же метода “от фантазий к практике”, но не зависнешь ли на уровне фантазий?

- От целого к частному, – поправил Философ – а “зависать” не намерен, я совершенно серьезен.

- Ну да, ну да – историк снова очень недоверчиво усмехнулся самым краешком рта.

- У меня есть вопрос к диспутирующим, - вклинился Автор в набравший силы скандальчик, – а

почему был опущен вопрос “Мифология власти” или он поглещен термином “Сакрализация власти”.

- Ох-хо-хо, - Историк схватился за уши – я больше так не могу снова с е м а н т и к а , а н а л и т и ч е с к а я школа, к о н ц е п т ы, когда же будет Эллинизм? Архонты? Антиохи? Птолемеи? Сколько можно из пустого в порожнее! Неужели опять спор о словах?! Самый бессмысленный спор в мире?

- Я снимаю свой вопрос, но задам его, обязательно позже, когда обратимся к фактической стороне дела, - успокоил Историка Автор.

- Вопрос уместный, я подумаю, что ответить. И полностью согласен отложить его “на потом”, - мягко, преувеличено мягко глядя на Историка проворковал Философ.

- Предоставляем слово историку, - торжественно произнес Автор.

- А мне слов не надо, - сварливо заметил Историк, – я тут уже завладел компьютером и нашел текстик. Читайте. Это отрывок монографии моего дальнего знакомого. Он очень подходящ для нашего разговора, ибо **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** посвящен “теоретическим предпосылкам исследования”. Кстати этой монографией я буду пользоваться в течении всего нашего диалога. Так что читайте внимательно. От

меня здесь лишь преамбула, я набрал его только что, слушая разглагольствования Философа.

Необходимая преамбула Историка набранная им во время разглагольствования Философа и Автора

В самом начале Вашего чтения хотелось бы выявить некоторые заблуждения бытующие в чересчур популизаторском прочтении Древней истории Крыма.

1. Историческая наука не знает твердых, безусловных и фундаментально обоснованных фактов обожествления царей у скифов. Неясные намеки, некие интуитивные догадки и широкие аналогии не могут служить базой для сколь ни будь серьезного разговора. Разве что в рамках искусствоведческих, маргинальных эссе или в виде смелых, но сомнительных авторских гипотез.
2. Такие же факты, напрочь отсутствуют в жизни исторического, а не фантазийного государства «Херсонсес». Царей там не было. Могло быть обожествление тирана (как это было в ряде тираний Древней Греции). Однако, смутное сообщение о неких государственных потрясениях не говорит относительно обожествления тиранов или любых других правителей - вообще ничего.
3. Единственным сообщением о культе верховного правителя остается ремарка Страбона о Боспорском архонте и царе - Перисаде I.

В силу приведенных соображений говорить о сакрализации власти во всем Античном Крыму – нецелесообразно. Поэтому, острие исследования будет

направленно в основном на Боспор IV в. до н. э. (отдельные уточнения будут посвящены разбору мнений относительно обожествления скифских, синдских и персидских царей).

Последнее замечание. Текст носит форму монографии с полноценным научным аппаратом. Однако, принимая во внимание широкий круг читателей, к которым обращена данная книга, ее стилистика будет несколько отличаться от общепринятой (собственно мой знакомец пытался сделать ее научно-популярной, но получилась она в одних своих частях научной, а в другой – популярной). В связи с этим:

- Многие ключевые цитаты, термины, смысловые связки античных авторов будут даваться в русском переводе без обязательного предоставления греческого оригинала. Единственное - всегда будет обозначаться автор приводимого перевода на русский язык.
- Ссылки на археологический материал полностью сохранены, но их введение в текст книги будет максимально популяризировано и упрощенно.
- Некоторые общеизвестные и в общем то банальные для специалистов события, в следующих главах будут подробно раскрыты, чтобы любитель, читающий книгу, не запутался в приводимых именах, фактах, датах. Впрочем, это в большей степени относится к трактованию источников, биографий античных писателей, их стилистике и некоторых моментов истории Боспора.

Учитывая эти особенности книги прошу как Философа так и Автора строить свою критику и формулировать собственные соображения о прочитанном.

Введение

Более двух тысяч лет назад существовало Боспорское царство. Пожалуй, во всем Северном Причерноморье нет другого такого политического образования, история которого вызывала бы столько споров и дискуссий. Причем интерес ученых к этому государству - явление стойкое и весьма давнее. Достаточно сказать, что одно из самых ранних исторических произведений, посвященное боспорским династиям, принадлежит перу Р. Ренецио и датируется 1570 г. [Сапрыкин, 1996, с. 6].

Отечественная же историография Боспора начинает свой отсчет с XIX в. Любопытно, что даже «на этом этапе очень дискуссионным стал вопрос о типе политического устройства Боспорского государства, характере власти его правителей» [Виноградов, 2000, с. 104]. Проявляя интерес к политическому устройству Боспора, ученые, естественно, не могли не пройти мимо факта обожествления Перисада I.

К сожалению, несмотря на то, что практически каждый исследователь в той или иной степени обращался к страбоновской ремарке (VII. 4. 4), которая является единственным прямым свидетельством в пользу обожествления Перисада I, до сих пор эта проблема не стала темой всестороннего исследования. Более того, суждения, которые мы можем найти в литературе относительно обожествления Перисада I, носят чисто субъективный характер и зачастую не опираются на сколько-нибудь серьезные факты. Причин тому несколько.

Во-первых, ученые стремились не столько к всестороннему анализу того или иного события, сколько к его описанию.

Во-вторых, в XIX и в начале XX в. в распоряжении историков был слишком незначительные археологические материалы как по истории Боспора, так и по истории

сопредельных ему (по хронологии) государств. Отсюда порой слепое следование за письменным источником. Так, Де Боз [Де Боз, 1850, с. 22], Г. Спасский [Спасский, 1846, с. 50], А. Ашик [Ашик, 1848, с. 48], В. В. Латышев [Латышев, 1909, с. 81] полагали, что Перисад I благодаря своим благодеяниям был признан богом. При этом характер царских благодеяний у каждого из исследователя разный: у одних - это храбрость [Ашик, 1848 с. 48], у других - некие блистательные поступки [Спасский, 1846, с.50]. В. В. Латышев склонен считать, что причисление Перисада I к богам связано с его исключительными моральными качествами [Латышев, 1909, с. 81]. При всем этом авторы как будто солидарны в одном: обожествление Перисада произошло после его смерти (лишь Латышев, вообще воздержался от подобного рода замечаний).

Однако краткая заметка источника («Перисад был признан богом») не позволяет определить, когда именно царь был обожествлен: при жизни или после смерти. Первым, кто отошел от, казалось бы, априорной истины посмертного обожествления государя, был М. И. Ростовцев. Ученый, утверждая, что именно при Перисаде I появилось обожествление монархов в духе эллинистического культа царя, не голословен, он проводит параллель с обожествлением Дионисия Младшего, используя метод исторических аналогий [Ростовцев, 1989, с. 193]. Заметка М. И. Ростовцева - последняя вспышка интереса в дореволюционной историографии к поднятой нами проблеме*.

* Более фундаментально М.И. Ростовцев занимался исследованием культа Боспорских царей как общего феномена и непосредственно обожествления правителей в послеримскую эпоху см. [Шевченко, 2003].

События 1917 г. внесли значительные изменения в историческую науку. 1929 г. стал поистине черной датой для боспорской историографии: тогда была разгромлена старая школа исследователей [Виноградов, 2000, с. 108], многие достижения дореволюционных исследователей были преданы анафеме. Перед советскими учеными были поставлены новые задачи и новые ориентиры, из которых проблема сакрализации Перисада I естественным образом выпадала. Нельзя сказать, что эта тема оказалась забытой совсем, но высказывания по поводу сакрализации Перисада в еще более жесткой форме чем прежде, стали носить характер простой фиксации этого события, исключая возможность аналогий, вырезая факт обожествления верховного властителя из контекста политической истории Боспора [Гайдукевич, 1949, с. 70].

Первым, кто после М. И. Ростовцева попытался осмыслить предпосылки, условия и факторы приведшие к сакрализации боспорского правителя, был В. В. Струве. Обожествление Перисада органично вписывалось в логическую схему его исторической реконструкции. Впрочем, В. В. Струве, по всей видимости, недостаточно четко представлял себе как причины, повлекшие к обожествлению династа, так и механизм его сакрализации. Он не сомневается в том, что Перисад был обожествлен при жизни, и полагал, что это было связано с государственной политикой царя. Между тем, в разных частях своего труда автор высказывает взаимоисключающие мнения. Так, он утверждает, что Перисад «в связи с объявлением монархии, надо думать, был признан богом» [Струве, 1968, с. 163], в то же время говорит, что сначала царь объявил себя богом, а лишь затем установил «в государственном управлении принцип единовластия» [Струве, 1968, с. 166].

Со времен Струве вплоть до конца XX в. заявленная тема (в который уже раз!) «канула в Лету». В вышедших в свет монографиях и статьях не уделялось внимания страбовским строкам. Лишь иногда, нет-нет, да и упомянет автор в своей работе об обожествлении Перисада I, но либо в порядке отвлеченной сентенции, либо в качестве изящного дополнения к уже приведенному своду доказательств той или иной теории [Шелов-Коведяев, 1985, с.144]. Новый виток интереса к нашей теме связан с научными изысканиями В. П. Яйленко [Яйленко, 1990, с. 228 - 229; Яйленко, 1995, с. 249 - 309]. Ученый положил в основу своей гипотезы об обожествлении Перисада одно довольно спорное эпиграфическое свидетельство – граффити из Нимфейского святилища. Он видит в Спартокидах династию «царских скифов, прижизненный культ которых осуществлялся под эгидой Афродиты Урании Апатуры – иранской Анахиты, подательницы царской власти» [Яйленко, 1995, с. 253]. Категорически против этой версии выступил А. А. Завойкин [Завойкин, 2000, с. 55 - 59]. Исследователь полагает, что ни о каком прижизненном обожествлении царей из династии Спартокидов не может быть и речи, можно говорить лишь о посмертной героизации правителей [Завойкин, 2000, с. 57 - 59]. С оригинальной, «не штампованной», серьезно обоснованной версией обожествления Перисада выступил К.Ю. Нефедов. Автор отстаивает идею прижизненного обожествления боспорского правителя, культ которого был занесен с о. Делоса. Сам сакральный процесс К.Ю. Нефедов увязывает с масштабными политическими потрясениями времен диадохов, а конкретнее с личностью Антигона Одноглазого [Нефедов, 2004; Нефедов, 2007]

Упомянутые авторы в третий раз (после усилий М. И. Ростовцева и В. В. Струве) обратились к морфологии

процесса обожествления, взяв на вооружение метод исторической аналогии. Однако нижней хронологической планкой для сравнительного анализа было взято время «Божественного Александра»*, (обожествление тиранов, имевшее широкое распространение в античности было объявлено... экстравагантными выходками «самовластных злодеев»). Почему то, был упущен тот существенный факт, что обожествление Перисада не являлось следствием политики Великого Македонца, а носило относительно самостоятельный характер. Такая абберация явилась причиной весьма скромных результатов, которые получились в результате этой дискуссии.

Итак, за почти 200-летнюю историю изучения Боспора интересующая нас тема всегда стояла на втором плане и затушевывалась другими, возможно, казавшимися авторам более важными. Можно насчитать три волны активизации интереса к проблеме: начало и середина XX века, начало XXI века.

Во всех случаях исследователи обращались к методу аналогий на фоне общей дискредитации этой методологии в исторической науке. Во всех случаях обожествление Перисада I рассматривалось в контексте очень нестандартных и оригинальных авторских концепций динамики развития верховной власти на Боспоре.

Всегда проблеме были посвящены отрывки монографий, статей, тезисов и заметок. Коллизии боспорской историографии привели к тому, что проблема сакрализации рассматривалась либо как «вещь в себе», либо в контексте

* Исключения статьи К.Ю. Нефедова. Но примеры более раннего обожествления правителя в его работах, так и остались примерами, не приобретающими статус материала для исторического моделирования.

всего лишь политической истории, для уточнения которой и был востребован метод аналогий.

Однако событие такого плана как создание культа главы государства всегда обусловлено определенными условиями: социокультурными, экономическими и правовыми. На него влияют этнический, человеческий, религиозный факторы. Все они прекрасно фиксируются отечественными и западными исследователями в Селевкидском государстве, Греко-Бактрии, Македонии, Египте. При этом по Боспору в обстановке отсутствия прямых ссылок на обожествление царей, есть обширный материал социально-культурного, экономического, политического, этнического и др. характера. В такой ситуации метод аналогии мог бы сработать безупречно...

Но к сожалению попыток проведения аналогий между социокультурными средами, скажем, вифинского государства и боспорского царства на предмет выяснения общих коллизий механизмов обожествления царей – неимеется.

Необходимо как минимум монографическое исследование, которое сможет подвести черту под 200 летним периодом заблуждений, осторожных сентенций, смелых обобщений и откровенного замалчивания вопроса о сакрализации Перисада I.

В качестве первого опыта такого рода выступает представленная работа.

В ее первом разделе мы изучим предпосылки и факторы развития культа царя в рамках эллинской и эллинистической традиций. Составим типологический ряд обожествлений. В следующем разделе, на основании составленных схем условий и факторов сакрализации, определим какой тип обожествления, имел место быть в боспорском государстве.

Обратимся к обзору источников по нашей работе.

Источники по главе:

“Сакрализация власти в эллинской ойкумене: генетическое и привитое».

В исторической части второго раздела нашим основным источником будут сочинения античных авторов. Их жанр весьма различен, а хронологические рамки привлеченных работ очень широки (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Понятно, что использование такого пестрого материала подразумевает под собой определенную систему в использовании источников и довольно высокий уровень скепсиса по отношению к ним (особенно если учесть, что тот или иной автор зачастую жил и творил намного позже интересующих нас событий). Естественно, что нас интересовали, в первую очередь, свидетельства современников обожествления правителей, причем на очень узком хронологическом промежутке. Это такие авторы, как: Ксенофонт, Исократ, Аристотель, отчасти Эсхил. Однако и в трудах более поздних писателей можно найти интересующие нас сведения. Среди них выделяются Аппиан Александрийский, Плутарх, Лукиан, Диоген Лаэртский, Павсаний. Вкратце разберем некоторые, наиболее важные для нашего исследования фигуры, дабы встречая то или иное имя, в последующих материалах, мы имели общее впечатление о достоверности и характере стоящих за ними фактов.

Ксенофонт. Дата его рождения точно не установлена, считают, что он появился на свет между 445-430 годами до н.э. [Светлова, 1996, с. 8], а умер в 355 г до н.э. [Фролов, 1984, с. 135].

Родился в богатой афинской аристократической семье, получил прекрасное образование. Он был свидетелем печально известной Пелопонесской войны, служил наемником, побывал во многих городах Эллады и Персидской империи. Уйдя на

покой, занялся литературной деятельностью [Фролов, 1984, с. 136-142]. Его перу принадлежит 14 произведений.

В его обширном творчестве, нас, прежде всего, интересует «Киропедия», книга которая была издана около 362 г. до н.э. и явилась итогом долгого творческого пути писателя [Борухович, 1976, с. 276]. В этой работе весьма неоднозначной по жанру писатель стремится показать идеального монарха на примере прославленного Кира. Изображенный Кир – это лишь отчасти исторический персонаж ибо в основу формирования образа вошли такие великие личности, как Агесилай и Фемистокл [Грабарь-Пассек, 1955, с. 114]. Впрочем, не столь уж важны прототипы главного героя Ксенофонта, ведь для наших целей более интересны размышления автора об идеальном государственном строе царства Кира. Его суждения ценны для нас потому, что они отражают вполне реальные взгляды некоторой части эллинского общества на идеальное греческое государство. Более того, «Киропедия» - это актуальная политическая программа, которая во многом предвосхитила эпоху Эллинизма [Фролов, 1984, с. 167].

Исократ. Один из лучших риторов Эллады. Его литературное наследие состоит из 60 речей (сохранилась 21 речь) и 9 писем [Исаева, 1994, с. 79] самого разного назначения.

Годы жизни Исократа – 436-338 гг. до н.э. Он родился в Афинах, в семье владельца мастерской флейт, прошел курс обучения у известных софистов того времени: Горгия, Тисия Сиракузского, Ферамена [Исаева, 1994, с. 7].

Исократ не был практикующим политиком, его можно скорее назвать теоретиком. Костяк политических убеждений ритора был выработан в 50-40 гг. до н.э.

Значение сочинений Исократа для нашей работы крайне велико. Ведь стиль, в котором он работал – риторика, был настоящим срезком времени, и отражал объективную

реальность той эпохи. Современные исследователи вполне определенно и единодушно считают, что Исократ «посвящал свои речи наиболее важным актуальным вопросам того времени, анализируя меняющуюся обстановку, фиксируя новые явления и оценивая их в экономических, морально-философских, этических, политических категориях» [Исаева, 1994, с. 5].

Основное внимание мы уделим следующим работам Исократа: «Бурсис» (ок. 388-386 гг. до н.э.) [Фролов, 1984, с. 173], «Никокл», «Эвагор» (обе созданы ок. 370-360 гг. до н.э.) [Исаева, 1994, с. 119], «Филипп» (346 г. до н.э.) [Исаева, 1994, с. 122]. Эти речи написаны в разное время по разным причинам и в разные периоды его творчества.

«Бурсис» создан под влиянием египетской системы управления, это единственное сочинение Исократа, в котором он выступает апологетом восточной деспотии (более он не возвращался к подобной теме). Для нас является, несомненно, знаменательным сам факт появления такой речи у достаточно прогматичного и образованного эллина, эллина «от мозга до костей».

«Никокл» и «Эвагор» - часть так называемого «Кипрского цикла», своеобразный панегирик тирании. В этих речах смутные индивидуалистические настроения Исократа сформировались в строгую монархическую идею [Фролов, 1984, с. 179].

«Филипп» - это письмо к отцу Александра Македонского со страстным призывом к претворению в жизнь панэллинской идеи. В нем нас, прежде всего, интересует обоснование Исократом, значения Филиппа как главы панэллинского союза и в частности рассказ об его мифических предках. Это тем важнее, что по мысли автора, его доказательства должны быть неопровержимы, как в глазах Филиппа, так и с точки зрения его современников (Исократ. Филипп. 4).

Аристотель. Родился в городе Стагире во Фракии в 384 году до н.э., а умер в 322 г. до н.э. [Гладкий, 1996, с. 47].

Аристотель не являлся профессиональным политиком или прожженным ритором, однако он был превосходно знаком с государственным устройством и законами полиса, в своей работе «Политика», он постоянно стремится соотносить свои теоретические выкладки с политической реальностью [Доватур, 1984, с. 40,44]. Кроме этого, Аристотель прекрасно знал историю государственного строя полисов и других видов государств (в основном его знания были почерпнуты из литературы, но он имел и собственный опыт знакомства с различными политическими режимами) [Доватур, 1984, с. 44]. Его трактат отличается большой эрудицией и четкой формулировкой мысли. Предоставляемые им данные имеют высокую степень достоверности, его суждения с полным правом претендуют на объективный характер. Все это придает его труду характер высокую репрезентативность. Впрочем, данное положение нельзя абсолютизировать. Автор «Политики» имеет целый ряд «грешков», в частности, являясь свидетелем значительных изменений в мире (работа ученого написана во времена похода Александра Македонского, или, во всяком случае после 335 года до н.э.) [Доватур, 1984, с. 51], Аристотель интересовался ими лишь в той степени, в которой они оказывали влияние на судьбу греческого полиса, который он был склонен несколько идеализировать.

Аппиан Александрийский. Жил во II веке н.э. Родился около 100 г.н.э., но дата его смерти точно не известна [Маяк, 2002, с. 779]. Аппиан был греком и появился на свет в Александрии, в богатой аристократической семье. Получил элитное образование и сделал блестящую государственную карьеру. По возвращению на родину имея высокое общественное положение, Аппиан принялся за научные занятия

[Маяк, 2002, с. 779-780]. Из дошедших произведений автора для нас предоставляет наибольший интерес его «Римская история» и, в частности, книга XI- «Сирийские дела».

В целом, достоверность сообщаемых Аппианом сведений не высока, однако интересующая нас глава его трактата имеет очень высокую степень правдивости [Маяк, 2002, с. 782-783]. Труд Аппиана, порой, является единственным источником, в котором зафиксировано обожествление эллинистических царей. Работая над информацией, предоставляемой этим источником, всегда надо отчетливо представлять себе (а специфика нашей темы требует этого от нас вдвойне), что автор «Римской истории» был ярким приверженцем монархии, лояльным к римской системе правления [Маяк, 2002, с. 789-790]. Однако в книгах Аппиана есть несомненные достоинства. Так, например, его логику изложения материала отличает трезвость суждений и определенная приверженность к материализму [Кошеленко, 1982, с. 120-121], что придает данным Александрийца, относительно обожествления царей, определенный колорит. Принимая в расчет приведенные данные, следует сделать вывод, что в каждом отдельном случае стоит вновь и вновь критически оценивать цитаты, взятые из этого источника.

Павсаний. Младший современник Аппиана, живший в 110-180 гг. н.э. Родился в каком то из городов расположенных на побережье Малой Азии, принадлежал к кругу людей образованных и состоятельных, много путешествовал и читал [Фролов, 2002, с. 5]. В современной исторической литературе многократно отмечалась не однозначность главного труда Павсания - «Описание Эллады». Так, с одной стороны, в нем наличествует настоящее богатство историко-археологического материала, а с другой – определенная наивность в описании того или иного события [Кошеленко, 1982-А, с. 116-117]. Впрочем, для наших целей это не столь уж и важно. Мы видим в

Павсании замечательного фиксатора архитектурного стиля культовых зданий, ни с чем не сравнимого передатчика эллинского фольклора. Это позволяет активно использовать Павсания при анализе религиозной ситуации Эллады в 4-2 вв. до н.э., даже не смотря на то, что он жил и работал спустя несколько веков после описываемых событий. Особенно много для достоверности Павсания дают несколько его качеств:

Во-первых, он описывал и характеризовал памятники, опираясь как на личный опыт, так и на тщательное изучение специальной литературы [Фролов, 2002, с. 10].

Во-вторых, Павсаний обладал превосходной памятью и замечательной способностью к логическому анализу, зачастую критически относился к той или иной информации, пытаясь разнообразными средствами повысить ее достоверность [Никитюк, 2002, с. 361].

Если говорить о политических взглядах Павсания, то он не является противником или ярым сторонником монархии. Этот политический институт он оценивает исключительно с точки зрения действий отдельных царей, видя в них, прежде всего личности и индивидуальности [Никитюк, 2002, с. 367]. Однако, повторим еще раз: для нас интересны не столько экскурсы Павсания в династическую историю эллинистических царей, сколько описания религиозных верований самых широких слоев населения, которые как нам кажутся, заслуживают полного доверия.

Плутарх. Мы сознательно несколько нарушили хронологический порядок изложения источников и вынесли «младшего по возрасту» Плутарха почти в конец Введения. Это объясняется, прежде всего, необычностью источника, его стиля и тех данных, которые можно из него почерпнуть. Начнем по порядку.

Плутарх родился между 46 и 51 годами н.э. Умер - между 120 и 130 гг. н.э. [Соболевский, 2001, с. 7-9]. Из его литературного наследия нас интересуют, как его знаменитые «Сравнительные жизнеописания» так и менее известные «Моралии» (а если быть более точным, то та часть этого произведения, которое носит название «О монархии, демократии и олигархии»).

Стиль Плутарха – эссе. Где железные факты причудливо переплетаются с личным мнением автора, увязываются с простонародными легендами в рамках довольно небрежной стилистики. Весь этот коктейль замешан на мощной основе морализирующих притч и нравочений.

Работать с Плутарховыми текстами очень интересно, хотя и мало информативно в том смысле, что невозможно быть до конца уверенным в приводимых им датах, именах, фактах. Однако на основании его книг можно сформировать развернутую психологическую подоплеку того или иного события, что исключительно важно для нашего исследования.

В этом аспекте внимания заслуживают сообщения о Деметрии Поликрете и Антигоне (Плутарх. Деметрий. 10).

Лукиан. Этот человек был современником Павсания и Аппиана Александрийского, его годы жизни – около 120-180 гг. н.э. [Нахов, 1991, с.5].

Лукиан не был историком, жанр в котором он работал можно назвать сатирической прозой. В нашем сочинении мы используем лишь один отрывок из его произведения «Токсарид или дружба». Он интересен тем, что там весьма выпукло представлено отношение эллинов к обожествлению простого смертного.

При этом, конечно, следует помнить, что менталитет Лукиана – жителя римской империи II века н.э. – отличался от менталитета грека эпохи эллинизма (IV-II вв. до н.э.). Но

учитывая консервативность религиозных взглядов людей, можно с известной долей осторожности спроецировать взгляды представителя «греческого Возрождения» на эпоху эллинизма.

Диоген Лаэртский. Пожалуй, сочинение «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского является самым неоднозначным источником в нашем перечне. Начать с того, что годы жизни его автора угадываются с большим трудом (конец II - начало III века н.э.), к тому же совершенно не известно, что это за имя Диоген Лаэртский. То ли прозвище, то ли псевдоним коллектива авторов, то ли имя реально существовавшего человека. Неизвестно даже точное, авторское название произведения [Лосев, 1979, с. 6-7].

Текст Диогена представляет собой объемистую компиляцию разнообразнейших историй, философских работ и размышлений на вольную тему. И, тем не менее, из пухлого фолианта «О жизни, учениях и изречениях...», можно взять не мало интереснейшей информации. Прежде всего, это касается биографий разнообразнейших людей, оставивших свой след в философии, политике, религии, но чьи достижения и поступки нам известны только по косвенным археологическим данным. Однако в силу низкого уровня достоверности этого автора, приведенные им сведения будут носить лишь вспомогательный характер, создавая, фон описываемой нами эпохи.

Кроме трудов античных авторов, в этом разделе будет использован целый ряд вспомогательных источников. К ним можно отнести данные эпиграфики, нумизматики, архетектуры, скульптуры... Есть и комбинированные, комплексные данные, например, остатки статуй в храмовых помещениях [Пичикян, 1991, с. 190-192], списки жрецов и т.п.

Эти виды источников имеют как свои «плюсы» так, конечно же и свои «минусы». К положительным сторонам

следует, по-видимому, отнести их несомненную репрезентативность. Ведь, трудно заподозрить автора официального государственного декрета в том, что он осмелится исказить реальный расклад политических сил или самовольно припишет несколько выдуманных фраз в официальный титул царя.

Находки разнообразных предметов религиозного почитания достаточно красноречиво свидетельствует о почитании того или иного царя, причем иногда удается определить и смысловую нагрузку культа. Несомненные «минусы» подобных источников – это:

- трудности при датировке;
- неравномерное распределение материала по разным регионам эллинистического мира.

Поэтому в идеале необходимо учитывать все виды источников. Стараться, чтобы искомое событие находилось под пересечением нескольких источников, разных по характеру, информативности и хронологии.

Однако, зачастую, о том или ином событии мы имеем сведения лишь из одного источника, в этом случае приходится брать на вооружение логику и здравый смысл с изрядной долей скептицизма.

Источники по главе :

«Перисад I: Царь? Герой? или Бог?»

В исторической части третьего раздела мы отдадим предпочтение данным археологии, эпиграфики и нумизматики. Это обусловлено объективными, независящими от нас причинами. Дело в том, историки не располагают письменными источниками созданными непосредственно боспорскими летописцами, а данные позднейших компиляторов (Диодора Сицилийского, Страбона, Полиэна и др.) нельзя назвать

исчерпывающими. Поэтому мы будем не в состоянии, за редчайшим исключением, уловить такие нюансы как: взаимоотношения Спартокидов с варварскими вождями, тонкости религиозной жизни и др. В наших рассуждениях мы будем ограничены теми возможностями, которые предоставляет археология, и эпиграфика*.

Основной проблемой при использовании данных памятников, по крайней мере, на Боспоре, нам кажется неравномерность изученности территории Боспорского царства. Так европейская сторона Боспора известна ученым несравненно лучше, чем восточная, а скажем, Феодосия подверглась раскопкам в значительно меньшей степени, чем, например, Фанагория. Все это представляет известные трудности (не говоря уже о традиционных проблемах, таких как датировка источника или его атрибуции).

В плане эпиграфики неоценимую помощь в написании этой главы оказал превосходный труд советских историков - Корпус боспорских надписей (М.; Л., 1965), плюс целый ряд публикаций эпиграфических памятников [Шелов-Коведяев, 1985-А; Блаватская, 1993; Виноградов, Толстикова, Шелов-Коведяев, 2002; Соколова, Павличенко, 2002; Виноградов, 2002]. Если же говорить непосредственно об археологических работах, в которых так или иначе затрагиваются интересующие нас моменты Боспорской истории, то стоит отметить такие исследования как: Яковенко Э. В.

* Подобная ситуация сохраняется и с проблемой скифской истории. И даже более того. Ведь если об истории Боспора нам поведали античные авторы, опиравшиеся на сообщения боспорских историков, то о скифах античные историки судили с позиций эллинского мира. Собственной, письменной историей, скифы, по видимому, не обладали.

«Некоторые проблемы этнокультурной принадлежности и социальной стратификации местного населения Восточного Крыма в VII-III вв. до н. э.» (Проблемы истории Крыма. Вып. 2. Симферополь: 1991), Маслеников А. А. «Население Боспорского государства в VI-II вв. до н. э.» (М., 1981), он же: «Эллинская хора на краю Ойкумены (сельская территория европейского Боспора в античную эпоху)» (М., 1998), Толстикова В. П., Ломтадзе Г. А. «К вопросу о времени основания базилики Спартокидов на акрополе Пантикапея» (ДБ. 2001. №4).

Несколько слов о письменных источниках. Основной костяк информации, который мы можем получить из корпуса античных историков по истории Боспора конца IV в. приходится на двух авторов: Страбона и Диодора (в своем изложении мы также использовали книги Геродота и Полиэна, но лишь в качестве дополнительных, вспомогательных свидетельств).

В нашей стране творчество Страбона [Ростовцев, 1914-А; Грацианская, 1975; Грацианская, 1988] подверглось несравнимо большему изучению, нежели главный труд Диодора - «Историческая библиотека» [Струве, 1968, с. 150-155, 181-185 и сл.; Строгеецкий, 2008]. Не будем подробно останавливаться на творчестве и произведениях этих авторов, отметим лишь те источники, которыми они пользовались при написании глав посвященных истории Боспора конца IV в. до н. э.

Самым главным источником о Боспоре, по крайней мере, для Диодора, был исторический труд местного историка конца IV – начала III вв. до н. э. [Петрова, 1998, с. 111] Именно заимствование Диодором текста боспорского анонима, современника исследуемых нами событий, делает «Историческую библиотеку» замечательным источником. Хотя при ее использовании встают очень сложные и многоплановые

вопросы: насколько объективно отражал боспорский историк описываемые им события? Был ли он независим в своих суждениях от центральной власти, или же из под его пера вышел панегирик Спартокидовской династии? На эти вопросы до сих пор нет однозначного ответа [Петрова, 1998, 110-112].

С источниками Страбона по истории Боспора дело обстоит сложнее. Как представляется современной науке, в его труде нет конкретных свидетельств говорящих о том что Страбон был знаком с работой боспорского анонима. По существу, исследователи его творчества, зачастую теряются в догадках, откуда черпал свои сведения этот писатель [Грацианская, 1988, с. 90-93]. При непосредственном анализе нашего единственного прямого свидетельства о сакрализации Перисада I, мы еще вернемся к этой проблеме и рассмотрим ее более основательно.

Читающие распрямили спины и расправили спины, а Философ даже размял шею.

- Это все, что ты можешь нам предложить? - спросил Философ у историка.

- Да.

- А комментировать будешь?

- Пока нет.

- Ага. Значит, то, что мы прочитали и есть теоретические предпосылки с точки зрения историка?

- В общих чертах именно так.

- Не вижу методологической базы, – авторитетно заявил Философ. - Есть общая канва, но где методы исследования? Ведь существует никем не отмененный канон познания, который включает в себя: принципы гносеологии, общие подходы к исследованию, которые обеспечиваются конкретными методами познания... в арсенале ученого также есть целый набор общелогических приемов и средств. В этих твоих предпосылках, помимо всего прочего, совершенно неясна картина с ключевыми понятиями, категориями, терминами.

- Можно подумать в предложенном тобой тексте все это есть.

- Есть. Может быть не разжевано, детально не указано, но есть. И подходы и методы угадываются в структуре текста. Виден принцип объективности, познаваемости, отражения. Видна диалектика, синергетика, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ, синтез, индукция, дедукция...

- Все! Все! Верю. Но ведь перечисленные тобой методы практически не имеют отношения к исторической науке. Они так, второстепенны. Для нашего цеха более важны археологический подход, историко-филологический... Не меньше значения играет методологический арсенал нумизматики, эпиграфики, искусствоведения и даже геодезии. Они

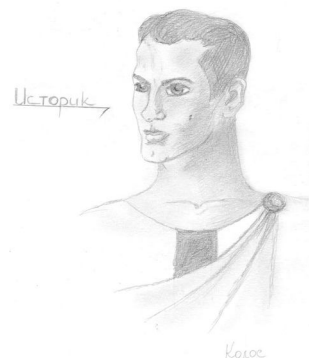
зачастую перекрещиваются между собой. Так, например, для качественного использования в научных изысканиях посвятельной надписи, надписи... ну скажем Антиоху III, необходим следующий блок подходов и методов.

1. Археологический подход. Выявить принадлежность артефакта к культурному слою и дать ориентировочную датировку объекта (метод стратиграфии).
2. Историко-филологический подход. Перевести текст. Обозначить диалект и тем самым значительно сузить хронологический разброс памятника. Связать стилистику текста с определенными культурными тенденциями.
3. Эпиграфический подход. По написанию букв, обработке камня и т.д. зафиксировать, с учетом пунктов 1 и 2 точное время ее создания. Характер: официальная надпись, посвящение богам, подпись под статуей.
4. Потом вступает в дело историк широкого профиля. Он коррелирует информацию полученную таким образом с иконографией и легендой на монетах

этого царя, соотносит результат с известными сообщениями античных писателей, возможно подключит к анализу данные папирусологии посвященные обожествлению Птолемеев.

5. Следующий этап культурологический. Выявить мифы, религиозные предпочтения характерные, скажем для божественных эпитетов царя в практике обожествления эллинистических монархов, соотнести их с канонами древнегреческой религии...

Короче говоря, историк обладает арсеналом методов. И эти методы уже указаны в прочитанном тексте, только, как ты говоришь эта картина: «не разжеванна, детально не указана, но есть. И подходы и методы угадываются в структуре...».

- Ты говоришь верно, но очень «местечково», - Философ терпеливо выслушивая Историка в общем то пропускал «мимо ушей» его сентенции и думал о том что коллега дико заблуждается и ему нужно помочь выйти на «верную дорогу», - все перечисленное тобой может быть и верно, но это прикладные третичные и четвертичные аспекты проблемы. Все эти методы должны быть и неизбежно подчиняются главным стратегическим, магистральным методам освоения прошлого. В последнем случае ты действуешь инстинктивно, неосознанно воспринимая общий гносеологический (познавательный) посыл определенной парадигмы с полным комплектов подходов, приемов...

- То есть как это?

- Очень просто. Все твои рассуждения укладываются в парадигму позитивизма, ты использовал логические приемы анализа и синтеза, активно употреблял в действие метод единства исторического и логического (когда выстраивал канву сового познания артефакта и включенности его в некий логический процесс прошлого), аксиоматический метод (когда допускал существование целого вороха предпосылок не требующих доказательств), метод формализации (на каждом этапе информация собиралась в некие

переменные в результате появлялась формула обожествления этого, твоего Антиоха), аналогии и моделирования. Весь представленный тобой опус прослеживается определяющая роль методов абстрагирования (отсечения лишних второстепенных деталей и генерирование основных ключевых моментов проблемы) и обобщения. Твой устный рассказ базируется на методах эмперического уровня познания: наблюдения, описания и, отчасти эксперимента. Но в результате нет ни категорий как инструмента познаний ни терминов характерных для процесса обожествления, нет вообще разграничений между ними и скажем концептом и понятиями.

- Ого! Го!- Историк выглядел явно оболваненным, ибо попытался все что говорил Философ запомнить и структурировать, - я и не знал, что столь могуч, а мой текст так насыщен философией.

- Да не философией, - взревел Философ – а УНИВЕРСАЛЬНЫМИ, ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИМИ, ВСЕОБЩИМИ нормами познаний!!!

- Если они такие универсальны, такие всеобщие и так характерны моей точке зрения, так З А Ч Е М мне забивать ими голову? Ведь они мне присущи? Я их использую? Инстинктивно? Ну и славно. Пусть они и существуют в инстинктах.

- Но ведь это не научно! - возмутился Философ.

- Зато философски – с нескрываемой ехидцей отрезал Историк.

Философ раскрыл рот. Закрыл его. Попытался не то что то сказать, не то сдавленно просипеть. Автор поспешил вновь вступить в диалог который слушал с певеликим удовольствием.

- Знаете я даже не знаю кто тут прав, - заявил он. – С одной стороны мне импонирует подход Философа. Ведь как говаривал один профессор из С*** на саксафоне можно музыкальные партии играть, а можно и орехи колоть, причем с одинаковым воодушевлением и знанием дела. Между прочим вряд ли музыкант смог бы добыть себе ядрышки орешков используя саксафон как молоток, а «Великий Саксафонный Орехокол» извлечь из сакса гармоничные звуки. Их подвело бы отсутствие нужной методологической базы, – философ в ответ на эту реплику как то очень душевно хрюкнул, а Историк не то чихнул не то хихико-хмыкнул. – Да, да, - продолжил Атор, – Философ прав, но ведь прав и Историк. Что важнее историку какая та там синергетика или конкретные нормы определения иконографии в нумизматической эмиссии боспорских царей? Вопрос риторический. Но ведь и Философ прав. Не использовать, рационально и осознанно не использовать, замечательный массив

гносеологического инструментария это значит целеноправленно и осознанно ограничивать собственные возможности. Теперь стоит вопрос кто виноват? Я склонен возлагать ответственность на философию, – в этот момент Философ прдвкушая позор Историка раплылся в широкой и благосклонной улыбкой, но так и застыл с ней, постепенно трансформируя свое лицо в некое подобие изумленной растерянности, а между тем Автор продолжал – она слишком долго почивала на лаврах самой, самой великой царицы наук. Она с подготовительного отделения формировала и будущих студентов-философов комплекс единственных источников истины. Как результат интеллектуальные мускулы превратились в гору жира, которые уже с превеликим трудом таскает скелет здравого смысла. Философ сам, да! САМ! Закрыл выход на практику. Он фактически оттолкнул другие науки от себя. Оттолкнул невежеством, самомнением, гордыней и неистребимым чувством собственного величия и яркой снисходительностью к другим коллегам из других отраслей знания. В частности он забыл о величии Истории, о ее значимости для любого философского исследования и ценности, повторю еще раз, ц е н н о с т и исторических материалов и исторических метод постижения прошлого.

Но стоит второй вопрос: «Что делать?». Вот здесь вина во многом лежит на нефилософском знании и в частности, на истории – в этот момент Историк блаженствовавший под критикой Автора сильно икнул и подавился вином,- историки забарикадировались в тесной камерке своего цеха и вышвырнули философов из нее. Они потеряли чувство перспективы и всегда свойственную им широту взглядов. От них не исходит даже любопытства по отношению к философии. «Философии нет, а есть философия Канта, Платона...» вот их лозунг, а следствие лозунга? – Автор сделал эффектную паузу, - отказ философии в праве познавать мир, вернее попытка загнать ее в такую же камеру в которой «кукует» история. Не много ли прав взяли на себя историки, решать за других, что им делать?

- Да кто же их загоняет, - не вытерпел Историк – пусть изучают философию, но зачем же отнимать у историков их хлеб, поучая как надо изучать прошлое?!

- В том то и дело – несколько повысил голос Автор – что специфика философии такова, что она лишается всякого права на существования, если ей закрыт доступ к истории. Философия без истории – бессодержательна. А как можно обрести содержание? Только обрабатывая исторический материал. Обрабатывая с позиций ФИЛОСОФИИ, а поучение и

снобизм – всего лишь профессиональное заболевание, издержки специальности. В ответ философия дает истории нечто большее чем просто глупые нотации – она предоставляет чувство горизонта в связке прошлое-настоящее-будущее. Как летчик теряющий ощущение горизонта обречен на гибельную встречу с землей, так и историк без философского отношения к историческому времени, простанству и движению неизбежно разбивается о скалистые глыбы фактов. Вот почему Вы - Историк и Вы – Философ не смогли подвести свои методологические предпосылки к единому знаменателю.

Давайте в следующих наших беседах попытаемся все таки услышать друг друга и покажем своему коллеге, что философия в силах дать историкам небезинтересные ориентиры, а история сможет заявить непреходящей ценности своего знания для Философии. В качестве последнего аккорда нашего разговора посмотрите текстик. Он не имеет отношения к сакрализации власти не имеет отношения на прямую. Но в этом тексте показан тот симбиоз истории и философии который является могущественной силой формирующей мир.

Философ и Историк храня гробовое, обиженное молчание начали быстро читать следующий текст:

Три исходные посылки польской философии истории*:

1. Жесткая, неподвергающееся сомнению детерминация прошлого и будущего.

Польские историки легко и непринужденно обосновывают целесообразность процессов прошлого исходя из гипотетичного варианта будущего... и наоборот. Для польской историографии нет прошлого как такового, как отдельного объекта изучения. Более того, историческое прошлое не является предметом, хладнокровно расчленяемым академическим сообществом. В каждой научной работе польские историки опровергают и разрушают тезис о том, что «история не знает сослагательного наклонения». То, что не произошло в прошлом, обязательно произойдет в будущем. Старая ситуация будет «переиграна» по новому. Чтобы быть готовым к этому необходимо четко отработать на интеллектуальном уровне альтернативную историю и спроецировать ее на поступки людей в будущем.

2. Историография любого вопроса это не поиск фактов, событий, аналогий, а ревизия прошлого с позиций морально-политической необходимости.

Практически любая, сколь ни будь серьезная историческая книга вышедшая в традициях Польской национальной школы – архи актуальна. Ибо она создается в контексте нравственной и властной необходимости дня сегодняшнего. Именно пресс морали и политики выжимает для польской историографии сок фактов, событий, аналогий.

3. Видение истории в антиномиях, контрастах: нация-государство, реализм-идеализм, оптимизм-пессимизм, Запад-Восток.

Польские историки принципиальны и жестки в своих тезисах и выводах. Классификация событий всегда тверда, цельна и не знает неопределенностей или двусмысленностей. Эта ситуация задается жесткой матрицей формальной логики: истинно либо «А», либо «Б», справедливо, положительно... либо «А», либо «Б». Любой исторический процесс протекает в изначально очерченном русле, границами которого является в конечном счете «Добро» и «Зло». Цель историка – выявить этот контент в любом событии и связать полученный результат с судьбой Польши.

Нельзя не признать, что эти базовые посылки, придают польской философии истории особый шарм и колорит. Они позволяют вполне обоснованно утверждать, что конкретные методы исторической науки для польской философии истории проблема второстепенная, прикладная, всецело подчиненная главной цели: формированию целостного, яркого и красочного исторического сознания польской нации.

* Общая идея классификации была взята из обширной статьи: Vykoukal J. Polska historiografia XX wieku czyli przygody pewnych motywów historii nowożytnej i najnowszej (oczami czeskiego historyka) // <http://jazon.hist.uj.edu.pl/zjazd/materialy/vykoukal.pdf>

Когда последние строчки эссе были прочитаны, Автор продолжил.

- А теперь отправимся купаться. Солнце практически село, а по сему воздух прохладный, но море остыть не успело. Порезвимся в воде а потом айда на ужин.

- Хорошо, - сказал Историк. – немного отойдем от словесных деталей, к стати заметь те, я дипломатично молчу о том что прочитал.

- Ага, - прошелестел гласными Философ, - я тоже молчу, хотя как специалист воспитанный на истмате мог бы многое чего сказать, впрочем, - продолжил он, - когда мы встретимся?

- После ужина, - сказал Автор, - с разрешения Палыча устраивается фуршет с дегустацией, думаю плотно и содержательно пообщаться там не получится, - все трое понимающе улыбнулись, - так что randevу - завтра, после утреннего принятия пищи. Минут за 90 до начала конференции встретимся в беседке с самыми красивыми розами на территории санатория.

- Самые красивые розы, - заметил Философ, - почти сразу у выхода на море.

- Там и соберемся, а теперь хорош травить интеллектуализмы и айда в море – со смешком резюмировал Автор.

Все трое энергично допив последние грамы Мадеры с легкими кличами ринулись в залив. Воды окрашенные тусклым пурпуром заходящего солнца встретили ноги разгоряченных коллег... Спустя тридцать-сорок шагов, уровень залива достиг их талий, жиотиков и прессов, в этот момент разухабистая троица синхронно нырнула, солнце окончательно скрылось за горизонтом - а когда несколько охладившиеся головы Философа, Историка и Автора появились над солеными водами, их встретила легкая морская зыбь цвета жидкого серебра с переливами тусклого индиго...

ДИАЛОГ № II
ИЛИ
САКРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В
КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ.

Я не теоретик, а практик!

Любой дантист в любые времена.

Когда на следующий день Автор подходил к беседке он встретил одного из своих знакомцев. Любитель фланировал по аллейке с мокрой головой, влажными плавками на бедрах и крайне насыщенным влагой полотенцем через плечо.

- Привет, – уныло сказал Любитель.

- И тебе доброго здравия, почему такой грустный? – жизнерадостно проорал Автор.

- Скучновато, уныло, - сказал Любитель, поправляя свои мощные акуляры на покрытой жестким ворсом голове.

- Да, ну? – не поверил Автор, но, приглядевшись сквозь вселенскую грусть Любителя, на некогда яркое, а теперь тусклое солнце, на еще недавно синее, а ныне тошнотно голубенькое море и на такие несколько секунд назад насыщенно кофейные, а в настоящем поблекшие розы, понял, нужно спасать человека, – пошли со мной у нас тут в одной беседочке намечается любопытный разговорчик о власти.

- Отчего же и не пойти, – вяло выжевывая слова промямлил Любитель, – пошли.

Когда они подошли к беседке Философ и Историк, уже сидели там, активно дулись друг на друга и демонстративно радостно приветствовали Автора.

- Это мой друг – Любитель, он поучаствует в дискуссии как вольно определяющийся, – сразу заявил Автор вместо приветствия.

- Хорошо, - сказал Историк.

- Ладно, - вторил ему Философ.

- Давайте сразу к чтению приступим, чтобы времени не терять, - сказал Автор – не в силах слушать причины очередных разногласий друзей.

Философ откашлялся, но ничего не сказал, а молча взял из рук Автора ноутбук и вывел на экран следующий текст.

Власть в античном обществе (к построению историко-философской картины сакрализации власти)

1. Общая схема процесса

В предельно сжатом и общем виде, этапы развития власти в Европейском мире, для автора, выглядят следующим образом:

- **Власть авторитета** характерна для потестарного общества, уходит своими корнями в «биологическое» прошлое человека, имеет некоторые аналогии в жизни современных стайных хищников. Для ее «чистого» вида характерна экономика собирателей и охотников, мифологическое мировоззрение, доминирование целого над частью, общества над индивидом. Власть, преимущественно, осуществляется по

горизонталю, через примат общественного мнения. Но в лице института вождества, зреют предпосылки зарождения вертикали власти. Этап соответствует диалектической категории становления.

➤ **Переходный период к авторитету власти** характерен для традиционного общества (в историческом времени это период Античности, Средневековья и, отчасти, Возрождения). Этапу присуще развитое земледельческое и скотоводческое хозяйство, философское или религиозное мировоззрение. На данном отрезке времени происходит напряженный поиск идеального соотношения целого (общество) и части (индивид), горизонталю общественных отношений и вертикали отчужденной от социума власти. Как результат: пестрота разнообразных формам осуществления власти (теократия, бюрократия, тирания, прямая демократия, монархия, олигархия, империя...), форм ее проявления (бюрократия, вассалитет, выборные должности...). Этап соответствует диалектической категории развития.

➤ **Авторитет власти** соотносится с периодом первоначального накопления капитала и складывание капиталистического способа производства. Это время окончательной трансформации традиционного общества в индустриальное. Наука, становится доминирующим типом мировоззрения. Власть авторитета, замененная авторитетом власти уходит в латентное состояние на уровне семьи и горизонталю общественных отношений. Для авторитета власти характерно завершение формирования системы отношений между горизонталью (обществом) и вертикалью

(государством), последняя становится доминирующей. Усилиями нескольких поколений европейских интеллектуалов оптимальной формой осуществления власти признается демократия (от либерального толка до конституционной монархии), формой проявления – бюрократия. Этап соответствует диалектической категории ставшее.

➤ **Переходный период к формированию нового качества власти авторитета** протекает в условиях ломки индустриального общества во всех сферах бытия общества и человека [Шевченко, 2005].

Если говорить подробнее о рассматриваемом нами периоде, то он выпадает на переходный период, то есть переход от власти авторитета к новому качеству – авторитету власти. Остановимся на нем подробнее.

2. Переходный период к авторитету власти

Изучение переходных этапов вообще и власти в частности предполагает особый подход к решению заявленной проблемы. Это обусловлено спецификой трансформационных процессов, действием новых факторов, увеличением числа альтернативных вариантов развития общества. В традиционном обществе это нашло свое выражение в том, что возникли условия:

- сосуществования религиозного и философского мировоззрений при сохранении сильных позиций мифологии;
- обретения высокой степени вариативности культуры одного и того же этноса;
- постоянной борьбы религиозного и политического фактора.

Переходный период очень своеобразен в гносеологическом плане. По определению, он проходит под знаком маргинальности, когда одновременно причудливо переплетаются основания традиционного общества и зарождающиеся условия и факторы индустриального общества. Решение заявленной задачи возможно с учетом применения метода единства исторического и логического. Ибо через реализацию его принципов можно оценить специфику переходного этапа для последующей истории развития власти. Возникает возможность выявить закономерности развития объекта не столько при помощи систематизации и обобщения эмпирического материала (как это было продемонстрировано в первом разделе), сколько через исследование основных фаз развития на сущностном уровне. Это дает возможность не увязнуть в массиве парадоксов, которыми изобилует исследуемый этап, и осуществить заявленные принципы диссертационного исследования. Метод единства исторического и логического позволит систематизировать наработанный опыт (от Платона до Данте) в пределах единой парадигмы. Последняя подразумевает ответ интеллектуального меньшинства на объективные исторические изменения.

В научной литературе нередко можно встретить мнение, что на смену устаревшей системе власти мгновенно (или через небольшой промежуток времени) приходит новая, более совершенная модель [Васильев, 1997; Желаев, 2002]. Как правило, исследователи отмечают, что с появлением государства появилась исторически новая система власти [Желаев,

2002, с. 16]. Однако за скобками остаются разные принципы построения власти – полисная тирания и эллинистическая монархия, прямая демократия и империя с ее мощным бюрократическим аппаратом, средневековые королевства и средневековые республики (Лангедок, Венеция, Швейцария, Генуя, Нидерланды и др.). Попытки привести их под общий знаменатель как некую единую систему власти, характерную для традиционного аграрного общества, выглядят неубедительно. Очевидно, что указанный этап существования власти, во-первых, отличается от предыдущего – потестарного общества и, во-вторых, от последующего – индустриального общества. Не подлежит сомнению, что, несмотря на частые разногласия исследователей, его нецелесообразно разбивать на несколько самостоятельных частей – с точки зрения кратической истории. Следовательно, это некий период времени, который послужил своеобразной базой для появления нового характера властных отношений в индустриальном обществе, при этом он отличен от потестарного общества и, наконец, в его рамках не была сформирована единая властная парадигма. Следует сделать вывод, что он является переходным этапом, полем для социальных экспериментов, временем выработки универсальной властной концепции, которая в настоящем исследовании обозначена как авторитет власти. Эти процессы укладываются в рамки традиционного общества. Синонимами этого термина часто служат понятия «аграрное, доиндустриальное, примитивное, феодальное общество». Исследователи связывают этот термин с различными хронологическими

периодами: от неолита до XIX в. Сам термин возник при попытке определить социокультурную модель социального устройства, асимметричную современному обществу. Существует ряд попыток создать общую теорию традиционного общества [Илюшечкин, 1996; Тоффлер, 1999], но ни одна из них общемирового признания не получила. В данном исследовании под традиционным обществом понимается период от появления первых протогосударств до формирования развитых форм государственной и общественной жизни в эпоху Возрождения и Нового времени.

Основная интрига переходного периода заключается в том, что заложенные в потестарном обществе противоречия между институтом вождества и общественным мнением с усложнением социума, изменением мировоззрения, сменой типов экономической деятельности выливаются в отчетливо фиксируемые конфликты. Складываются новые, радикальные формы власти – тирания и демократия. Рушатся нравственные устои общества (трагедия Гесиода), на смену естественному праву приходит закон (трагедия Сократа). В условиях разделения инстинкта и ценностей, биологического и культурного, старая система власти авторитета демонстрирует свое бессилие уже в рамках городов-государств, не говоря о великих многоэтничных и поликонфессиональных империях. Появляется настоятельная необходимость поиска нового принципа властных отношений, который отвечал бы смутно осознаваемым новым ценностям ориентирам. Неслучайно Античность, Средневековье и Возрождение пестрят социальными утопиями и дарят миру великолепные примеры политических прожектов. На

феноменальном уровне новые социо-культурные, экономические, политические и правовые реалии требуют адекватного отражения не просто в системе управления (ее можно выработать интуитивно), а в решении основного противоречия, возникшего еще в первобытные времена – между авторитетом общественного мнения и авторитетом должности (иерархией). Проблема усугублялась появлением новой мощной и динамически развивающейся структуры – государства, новых взаимоисключающих друг друга типов мировоззрения (религия и философия). Отсюда парадоксы политической истории данного периода: резкая смена, а порой и сосуществование тирании и монархии, демократии и олигархии, аристократии и отчасти анархии. Выработка конкретных управленческих решений, на основе которых формируется система управления, нуждается в здравом смысле и ориентации в текущем социально-политическом моменте, а сиюминутная эффективность способов подчинения объекта власти не вызвала на протяжении столетий серьезных теоретических проблем. Другое дело – формирование принципов власти, адекватных ценностной реальности, которые являлись бы универсальными и примиряли бы общество с его отчужденной формой – государством, находили бы место взаимоотношениям в метасистеме «человек – общество – природа». Для этого нужны время и серьезные, целенаправленные усилия творческой части человечества. В результате появляется новая властная парадигма, которая в данной диссертации обозначена как авторитет власти.

Рассмотрим кризис потестарного общества, его духовной основы и власти авторитета в

разных сферах человеческого общежития. Споры о подлинных причинах его кризиса до сих пор не утихают среди историков и философов. Достаточно вспомнить марксистскую версию о динамично развивающихся производительных силах и тормозящих эту динамику производственных отношениях [Маркс, 2000]. Не менее популярной является версия М. Вебера о духовных источниках кризиса [Вебер, 1990]. Особняком стоит теологическая версия [Маритен, 2000]. В данный момент рассмотрение этих версий привело бы к ненужному отступлению от главной линии диссертации, в рамках которой необходимо выяснить причины кризиса власти и выявить, явился ли он реакцией на кардинальную смену принципов общественного бытия или же сам инициировал эту смену.

Уничтожение парадигмы власти авторитета проявилось в исчезновении базовых условий ее существования, которые были рассмотрены в предыдущем подразделе. Причинами крушения власти авторитета явились:

- резкий рост численности человеческих коллективов на ограниченной территории;
 - усложнение человеческого общежития – образование государства и классов;
 - уменьшение роли биологического начала в общественной жизни;
 - возникновение новых типов мировоззрения – философского и религиозного, а соответственно новых ценностных систем;
- Численность человеческих коллективов возросла в результате смены форм экономической эксплуатации природы (от собирательства к земледелию). Наиболее обоснованной причиной этого явления следует считать смену

экологического фактора [Коротаев, 2003, с. 16–17]. Причину появления частной собственности и государства логично было бы искать не столько в «злой воле» вождей и старейшин, сколько в объективной необходимости регулировать новые отношения, возникающие с появлением земледелия и скотоводства (необходима координация труда больших коллективов, пополнение обширного и сложного в техническом отношении трудового инвентаря и др.) [Энгельс, 1985]. Возникновение новых типов мировоззрения, судя по всему, также предшествовало изменению властной концепции [Артемова, 1993].

Таким образом, кризис власти авторитета был следствием глобального кризиса в человеческом обществе, который затронул все общественные аспекты (от социокультурного до экономического) и инициировал новое измерение его жизни – политическое измерение (становление последнего происходило одновременно со становлением государства и авторитета власти [Гражданское, 2002, с. 19]).

Экономические предпосылки кризиса власти авторитета

С появлением института частной собственности уравнивательные отношения потестарного общества постепенно деградируют, и, следовательно, власть авторитета с ее идеями координации и всеобщего благополучия теряет свою опору. Этот процесс прекрасно продемонстрировал Ф. Энгельс. Стихийно, без глубоких интеллектуальных усилий, на уровне очевидного управленческого решения предпочтение отдается субординации в вопросе распределения излишков производства. Прообразы

иерархии и субординации в лице вождества теряют экономическую (уравнительные отношения, коллективная собственность) систему сдерживающих факторов. Таким образом, формируется экономическая база для создания независимой от общественного мнения власти, которое позднее проявит себя в форме государства.

Социокультурные предпосылки кризиса власти авторитета

Мифологическое мировоззрение уступает место религиозному и философскому. Из коллективного «Мы» выделяется индивидуальное «Я». Власть авторитета, эффективно функционирующая, когда индивидуальные интересы приносятся в жертву коллективным, начинает давать сбой. Потенциал, заложенный в институте вождества, с утверждением частной собственности выливается в структуру, конкурирующую с общественным мнением. Вся античность пронизана трагедией. Воля индивида сталкивается с общественным мнением (Одиссей, Тиресий, Сократ, Перикл, Фемистокл). Философское мировоззрение стремится опереться на индивидуальный и неповторимый разум, религия – на душу. Обе идеи находятся в противоречии с мифом, отказывающим человеку в праве на индивидуальную неповторимость. Нанося удар по «идейному» содержанию власти авторитета, смена мировоззрений подготавливает почву для отчуждения человека от власти. Если ранее каждый член коллектива являлся частичкой власти, то теперь, заявляя право на самостоятельность, он входит в двусторонние отношения с властью, противопоставляя себя власти. С последней все более ассоциируется

государство, а не некое абстрактное право или состояние личности. Образование первых государств, в частности полисов, окончательно дискредитирует принцип власти авторитета. Он продолжает действовать лишь на уровне семьи, где сохраняются реликтовые структуры потестарного общества. Патриархальная семья, ставшая прообразом государства, при развитии последнего, заявляет о своей маргинальности по отношению к порожденному ей институту. Уже Аристотелю приходится доказывать родственный характер семьи и государства. Данный факт не был для его современников очевидным. В Античности и Средневековье семья с ее характерными отношениями власти авторитета всегда входила в конфликт с государством. М. Мид совершенно справедливо заметила, что только в высоких цивилизациях институт семьи планомерно уничтожается [Мид, 1988 с. 320]. Возможно, кризис семьи в поздней античности и дисгармоничные формы брака во время Средневековья явились косвенными свидетельствами отсутствия компромисса между властью авторитета и авторитетом власти.

Нормативные предпосылки кризиса власти авторитета

В первобытном обществе право воспринимается уже как система прав и обязанностей. Но только с появлением традиционного общества происходит инверсия права в форму закона. Для последнего неприемлемы понятия справедливости и морали. Закон опирается не на силу общественного мнения, а на авторитет власти – государства и его структур. Закон обеспечивается не нравственностью, а карательными санкциями

государства. В этом отношении был прав В. И. Ленин, говоря, что государство – это аппарат подавления. Однако в правовом измерении сохраняются, вплоть до Нового времени, рудименты потестарного общества, когда субъектом правовых норм остается семья, а не конкретный индивид. Долгое время продолжают существовать установки табу и талиона, традиции кровной мести, правила коллективной ответственности общины, семьи, клана за проступки индивида. Такое положение дел характерно в целом для переходного периода от власти авторитета до авторитета власти.

Политические предпосылки кризиса власти авторитета

Потестарное общество не нуждалось при решении властных вопросов в посредниках – в слое профессиональных чиновников или политиков. Однако с усложнением социально-политической и экономической ситуаций появилась потребность в формировании новых институтов человеческого общежития. Первоначально они выполняли административно-военную функцию, сохраняя целостность территории и порядок внутри общества. Лишь позднее, по мере своего усложнения и развития, в эпоху первоначального накопления капитала, государственные структуры заявят о себе как инструмент политики. К этому времени стоит отнести появление политического сознания как мощной силы, подчинившей себе конкретный институт государства. Имеется в виду ситуация, когда люди с помощью своего политического сознания воспринимают свою государственность. У них формируется убеждение, что только в государстве они могут реализовать свои цели

[Гражданское, 2002, с. 21]. Государство, являясь выражением авторитета власти, стремилось и стремится отождествить себя с властью вообще. Однако такой реликт, как общественное мнение, постоянно напоминал о себе. Это отчетливо заметно в правовой и социокультурной сферах. Этот фактор постоянно присутствовал в экономическом измерении (ограничение экономической деятельности некоторых классов в условиях средневековья, постоянное попираание прав частной собственности в Античности и др.).

Противоречия между властью авторитета и авторитетом власти привели к многочисленным попыткам (на теоретическом уровне – социальные утопии, на практическом – богатый спектр государственных экспериментов) их примирения [Ашкеров, 2001, с. 27]*.

Труды Платона и Аристотеля, социальная утопия первого и трезвый анализ текущей ситуации второго, представляют собой прекрасные образцы инициирования долгого поиска выхода из развивающегося кризиса власти авторитета. И тот, и другой работали в сложное время, когда кризис власти еще не был осознан, когда зарождающийся институт государства только заявлял о своих возможностях, когда индивид еще не был отчужден от власти. Однако и Аристотель и Платон сумели зафиксировать наиболее существенные черты кризиса – в области экономики, нравственности и структуре

* В рамках западной традиции данная борьба проявилась в противопоставлении двух образов – тирана и мудреца [Кожев, 1998]. На востоке тот же самый конфликт отразился в образах поэта и чиновника [Павленко, 1993, с. 26].

общества. Созданные ими типологии и оценки политических режимов блестяще демонстрируют проблемы становления принципов государственного строительства. Именно Платон в своих «Государстве», «Законах» и диалоге «Политик» предложил упорядоченную и логическую схему взаимоотношения власти авторитета и авторитета власти. Правда, вариант решения был представлен не с учетом тенденций, а исходя из ностальгических воспоминаний прошлого. Появился гибрид государства, построенного по принципам авторитета власти (жесткая стратификация общества, вертикальная иерархия государственной структур) при способах управления, характерного для власти авторитета (доминирование координации над субординацией, идея осознанного подчинения существующим правилам, преобладание интересов коллектива над индивидами, отсутствие чиновников и политиков). Попытки претворить в жизнь этот замысел оказались неудачными.

Аристотель подошел к проблеме более рационально. Его политика – это результат скрупулезной оценки текущего момента (проведенной в афинской политике), предельно внимательное изучение принципов функционирования государства (в правовом, экономическом, нравственном, управленческом измерениях) [Аристотель, 1984; Аристотель, 2003]. Он не предлагает утопий, а лишь трезво оценивает оптимальный уровень соотношений координации и субординации, общественного мнения и государственного управления. Однако недостатком этого анализа является тот факт, что теоретическая модель Аристотеля могла

работать лишь в античном обществе классического типа.

Шире смотрели на проблему младшие современники Аристотеля – Ксенофонт и Исократ. Они предложили первый в истории универсальный способ построения многонационального государства без ущемления национальных или конфессиональных прав его подданных. Они наметили переход от самого понятия «гражданин» ко всеохватывающему – «подданный». И раб, и господин, и царедворец, и крестьянин перед лицом государства едины. Таким образом, они теоретически предвосхитили практическое решение этой проблемы в эллинистических империях востока и вершину развития античного государства – образование Римской империи.

Последняя явилась итогом многолетних поисков идеальной формы соотношения общества и государства. В рамках империи предельно обостряется противоречие между гражданином и подданным. Эта трагедия отчетливо заметна в судьбе мыслителя Марка Аврелия. Как гражданин, он **желает** остаться философом и любящим семьянином. Но, как подданный, он **обязан** стать императором. Как частный результат этого противоречия на свет появилась его замечательная книга «Наедине с собой». Марк Аврелий находит компромиссный вариант решения указанной дилеммы. Во внешнем мире он блестящий император, удачливый воин и блестящий администратор, а на листах своего дневника он нежный отец, любящий муж и тонкий мыслитель. Однако этот путь лишь для избранных [Аврелий, 1993]. На феноменальном уровне поиск осуществлялся через определение наиболее универсальной формы проявления и формы

осуществления власти. В качестве первой выступали выборные должности и бюрократия, как формы осуществления конкурировали тирания, монархия, демократия, олигархия, империя. В результате была найдена универсальная форма осуществления власти – бюрократия*.

В этом процессе «вдруг» и «неожиданно» как метеор сверкнуло несколько обожествлений тиранов, царей, а затем с IV в. до н.э. и вплоть до эпохи христианских императоров, на Евразийский мир обрушился каскад божественных, светлейших и т.д. царей. Их называли Богами, Спасителями, Героями, Нвыми Дионисами, Воплощениями Аполлона... Они заполнили пространство от Индии и до Македонии, от Северного Причерноморья и до Египта... их идеи приняли Римские полководцы, императоры... В их честь курились фимиамы, им ставились жертвеники, храмы, им посвящали Олимпийские игры...

Своего пика кризис власти авторитета достиг в эпоху эллинизма и практически точно совпал с первым цунами сакрализации власти. Но так ли уж это стихийное бедствие “сакральной нравственности” было неожиданным?

Выше уже было очерчено крушение системы ценностей старой власти и логично предположить, что в рамках этого процесса Эллада знала свою собственную историю усиления рушевшейся власти за счет сакрализации. Властители практически интуитивно стали апеллировать к сакральному к мифологическому

(магическому) сознанию, а затем в эпоху эллинизма и к религиозному.

Если тираны апеллировали к мифологическому сознанию** и проиграли. То эллинистические цари обратились к сознанию религиозному и получили в ответ – “букет” обожествлений от своих подданных.

Сакрализация явилась естественным процессом в рамках разрушенной власти авторитета, но с сохранением мощной горизонтали власти. В этих условиях сильной личности, олецовывавшей де-факто государство не могло быть иного пути как обожествить саму себя. Возможно, в основе лежали цели собственного самоутверждения в своих внутренних, моральных глазах. Это был мистический психо-физиологический акт инициации, позволявший индивидуальности выбросить собственное “я” за пределы потестарных норм поведения. Ведь они, эллинистические цари, вынужденны были ломать устои прежней жизни, разрушать обычаи, балансировать на грани деспотизма и богохульства. Брать всю ответственность за нравственность, право и закон на себя. А ведь эллинистические государи-боги – были не более чем люди своей эпохи. В них жили легенды прошлого, ценности общинного уклада жизни. Смешно думать, что такие мощные, генетически внедренные императивы поведения могли сползти с человека за 20–50 лет.

Отсюда вывод – обожествление царей в эпоху эллинизма есть факт самоотречения личности от

* О роли интеллегенции в становлении авторитета власти [Шевченко, Роль, 2008]

** Подробнее о специфике мифологического освоения власти см.: [Шевченко, 2009]

диктата прошлого, легитимация собственного поведения с одной стороны, и мощное русло выхода религиозной чувственности подданных с другой. Мифологическое сознание в этом процессе играло являлось лишь формой заявленных процессов. Оно выступало как ритуал, имя и не более того.

Другое дело Восток и Восточное мировоззрение. Здесь личность нивелировалось до уровня “царственного стульчака”. Обожествлению подвергалась не индивидуальность, а символ, образ. Образ власти, силы, мощи и всеобщности. Истоки – мифологические миры Шумера, вавилона, Ассирии. Здесь особый мир отличный от мира Европы. Свои представления о власти, авторитете, государстве и царе.

В эпоху эллинизма эти миры сблизилась и пересеклись, проникли один в другой и явили миру чудо синкретизации. Подробно и предметно мы рассмотрим этот процесс на примере Античного Крыма.

- Как видишь Историк, я свое обещание выполнил,
- гордо сказал Философ, когда Любитель, Автор и историк окончили читать текст.
- Вижу. И у меня есть, что сказать.
- Милости просим, – съязвил Философ.
- Текст в целом, - начал Историк, – вызывает сочувствие. Он имеет как свои достоинства так и, разумеется недостатки. Начну, пожалуй с достоинств.

1. Хороша идея обобщить данные о сакрализации власти в рамках всего античного Средиземноморья и в контексте Античности как целостной исторической эпохи.
2. Не без интересны размышления Философа и касательно встроенности Античности в мировой исторический процесс.
3. Удачей следует назвать выход Философа на проблему восприятия власти с позиций Мифа, Религии, Государства, Личности, Социума.

Теперь о недостатках. Вы меня простите, но говорить о них буду тезисно и несколько сумбурно. Слишком много возражений накопилось – Историк лучезарно улыбнулся Философу и продолжил:

1. Обобщение данных о сакрализации власти проведено из рук вон плохо. Философ в этом вопросе занимается научным шаманством, устраивая логические мистерии и упивается парадоксами. Вся его система рушиться при малейшем соприкосновении с реальными фактами. О каком таком переходном периоде власти в рамках традиционного общества идет

речь? Возьмем крито-микенскую цивилизацию. С точки зрения Философа это эксперимент. Хорош эксперимент длинной в столетия. Столетия жесточайшей государственной власти. Или по терминологии Историка – абсолютное доминирование вертикали власти. Уже в период за полтора тысячелетия до Рождества Христова в этой цивилизации существовала развитая форма бюрократии (а ведь по схеме Философа до нею человечество додумается только через две тысячи лет в 5 веке н.э.!). В этом периоде были ярко выражены черты сакрализации власти, ее персонификация в личности Царя. И это за 10-15 веков до эпохи Эллинизма !!! В свете данного факта все красивые размышления Философа о попытке личности освободиться от пут мифа и потестарности в эпоху Эллинизма провесают в воздухе. При необходимости можно привести и другие предметы “выпадения” фактажа из концепции Философа.

2. Философ выстраивая свое видение сакрализации очень легко и непринужденно прыгает от эпохи тирании в греческих полисах (какой к стати старшей или младшей)к Римским императорам (вернее к одному – Марку Аврелию, а где обожествление Цезаря, Октавиана Августа, Тиберия и др.?). Где то, именно где то, совершенно в безвоздушном историческом пространстве являются в тексте эллинистические монархи (какие именно? Династия Селевкидов? Птолемеев? Династы Эпира? Греко-Бактрии? Македонии). Они привязываются к некой схеме – Эллинизму и по словам Философа “мелькают как метеоры”. Вот уж действительно, не исторические личности а камешки в небе: вот они есть, а вот их нет! Вот тебе Эллада, а вот Вам некий Восток, вот Вам Ближний Восток, а вот получите Рим. При этом выводы делаются значительные, если не сказать фундаментальные. Из этой исторической каши Философ лепит свое резюме, не спорю захватывающее и заставляющее

задуматься, но в основе имеющее систему трех П: Пол, Палец, Потолок.

3. Неясно на основании каких таких источников, Философ утверждает о психофизиологической ущербности царей Эллинизма, причем сразу всех, скопом. Непонятно, как можно верифицировать в предметах культа, эпиграфике и т.п. заявления Философа о некоем религиозном мистическом акте, об отказе от мифологического мышления. Вероятно данный факт можно выудить из письменных источников, но таковые мне не известны, да и есть ли они? А если существуют то где научная методика подобного рода выуживания фактов? То же касается мифологического сознания как формы, а религиозного как содержания, это же имеет отношение к пассажиру о восприятии власти на Востоке.

Абсолютно непонятны формы взаимодействия и взаимосвязей Восточного и Западного способа восприятия власти.

Резюме. То что предоставил Философ имеет крайне низкую научную ценность. Отдельные идеи, догадки, озарения и суждения интересны и

многообещающи. Но они нуждаются в подкреплении фактами, встроенности в научную картину восприятия прошлого. Как таковые, сами по себе они для истории – не имеют ценности. А в силу этого говорить значимости Философского взгляда на данный сегмент истории считаю делом смешным и совершенно излишним.

- Ты все сказал ? – голос Философа был столь размерен и спокоен, что Автор вздрогнул, а Историк побледнел, ибо чем медленней говорил их друг тем больше ярости и бешенства было у него в нутри. А такого мягкого и спокойного голоса они от него еще не слышали.

- Да все, - мужественно ответил Историк.

- Тв смешиваешь божий дар с яичницей, коллега! В своих рассуждениях, ты критикуешь целое - с позиций частного. Ты уверен, что частное определяет целое, более того если какойнибудь факт противоречит целому то последнее – ложно. Но это не так! Твой подход – махровый позитивизм! Примитивная формальная логика!!! Ты считаешь верным может быть либо А либо Б, об их синтезе ты и не помышляешь. Вот например, говоря о своей Крито-Микенской цивилизации и Бюрократии ты считаешь достаточным для полной дискредитации процесса

становления Авторитета власти из Власти Авторитета.
Но это же частный случай!

- Как и монархии Ближнего Востока?

- Да!

- Как и монархия Египта?

- Да!

- Как и монархии Средней Азии!!!

- Это совсем другое!

- Какое же?

- Бюрократия и там, и там, была только по названию. Зачем же модернизировать историю? Я говорю об институте бюрократии Европы, а ты о неких п о д о б и я х бюрократии. Подобие не равно тождеству. Твои бюрократии всего лишь похожи по форме но не по с у щ е с т в у на бюрократию Нового времени, государства того времени это разросшиеся племенные союзы, они всего лишь подобны государству Нового времени. И еще раз повторяю: "Они похожи по форме, но не по существу".

Далее. Ты говоришь о том, что я играюсь фактами. Но это не так! В целом, отличие Римского императора от Эллинистического царя – частное, формальное, внешнее. Главное - суть процесса развития персональной власти. А именно, абсолютной власти дарованной Человеку, Личности.

- Попробуй докажи!

- И докажу!!! – почти прокричал философ. - Античность как эпоха едина. Она обладает общими условиями и факторами развития. Это же относится и к античной власти, частными аспектами которой являются: монархии Рима, Греции и др.

В раках этой парадигмы, на этом уровне абстракции я ни на гран не отхожу от фактов и скрупулезно их учитываю. То что ты говоришь – это первичные фактики, мелкие камешки – лежащие в фундаменте, я же фиксирую архитектурный ансамбль в целом! Если камешек имеет круглую форму, это же не означает, что здание не может быть прямоугольным! А у тебя сплошь и рядом получается, что от формы песчинки зависит стиль всего строительного ансамбля. Старшая тирания, младшая, – раздраженно и брюзгливо просипел Философ сорвавший голос в ходе своего великолепного вопля длинной в добрые несколько минут, – в свете тысячелетия Античности это мгновение, крайне незначительно влияющее на саму концепцию сакральной власти.

Что касается третьего пункта твоих возражений, то он настолько наивно и по детски сформулирован, что и отвечать на него стыдно. Что же ты за историк, раз не знаешь таких методик. Они прекрасно

опробованны Токаревым, Лосевым, Фрезером, Элиаде, Юнгом, Адлером и другими учеными...

- Я, - вклинился Историк, - лишь заявляю, что эти психические штучки не научны, абстрактны. История конкретная наука имеющая дело с конкретными фактами. Для историка первичен и основополагающий факт культовой практики (выраженный в физических объектах), свидетельствующий о веровании. Это зачастую максимум, что имеет в распоряжении историк. Все остальное - сотрясение воздуха. Дополнения, раскрашивающие историю в яркие краски популярного изложения или романистики.

Философ набрал воздуха, и с громким свистом выдул его сквозь зубы, вполне физически махнув на Историка рукой от которой Историк изумительно ловко увернулся. Воцарилась звонкая, но какая та мрачная тишина.

Философ надулся и смотрел в цементный пол, Автор никак не мог сообразить что сказать, а Любитель забился в уголок беседки и с недоумением переводил взгляд с одного лица на другое. Дело спас Историк в котором еще клокотал азарт спора.

- Может пора перейти к моему тексту? – агрессивно осведомился он.

- Да, пожалуй, - ответил Автор.

Любитель продолжавший хранить напряженное молчание осмелел и подвинулся ближе к ноутбуку, а затем вместе с Автором начал читать предложенный Историком текст. Философ молча пузырившийся некоторое время, загнал собственную обиду в желчный пузырь и вскоре присоединился к ним.

Историк отойдя от читающей троицы подошел к розарию и стал деловито обнюхивать бутоны с розами время от времени чему то криво усмехаясь.

Сакрализация власти в эллинской ойкумены: генетическое и привитое.

Цели и задачи главы

В этой главе перед нами стоит несколько задач.

Во-первых, мы должны выяснить истоки эллинистического культа обожествления царей.

В этом аспекте существует две версии, которые в настоящий момент признаются не более чем гипотезами. А именно:

- одни ученые считают, что обожествление правящего лица было исключительно восточной традицией и греки просто восприняли иранский и египетский вариант сакрализации правителя (переиначив их на свой лад);
- другие представляют дело таким образом, что идеи обожествления тирана или царя давно бытовали в

эллиническом обществе, скрытые от поверхностного ока современных исследователей.

В контексте данной задачи, немаловажную роль играет факт первого прецедента и первых божественных правителей в истории эллинического мира.

Во-вторых, нам необходимо узнать причины обожествления правителя, условия при которых культ мог действовать. Не менее важно понять и особенности смысловой нагрузки религиозного рвения. Другими словами, почему люди воздавали сакральные почести живому человеку, какие струны их души затрагивала идея божественного повелителя.

Таковы в общих чертах задачи данной главы.

Традиция обожествления греческих тиранов.

Если же начать конкретно говорить об истоках культа эллинического правителя, то необходимо рассмотреть вопрос о соответствии идеи обожествления человека с религиозными воззрениями эллинов еще до завоеваний Александра Македонского*.

Прежде всего, стоит отметить тот факт, что греческая религия не замыкалась в рамках одной – единственной религиозной доктрины, «в своей религиозной практики греки показали себя такими же смелыми изобретателями и экспериментаторами, как и в политике, искусстве, литературе, философии и науке» [Андреев, 1998, с. 303]. Следовательно, сознание эллинов было достаточно гибко, чтобы приспособиться к новым религиозным идеям, повеявшим с Востока. Так, например, в трагедии Эсхила «Персы», встречаются такие строки в отношении одной из представительниц царского дома иранской державы Ахеменидов:

«О, привет тебе, царица персов, Дария жена,
Препоясана низко Ксеркса, мать госпожа!
Ты была супругой бога, богу Персии ты мать»
(Эсхил. Персы. 156-157)

При этом любопытно, что сами персы не видели в своем царе бога, но лишь человека правящего с божьего соизволения. Для менталитета эллинов было проще отождествить царя с божеством, причем ничего предосудительного, по этому поводу, в трагедии мы не найдем.

Но все-таки, насколько нова была для среднестатистического эллина мысль относительно обожествления человека?

В принципе, как это не странно, Эллада имела примеры, когда простой смертный возвеличивался до уровня бога. Я имею ввиду, известный культ Героев [Нильсон, 1998, с.25-30; Токарев, 1976, с.393-394; Андреев, 1999, с. 6]. Разные авторы приводят массу интереснейших вариаций этого культа. С помощью специальных методов они находят истоки культа, с точки зрения современности пытаются дать ему объяснение. Нам же интересно несколько иное. Павсаний в своем труде неоднократно приводит данные о сакральных объектах, посвященных культам героев, причем, не только таких известных, как Геракл и Асклепий, но и других: жертвеники Иолаю, Алкмене (Павсаний. I.19.3-4), могилы воинов павших при Марафоне, которых местные жители героизировали (Павсаний. I.32. 4-5), порой даже приводятся примеры почитания уже умерших иноземцев (Павсаний. I.38.4-5). Другой автор, заслуживающий доверия, приводит следующую фразу в отношении великого греческого героя: «наше государство, как говорят те, сообщениям которых о древности мы доверяем, Гераклу помогло получить бессмертие» (Исократ. Филипп. 33-34. Пер. В.Г. Бороуховича). Как видно из этого отрывка, сам факт

* О наиболее древних, преимущественно малоазийских предпосылках сакрализации власти в эллада см. [Круглов, 2010].

обожествления находился в прямой зависимости от простых людей, или, говоря словами источника, от граждан государства зависело получит герой бессмертие или нет.

Подобный перечень можно было бы продолжать бесконечно. Эти и другие примеры одни авторы трактуют, как почитание эллинами героев в качестве могущественных призраков, могущих принести вред или пользу [Нильсон, 1998, с.26-27], для других же - это «новая форма религии: аристократический культ героев» [Токарев, 1976, с. 393]. Но вот, что самое интересное, для самих эллинов как кажется, было вполне обычным делом – обожествление того или иного человека. Павсаний признается: «я могу назвать и других, бывших некогда людьми, которым эллины стали воздавать божеские почести» (Павсаний. I.34.2-3). И вряд ли здесь стоит говорить о призраках. Так, например, тот же автор передает легенду, согласно которой, Амфиарий, став богом, проявился в виде источника (Павсаний. I. 34. 4-5). Следовательно, для эллина была не нова идея, что простой смертный с успехом может стать героем или богом. Вот только для этого он должен переступить определенный рубеж – смерть. Последний пункт, сдается, является непреодолимым препятствием для прижизненного обожествления. Но если смертный обладает огромной властью, ему сопутствует удача, он окружен роскошью и героическим ореолом, то при небольшой религиозной пропаганде (скажем легендой о вымышленном божественном родителе или воплощении божества в того или иного государя) [Андреев, 1999, с. 3-5] четкая грань между живым и мертвым ступшевается, появляется не только умерший герой, но и вполне реальный, который кстати, намного ближе к осязаемому миру, чем оваянный легендами Геракл или Ахилес (да и если верить Исократу, мало совершить великие

подвиги, чтобы смертный стал богом, необходимо, чтобы сами люди начали поклоняться тому или иному герою).

В чем же разница между героем и богом? Как представляется, в менталитете древних греков это различие виделось лишь в количественном характере, но никак не в качественном отношении* (Павсаний. II.10.1-2). Несколько позднее изощренный сатирик Лукиан в одном из своих диалогов постоянно жонглирует понятиями «Герой», «Бог», явно считая их очень близкими по смыслу словами (Лукиан. Токсарид или дружба. 1-3). Следовательно, грань, отделяющая героя от бога, очень тонка и зависит исключительно от личного могущества обладателя власти. При этом любопытно, что «безбожник» Лукиан с точки зрения здравого смысла высмеивает, вероятно, вполне обычную для него картину (которую, впрочем, можно было наблюдать и в эпоху Эллинизма). Так, Мнесипп вопрошает у своего собеседника: почему за некие поступки обычных людей возвели в ранг богов, «ведь в старину вы их не считали богами, а теперь, наоборот, признав богами, совершаете в их честь жертвоприношения» (Лукиан. Токсарид или дружба.3.). Отсюда вытекает еще один вывод обожествление простых смертных зашло так далеко и приняло настолько массовый характер, что попало на острый язык сатирика и было подвергнуто им изощренной критике. Истоки же этого следует искать еще в IV в. до н.э., и связаны они с эпохой тиранических режимов.

Попытки тиранов придать своим действиям сакральный характер появились еще в период старшей тирании, но они носили, либо характер намека на религию либо апеллировали к

* Ю.В. Андреев считал, что это положение стоит распространить и на разницу между человеком и богом. [Андреев, 1998, с. 334]. Другие исследователи, опира

вполне определенной ассоциации с мифическими героями древности [Андреев, 1999, с. 3-8]. В конечном счете, потуги тиранов придать своим действиям божественный ореол потерпели неудачу [Андреев, 1999, с. 6-7; Макаров, 1995; Макаров, 1997].

Первым, более или менее точно зафиксированное прижизненное обожествление правителя, мы находим в сообщении Плутарха о Лисандре. Писатель в свою очередь ссылается на Дуриса, который считал, что первым эллином, которому греческие города «стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу», был Лисандр (ум. в 395 г. до н.э.).

Однако остается все же некоторое сомнение: удостоился ли Лисандр такой чести при жизни или же после смерти? Хотя, внутренняя логика сообщения: описания могущества Лисандра, затем фраза о его безмерной гордости и, наконец, рассказ об его обожествлении - как будто бы заставляет предположить, с известной долей осторожности, что ему были возданы божественные почести еще при жизни (как должное воздаяние его славе и гордыне) (Плутарх. Лисандр. 18).

Примечателен тот факт, что сам Плутарх к подобному шагу Лисандра относится крайне негативно, говоря, что полководец «стал проявлять заносчивость и самонадеянность, не соответствующие даже его власти» (Плутарх. Лисандр.18). Нам трудно говорить о том, какие именно почести воздавались Лисандру, но несколько намеков Плутарха вполне заслуживают, чтобы их привести.

Во-первых, писатель говорит, что Лисандру стали воздавать почести города, то есть возвеличивание Лисандра не было частным культом и носило вполне официальный характер.

Во-вторых, как в дальнейшем мы увидим, возвеличивание городами эллинистических царей происходило без их прямого участия, отсюда логично вытекает, что Лисандр был признан

богом за какие либо благодеяния городам, а не исключительно по его желанию.

В-третьих, весьма примечателен факт существования в Элладе целой сети тайных обществ, благодаря которым Лисандр «держал в своих руках города» (Плутарх. Лисандр. 20). Эти союзы были созданы под протекцией Лисандра, их политическая цель вполне понятна, но не несли ли они еще и сакральную нагрузку? Более чем вероятно, как известно, тайные религиозные союзы были очень распространенным явлением в эллинском мире.

Впрочем, это лишь предположение, но вполне имеющее право на существование. Учитывая существование религиозных союзов обожествлявших своего владыку в эллинистическое время.

На Лисандре, галерея могущественных тиранов пытавшихся обожествить свою особу не прерывается. Буквально несколько десятилетий после его смерти сакрализировать свою особу пытаются: тиран Гераклеи – Клеарх (364/363 – 352/351 гг. до н.э.) [Фролов, 1990, с. 49; Берве, 1997, с.393] и владыка Сиракуз – Дионисий Младший (367-357 и 346-344 гг. до н.э.) [Фролов, 1979, с. 128-129; Фролов, 1972; Берве, 1997, с. 393].

А.А. Завойкин, цитируя Э.Д. Фролова и Г. Берве, видит в их попытках обожествить собственную персону лишь «экстравагантные выходки» и, в лучшем случае, подход к настоящему культу властителя [Завойкин, 2000, с. 57]. В данном случае, мы позволим себе не согласиться с логическими построениями Завойкина, и вот почему.

Г. Берве называет ряд личностей, чья жизнь проходила примерно в одних и тех же хронологических рамках, но в различных частях эллинской Ойкумены: Дионисия (Сицилия), Клеарха (Гераклея Понтийская) (совсем рядом с СП колония

Херсонес известно Боспору, Филиппа – отца знаменитого Александра (Македония). Все эти имена связаны с обожествлением верховного правителя, Берве пишет: «...вряд ли речь идет о театральных причудах или выражении преувеличенного тщеславия. Скорее, возникает впечатление, что тиран старался освятить свое незаконное владычество религией» [Берве, 1997, с. 393]. Э.Д. Фролов в своей более поздней работе, нежели «Сицилийская держава Дионисия» (Л, 1979), видит, по крайней мере в действиях Клеарха не только подход к культу правителя, но и сознательное «стремление учредить новый культ правителя и таким образом придать тиранической власти недостающей ей духовный ореол» [Фролов, 1990, с. 49]. Конечно, не только можно, но и должно согласиться и с мнением Г. Берве и А.А. Завойкина о том, что у многих образованных современников той эпохи подобные действия вызывали справедливое возмущение или же иронию (Аристотель. Политика. 5. 9.15-16). Но многое ли изменилось, когда, по мысли А. Завойкина царская власть стала сакральной, а царь предстал перед поданными в образе «наместника бога на земле» [Завойкин, 2000, с. 57]?

Эллинистическая культура полна скрытых и порой весьма утонченных издевок в адрес «божьей милостью правящих царей». Взять хотя бы изящный пассаж Аппиана, где он, говоря, что одному из правителей Селевкидской державы (Антиоху II) было дано имя Теос (бог), не преминул добавить, что «этого бога жена погубила ядом» (Аппиан. Сирийские дела. 65). К этому можно добавить отрывок из комедии Менандра, в котором объектом насмешки стал Алесандр Великий (Плутарх. Александр. 17. Пер. М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера, впрочем, в пер. О. Смыки сатира звучит менее остро [Менандр, 1982, с. 349]). К этому стоит добавить, что в международных отношениях к монархам обращались по именам, «забывая» их

многочисленные титулы (Диоген Лаэртский. 2.17, 141). Следовательно, ситуация, которая складывалась вокруг обожествления правящих личностей, выглядит не так однозначно, как это представляется А.А. Завойкину [Завойкин, 2000, с. 55-57].

Главный вывод данного раздела: Эллада издавна знала обожествление человека. Простой смертный при соответствующих условиях мог объявить себя героем или, по меньшей мере, оправдать свои поступки особым расположением божества. Этот тезис наглядно подтверждает целая плеяда выдающихся личностей: мифических героев, великих полководцев, могущественных (и не очень) тиранов.

Кроме самого факта, т.е. прецедента, на протяжении длительного периода отработывалась форма прижизненного обожествления: для ранней тирании это связь поступков тиранов с действиями гомеровских героев [Андреев, 1999, с. 6-7; Макаров, 1997, с.41], позднее появились попытки тиранов сакрализировать свою персону путем объявления себя сыновьями различных богов (Клеарх убеждал людей, что он сын Зевса, а Дионисий младший видел в своей персоне отпрыска Аполлона) [Берве, 1997, с. 293]. Отсюда естественным образом вытекает вывод – позднейшее обожествление эллинистических царей имело прямые, можно сказать генетические связи с эллинской религиозной практикой (насчитывавшей к этому периоду несколько столетий). Другое дело, что при подобного рода событиях общество оказывалось расколотым на сторонников божественного правителя и его ярых противников. И как кажется, в классическую эпоху сторонников сакрализированных деспотов было намного меньше чем его противников. Причина здесь, скорее всего, кроется в факторах социально-экономического характера и отчасти в области менталитета древнего грека до эллинистического периода. В

классическую эпоху основой жизни древнего грека был полис, в нем человек чувствовал себя по настоящему свободной личностью и требовал к себе такого же отношения. Идея поставить над собой некое сакральное существо, претендовавшее на реальную политическую власть могла прийти в голову либо довольно-таки безвольным субъектам либо же группе честолюбцев (что, кстати, прекрасно подтверждают наши источники), которые в своих действиях могли опереться на обожествление людей в прошлом. Однако таких было не много (и крушения тиранических режимов тому порука). Спустя же несколько десятилетий, в эпоху развала традиционного полисного строя, неуверенности в будущем, благодаря огромному наплыву восточных верований, зревшие идеи сакрализации правителя дали бурные всходы. На этом периоде, мы подробно остановимся в следующем параграфе.

Эллинистический культ царей

Отечественная историография советского времени знает всего несколько работ, посвященных непосредственно проблемам обожествления эллинистических царей [Самохина, 1986, с.59-77; Кошеленко, Сердитых, 1986;], к ним премыкают немногочисленные работы, в которых сакрализация монархии рассматривается как любопытный довесок к вопросам политико-экономического или обще культурологического характера [Зельдина, 1978, с. 180, 191-192; Свенцицкая, 1985, с. 50-51;].

Как нам кажется, не последнюю роль в столь удручающей ситуации сыграла статья В.Д. Блаватского, где он подверг ожесточенной критике исторические взгляды А.Б. Рановича и его монографию: «Эллинизм и его историческая роль» (М., Л., 1950).

В частности, Блаватский отметил, что на первом месте в изучении культуры эллинизма должно ставиться изучение науки, достижения техники, указанного периода, а не рассмотрения морализирующих философских идей и мистических религий эллинизма [Блаватский, 1955, с. 115]. Эта статья стала своего рода программой в изучении Эллинизма отечественными историками. Хотя на наш взгляд наибольших успехов советская историография добилась в изучении политических, экономических и в какой то мере социальных вопросов изучаемого периода [Кошеленко, 1979; Жигунин, 1980; Кашеев, 1993; Маринович, 1975; Маринович, 1993].

После крушения СССР ситуация количественно изменилась. Однако примерно равная пропорция между исследованиями, где поднимаются непосредственно проблемы сакрализации и где они приводятся как общий фон политической, психологической, политической и культурной жизни сохраняется до сих пор.

Специализированные исследования: [Казаров, 2001; Нефедов, 2001; Нефедов, 2009; Серова, 2004; Ладыгин 2004, 2005; Виноградов, 2009; Кошеленко, Гаибов, 2010]

Отдельные, общие замечания о культе царей [Свенцицкая, 1992; Голубцова, 1992, с. 63-69; Сапрыкин, 1996, с.84; Андреев, 1998, с. 374-388; Альтернативные, 2002, с. 284-293; Кулишова 2003, Габелко, 2005, с. 448; Дарвин, 2006, с. 378, 387; Ладыгин, 2008 с. 249, 252] Дело дошло до того, что даже в обобщающих статьях посвященных специфике эллинистических государств царские культы как факторы политического и культурного влияния на становление эллинистической государственности исчезают напрочь [Евсеенко, 2005; Климов, 2007; Сапрыкин, 2008]

Такая ситуация является неестественной и явно искусственной. Ибо интеллектуальный рынок отечественной

историографии явно испытывает дефицит специализированных монографий/сборников статей/семинаров имеющих своей целью досконально и комплексно исследовать заявленный вопрос. Это проявляется хотя бы в очень неуверенных пассажах относительно обожествления царей и целого ряда абераций в дискуссиях по частным вопросам, которые позднее будут рассмотрены подробно. Но «голод» весьма неудовлетворительно насыщается новыми именами, фактами, переводами, исследованиями. Попытаемся в какой то мере восполнить данный пробел.

Итак. Первым из плеяды Эллинистических монархов, обожествивших свою персону, был Александр Македонский. Его религиозная политика – это обширный вопрос, несомненно, нуждающийся в отдельном рассмотрении. Поэтому в нашем сочинении мы лишь наметим наиболее важные шаги Александра в интересующей нас сфере.

Не будем подробно останавливаться на известном факте признания царя Македонян сыном Амона. Отметим лишь, что в этом поступке определенно просматривается параллель с политикой Ахеменидов, которые, в свою очередь, опирались на многовековую традицию египтян обожествлять фараонов. Этому шагу Александра не в коей мере не стоит предавать общегосударственный характер. Ведь его поступок мог положительно повлиять лишь на жителей одного, пусть и стратегически важного региона – Египта. А на персов, бактрийцев, финикиян подобный шаг и подавно не мог возыметь сколь ни будь значительного воздействия. Гораздо любопытней признание афинянами Александра новым Дионисом, а в 324 г. до н.э. «Греческие полисы посылают в Вавилон феоров (послов, направляемых к богам) для возложения на Александра золотого венца» [Левек, 1989, с.12; Самохина, 1986, с. 71]. Как мы видим, подобный шаг сначала

Афин, а после и остальных греческих полисов находился полностью в рамках обще эллинской традиции, ясно наметившейся еще во времена Лисандра. Причем, здесь и далее стоит четко разграничивать чисто эллинские обычаи и почитание царей в русле персидской традиции. Для эпохи Александра мы не видим существенных доказательств религиозного синкретизма (в области обожествления правителя), о котором порой говорится в литературе [Зелинский, 1995, с.239]. Однако, как кажется, подобные действия не вызвали сильного резонанса в широких слоях населения, и чуть позже Птолемею придется устанавливать посмертный культ Александра, фактически начиная с начала прервавшуюся религиозную практику.

После смерти Александра, как известно, наступили смутные времена войн Диадохов. Казалось бы, после столь значительной фигуры как Александр, ни один из его полководцев не смог бы удостоиться божественных почестей, но ни тут то было. Стремительное изменение социальной обстановке [Свенцицкая, 1992, с. 212] влекло кардинальные изменения в отношении людей к религии. Первоначально, пока процессы разрушения старого привычного мира не набрали должных оборотов, религиозные воззрения людей изменялись в рамках старых доктрин, хотя порой они приобретали чересчур вычурный характер.

Как кажется, первыми правителями, обожествленными при жизни после Александра, были Антигон и Диметрий* в 307 г. до

* Впрочем в настоящее время можно определить и более раннюю дату обожествления диадохов. Видимо ее следует считать 314 г. до н. э. или, по крайней в 311 г. до н. э. Географический регион обожествления – Малая азия и о. Делос. Физическое лицо – Антигон Одноглазый. См. - Нефедов, 2009. Но широкое

н.э. (Диодор., XX.46.2.; Плутарх. Деметрий. X-XII) [Самохина, 1986; Левек, 1989, с.144; Свенцицкая, 1992, с.225; Нефедов, 2001; Нефедо, 2009], и не где-нибудь, а в самом демократическом полисе Эллады – в Афинах.

Г.С. Самохина, в своей статье подробно проанализировав истоки культа этих царей, пришла к ряду выводов, с которыми мы полностью согласны:

1. Для дарования Антигоном и Деметрию божественных почестей послужили их военные победы.

2. Обожествление обоих идет по линии их отождествления с наиболее почитаемыми в полисе греческими богами.

3. Личность монарха и его поступки придают ему особые божественные черты, превращающие его в «живого бога» [Самохина, 1986, с. 77]. В дальнейшем полисы не скупилась на дарование своим царям божественных почестей [Бикерман, 1985, с. 228-230; Свенцицкая, 1992, с. 225; Зельдина, 1978, с. 180; Голубцова, 1992, с. 63] (Аппиан. Римская история. XI.45, 65-67, 69).

Итак, мы рассмотрели один из видов обожествления государей, традиционный для всего эллинистического мира, однако, кроме приведенной выше религиозной практики существовало еще несколько способов обожествления монархов.

В свое время Биккерман предложил четкую структуру способов обожествления, основанных на примерах из Селевкидской династической истории. Он, пожалуй, первым заметил различие между официальным и полисным

обожествление монархов [Биккерман, 1985, с. 227, 231-232, 237-240]. Современные исследователи, как кажется полностью поддерживают эту точку зрения [Свенцицкая, 1992, с. 226-227]. При этом всячески подчеркивается тот факт, что установление культа в городах не было обязательным предписанием, в отличие от собственно официального культа царей. Однако упускается из виду одна любопытная деталь. Так, жители Теосса решают установить религиозный праздник в честь Антиоха третьего и его жены Лаодики, причем в декрете подчеркивается, что в празднике должны участвовать все живущие в городе, но вот в официальных жертвоприношениях могут участвовать только граждане, остальные, приносят жертвы дома «по возможности» [Зельдина, 1978, с. 180]. У нас, нет оснований думать, что в других городах державы Селевкидов существовала иная система взглядов на божественного владыку. При этом в наших представлениях и общепринятой системе взглядов на сакрализацию правителя существует некоторая недосказанность. Ведь согласно устоявшимся взглядам, эпоха эллинизма отличается крайним субъективизмом [Лосев, 1979-А, с. 9, 31, 33; Устинова, с. 215], а здесь мы видим, с одной стороны, обязательность в отношении божественного почитания царей, а с другой – удовлетворение сакральных нужд не граждан в домашних условиях, как говорит источник «по возможности». Ведь подобное положение дел, с одной стороны, ущемляло право человека на личную (читай религиозную) свободу, с другой – не давало определенной категории граждан приобщиться к коллективным действиям, почувствовать себя частью единой организации, с определенным кругом знакомств и корпоративными интересами. Следовательно, в системе Биккермана есть определенное темное пятно, за которым скрывается иная организация культа, нежели приведенные.

распространение культ получил лишь с 307 г. до н.э., когда он «прописался» в этнокультурном коде Эллады.

Если учесть данные размышления, то за темным пятном должна была скрываться частная религиозная организация, напрямую не связанная ни с полисом ни с царской организацией, ее целью было обожествление царя, членство в ней должно было быть абсолютно свободным, а вера, пожалуй, очень искренней. В нашей науке исследованию подобных клубов посвящено несколько замечательных статей [Свенцицкая, 1985, с. 43-61; Устинова, 1988, Альтернативные, 2002]. Так, например, известно, что «в отдельных городах были союзы почитателей царского культа (возможно, что были такие же межполисные союзы), но таких союзов было не много» [Свенцицкая, 1985, с. 50]. При этом исследователь считает, что подобного рода союзы были организованы под протекцией либо царей, либо полисов [Свенцицкая, 1985, с. 50-51], что на наш взгляд не совсем верно. Ведь изначально такие клубы носили частный характер, сама исследователь отмечает, что первоочередной задачей было создание микро сообществ, независимых от какой-либо политической власти [Свенцицкая, 1985, с. 46] (хотя определенные прецеденты могли иметь место). Сама идея создания клубов для почитания героизированного человека бытовала в Элладе по крайней мере еще с 6 в. до н.э. и носили название Оргеон [Устинова, 1988, с. 193-194], причем, культ героев носил отнюдь не заупокойный характер. Несколько выше мы уже разбирали характер почитания героев, поэтому сейчас мы можем сделать вывод, что при размытости границ между героем и божеством, сакрализация монаршей персоны происходило весьма безболезненно, тем более, что существовала устоявшаяся практика почитания. Любопытен в этом отношении тот факт, что эпиграфически засвидетельствован плавный переход героя в разряд богов [Устинова, 1988, с. 196].

Следовательно, и сакрализация правителя в рамках оргеонной структуры не могла быть чем то из ряда вон выходящим или же носить характер нововведения, тогда как полисное обожествление монархов хоть и не противоречило нормам греческой религии, но было делом новым и с точки зрения морали не совсем безупречным (Плутарх. Деметрий. 12).

Все перечисленные виды возведения государей в ранг богов носили чисто греческий характер. Религиозный синкретизм проявился при создании официального культа царей. И возник он намного позднее создания независимого Селевкидского царства (193 г. до н.э.) [Биккерман, 1985, с. 231]. Подобное положение дел, сравнительно позднее проникновение восточной культуры в область политики, искусства, религии было характерной чертой всей эллинистической культуры [Кошеленко, 1990, с. 13]. Ученые расходятся в оценках целей введения царского культа. Так одни видят в нем орудие при помощи которого они смогли бы усилить свою политическую власть [Свенцицкая, 1992, с. 225], другие – считают, что источники противоречат подобному утверждению [Биккерман, 1985, с.240], третьи приводят достаточно оригинальную гипотезу, согласно которой, ослабление государства влекло за собой усиление династического культа [Кошеленко, Сердитых, 1986, с. 22, 26]. Подобное разночтение в описании официального культа царей обусловлено крайней неоднозначностью политического и религиозного положения Селевкидских царей. Начало этому положил еще Александр, ведь он был царем македонян, гегемоном Коринфского союза, царем царей, сыном египетского бога Амона, земным воплощением Диониса [Маринович, 1975, с.5] и все это в одном лице! Положение Селевкидов осложнялось еще и тем, что они пришли в регион с устойчивыми традициями, согласно которым повелитель Азии

должен был быть царем-богом [Луконин, 1977, с. 103]. Эти взгляды накладывались на греческие религиозные представления, что и приводило к религиозной путанице. Последние данные подтверждают позиции авторов стоящих за то, что цель официального культа было скрепление государства под главенством царя, тем более, что это было лейтмотивом религиозной политики Ахеменидов [Куликан, 2002, с. 200] (так Антиох IV предпринял целую кампанию по установлению своих статуй во всех храмах страны) [Пичикийн, 1991, с. 122]. Впрочем, подобная практика возникла на Эллинистическом востоке лишь в начале II-го века до н.э., тут же став весьма популярной среди современников царей [Гаибов, Кошеленко, Сердитых, 1992, с. 18].

И последнее: нам не кажется убедительным мнение И.С. Свенцицкой, считающей, что создание культа царя было следствием необходимости первых диадохов легитимизировать свою власть [Свенцицкая, 1992, с. 225]*. Ведь во времена эллинизма был широко представлен принцип владения территорией по праву завоевания, он обоснован еще Ксенофонтом (Ксенофонт. Киропедия. 7, 5; 73 и 74) и имел глубокие корни в самом ближневосточном обществе [Куликан, 2002, с. 74]. Да что там восток! Принятие в Афинах царского титула Антигоном и Деметрием произошло после их обожествления, при этом источник недвусмысленно сообщает, что получение ими царской диадемы было следствием военной победы, а не их сакрализацией (Плутарх. Деметрий. 10.18). Следовательно ранее второго века до н.э. не имеет смысла говорить ни о какой последовательной политике центральной власти в области укрепления государства, через введение царского культа.

* Довольно любопытные идеи по этому вопросу смотри в работе [Нефедов, 2009].

- Так, друзья, давайте обсудим и этот текст, - с очень искусственной жизнерадостностью обратился к участникам беседы Автор.

- Аааа, что тут обсуждать, текст как текст, - мрачно прогромыхал Философ, - все те же абберрации, все тот же стиль эмпирического ползуна.

- А мне понравилось, - подал свой тонковатый голос Любитель, - нет в правду понравилось. Вот только уж очень много сносок, замечаний, намеков, каких то мало известных имен. По моему, текст очень научен, я бы даже сказал слишком научен. Он может взволновать и оказать воздействие только на узкого специалиста. Последний, наверняка восхитится им, увидит нечто новое и, безусловно, на его основании откроет для себя новые безграничные горизонты, - Любитель был очень вежливым человеком склонным к излишнему комплементажу, к которому обращался постоянно из-за боязни, ненароком обидеть собеседника. - Но текст останется закрытым для широкой аудитории и вряд ли сможет стать фактором развития общественных представлений о той эпохе, - не смотря на виноватую и жалкую улыбку, твердо произнес Любитель.

- Тут не место и не время говорить о стилистике. Тем более, научной стилистике, - резко ответил Историк.

- Нет от чего же, - очень противным тоном придрался к возможности досадить Историка Философ.

- Вправду, давайте не будем о стиле, - обеспокоено сказал Автор, - хотя я, не берясь утверждать о научности, отмечу, что представленные Историком документы весьма далеки от хорошего художественного вкуса.

- А можно мне еще сказать? - просительно проскрипел тонким голосом Любитель, и не дожидаясь ответа в том же тоне продолжил, - Я очень удивлен, что многоуважаемый академик, - Историк в адрес которого прозвучали слова раздулся до невообразимых величин, хотя был всего лишь д***, после чего снисходительно и с притворным смирением указал Любителю на его ошибку – да, да, конечно, искренне мной уважаемый д***, - поправился Любитель, - упустил из виду, что речь идет о божественном. Ведь это же поразительно, как человек осмелился свое, конечное, бренное тело считать божественным, и даже более того самого себя считать БОГОМ. Это в какие же глубины греховности или отчаяния нужно было пасть, чтобы отринуть элементарную религиозную совесть, очевидную истину и вести себя как земное воплощение Божества!!! Невероятно!. Нет, нет, я продолжу, -

запечатал открытый рот Историка Любитель, - я искренне Вам признателен, что Вы открыли мне глаза на этот сюжет, - Философ приподнял брови, ибо данная реплика была брошена ему, - действительно это какой то сдвиг в сознании Человека, сдвиг еще тем более ужасный, что в глазах общественного мнения, как это показал Историк, поводом для обожествления груды мяса послужили иллюзорные военные победы и яркие политические демарши. Друзья, обожествление царя это не просто результат греховности отдельного человека это какой то массовый Грех, массовое помешательство принявшее как верно подметил Историк всеобщее значение. Я бы даже сказал многоуровнее значение: культ полиса, небольших религиозных собраний, обще государственное почитание... И это всего лишь за несколько столетий до рождения Христа, и это в культурах (греческой и персидской) которые всегда славились исключительной богобоязненностью, развитым чувством божественного с высокой моралью и нравственностью. А...

- Подождите, - остановил Любителя Историк, - я ничего такого не утверждал. Видите ли, мой текст вполне светский и проблема рассматривается с научной, а не религиозной точки зрения. К моему

исследованию понятие Грех, Откровение, Божественное – не применимы.

- Совершенно верно, - подтвердил Философ, - я Вам тоже на ЭТО глаза не открывал. Я говорил о психологии, намекал на психиатрию, размышлял о социальной психологии, иногда обращался к религиоведческой (а не теологической) тематике.

- Как же можно разводить в стороны теологию и процедуры сакрализации Власти, - удивился Любитель, - как можно рассуждать о процессе самообожествления Человека и не обращать внимания на нравственные, да что там, сакральные основы события?

- Есть нравственность, есть этическое, - поучающим очень мягким голосом, каким разговаривают со стариками или сумасшедшими, стал менторствовать Философ, - есть представление о морали. Эти три фактора конечно Историк упустил, в некотором роде проигнорировал их и Я, но, в самом деле, нельзя всерьез заниматься философией и наукой отталкиваясь от Нового Завета!

- Нужно, - очень тихо, но отчетливо произнес Автор, - Рождение Христа, Его пришествие в Мир – центральное событие Всеобщей Истории. Вся человеческая история предуготовление к этому акту. Любитель прав, не понимая этого, не строя свою

концепцию прошлого, в сердце которой бы лежало это вселенского масштаба событие, невозможно правильно оценить ни одно, сколь ни будь значимое событие истории. Тем более, когда речь идет о сакрализации власти, за несколько столетий до сакраментальной даты – Р. Х.

- Причем в той культуре, - добавил Любитель, - где впервые прозвучало слово Спасителя, в культуре Эллинизма. Быть может, тот ворох обожествлений - это было предощущение вочеловечения Христа? Или, быть может, жалкая пародия, гротеск на богочеловека, издевательство над словами пророков о приходе Спасителя? Ведь некоторые монархи принимали именно такой титул?

- Не просто принимали, эти почести даровали им простые граждане, - заметил Автор, - данные факты приводил Историк. И потом, развивая твои мысли, можно сказать, что конфликта между «Божественным» Тиберием и Христом, конфликта в юридической плоскости, формально приведшего Христа на Крест не было бы, без серии обожествлений Эллинизма.

- Как так? – удивился Любитель.

- Автор имеет в виду, - вступил в диалог с фортами снисходительства в тихом голосе Историк, - что римские императоры во многом восприняли

эллинистическую практику обожествления единоличной власти при установлении культа императоров. Началось все с посмертного обожествления Цезаря (почти как после смерти Александра Великого, хотя он, по видимому почитался богом еще при жизни) и приняло очень строгую форму в рамках прижизненного общегосударственного культа Октавиана Августа, наследником которого и являлся Тиберий. Тиберий еще более ужесточил практику прижизненного обожествления императоров и в частности воскуривания фимиамов ему самому. Именно во времена Тиберия буд-то бы казнили Того Самого Христа.

Но, разумеется, видеть причину культов эллинистических монархов в предуготовлении культа Тиберия – это смешно. Я даже не буду вступать в диалог по этому поводу.

- Действительно, Историк прав, - поддержал коллегу Философ, - церковь у нас отделена от государства. А наука и философия, безусловна, находится вне религиозных верований. Мы с коллегой оперируем разумом - а не Откровением, Логикой - а не снисхождением Святого Духа. Вы, конечно, можете иметь свою точку зрения, свободно ее высказывать, но вам никто не давал права считать ее истинной. Более того, высказывать религиозные аргументы в

научно-философском споре, по моему, совершенно излишне.

Автор и Любитель переглянулись между собой и слегка пожали плечами.

- Видите ли, - заявил Любитель, - Вы, конечно, можете, - несколько спародировал Философа говоривший, - не принимать во внимание Откровение или Святое Писание, отказываться от Теологии... Но это ведь не означает, что Ваша тематика интересна только воинствующим атеистам от науки или философии. Ею интересуются и верующие и не просто интересуются, но и трактуют по своему, переиначивая Ваши слова сквозь сито собственной Души.

- Так поступает любой человек, - продолжил Автор, - он пропускает тексты через свою моральность, этику, нравственность, говоря словами Философа или через Душу, говоря словами Любителя. То есть он всегда трансформирует полученную информацию в некий образ, некую картинку родственную его собственному Я, его собственной Вселенной. Поэтому я не стал бы так категорично выбрасывать из философско-научного разговора все, что выходит за пределы сухого разума.

К тому же вы сами допускаете в своих рассуждениях аллегии, художественные обороты,

яркие сравнения, а ведь это не строгая научная лексика. Особенно Вы, друг мой Философ!

- Хорошо, хорошо, давайте не будем спорить. Мы с Историком останемся на базе здоровой и ясной рациональности, Вы будете плавать в забавном тумане мистицизма. Я не против. Но заявляю сразу, спорить с Вами я не буду, а религиозные аргументы, которыми Вы, возможно, попытаетесь изменить мою позицию, просто буду игнорировать.

- Я присоединяюсь к Философу, - заявил Историк демонстрируя удивительную сплоченность со своим коллегой.

- Вас никто не собирается переубеждать, - бархатно сказал Автор, - просто иногда мы будем высказывать свои точки зрения. Причем последним мы злоупотреблять не намерены. Быть может, прислушиваясь к нашему диалогу с Любителем вы что то подчерпнете и для себя. Ведь проблему нравственности возлагания на себя функций божества вы все таки «подчерпнули»? -Философ кивнул, а Историк несколько задумчиво посмотрел на Автора и глазами показал, что Да, «подчерпнули». – А вопрос этического/эстетического в этом аспекте? А как согласовывался акт провозглашения Царя-Бога с нормами тогдашней морали? – на все вопросы Автора Философ нехотя кивал, а Историк все также теребя

нижнюю губу отвечал глазами. – Значит пользу мы можем и пользу с Любителем принести?

- Все задушил интеллектом, - очень серьезно отозвался наконец вербальными знаками Историк.

Любитель хихикнул, Автор широко улыбнулся, а Философ в ответ на эти слова показал Исторiku поднятый кверху большой палец.

- О! - Сказал Автор, - глядите коллеги на собрание секции подходят. Все, закругляем разговор.

- Да, пожалуй, спокойно поговорить не дадут, - благожелательно произнес Философ. При этих словах Историк не понятно чему криво усмехнулся.

- Давайте встретимся Вечером, - предложил Автор.

- Нет, сказал Философ, - Вечером Здравлица Анах^{***} - после нее не поговоришь, а лишь заплетающимся языком красивой аспиранточке про звезды расскажешь, - Историк понимающе улыбнулся, Автор покачал головой, а Любитель очень не заметно поморщился.

- Тогда давайте... Завтра ближе к 22-00, - снова предложил Автор, - многие с Т^{***} Чтений разъедутся, нынешний банкет в отличии от предыдущих 3-х лет будет смазан и хил. Мы с него сбежим на берег Донузлава с заранее запасенным и

купленным в М*** винцом и наконец разберемся с начатой темой.

- А потом, - никак не мог уняться Философ – мы заплетающимся языком хором расскажем четверем хорошеньким аспиранточкам про звезды, - Любитель принял вид совершенно отсутствующего человека, Историк задумчиво потер щеку, а Автор, вспомнив жену, отрицательно замотал головой, - ладно, - покладисто произнес Философ, - тогда расскажем только двум аспиранточкам и не хором, а так сказать тет-а-тет.

Подошедшая толпа ученых мужей и жен окончательно утопила диалог в массе своих тел, поздравлений и глубокомысленных слов. Но чем больше поднимался глухой гул обсуждений на секции, тем звонче било солнце в близкое к санаторию море и тем мягче, чарующе наплывно распространялся вокруг беседки аромат чайных роз.

ДИАЛОГ № III ИЛИ САКРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В АНТИЧНОМ КРЫМУ

Во всем нужна умеренность

Из ежедневных 5-ти часовых
нравственных поучений
Царя Скилура, к своему 84 сыну

Колос

В положенный час и в обговоренном месте собралась тройка друзей и прилепившийся к ним Любитель.

- Ну что же, - сказал Автор, когда все собрались под налитой густым багрянцем луной, - продолжим. Сегодня нам предстоит окончить спорик о том какая дисциплина истинней понимает существо проблемы: «Герои. Цари. Боги. (Античный Крым в контексте Евразийской цивилизации). Если я правильно понял именно эта причина подвинула Вас к столь продолжительным беседам?

- Точно, - подтвердил Историк, не дожидаясь согласного кивка Философа - только спор оказался бессмысленным, а предложенная тобой схема явно неудачной. Мы исправно читаем тексты, но разговариваем о каких то совершенно сумасбродных, мало относящихся к прочитанному вещах.

- Отчего же, - ввинтился в разговор Философ, - мы спорим о проблемах связанных непосредственно с прочитанным. Вот только связанным также, как соединяются между собой красный цвет, сладкий вкус и круглое яблоко. Наши тексты это разбор формы яблока, его структуры, а разговоры - вальяжные размышления о кулинарных предпочтениях, красоте красноватого оттенка по отношению к зеленому. Ведь это очень скучно говорить о параллелограммах,

треугольниках и трапециях, гораздо приятней о цветовом колорите, сочности... Поэтому я считаю, что Автор не так уж и опростоволосился.

- Откровенно говоря, - заметил Автор, - я ожидал разговора по существу, но... море, вино, розы, луна, наверное смазывают четкость наших слов.

- Все не так уж и плохо, - поддержал Автора Философ, - мы все таки ищем истину пускай странно, не привычно, но упорно и неотступно.

- Когда ты так говоришь, - зябко передергивая плечами тихо выщелкал слова Историк, - мне кажется, что обращаешься не к нам, а к какой то другой, иной аудитории. И представляется мне, она нам сейчас внимает.

Автор неловко заерзал на месте, ибо еще во время первого диалога включил диктафон с целью записать беседу друзей и сварганить из стенограммы книжку. Он решил оперативно перейти на другую тему.

- Давайте приступим к чтению?

- Давайте, - Философ был сама покладистость, - я тут набросал вечерком один текстик как раз по нашей тематике. Друг Автор, открой с этой флешки файл «Записки».

- Сейчас, айн момент, - с ужасным немецким акцентом пробормотал Автор, - настраивая ноутбук.

После успешного разрешения задачи, недоверчиво улыбающийся Историк, глуповато лыбящийся Автор и традиционно грустно растянувший губы Любитель вникли в мерцающий монитор ноутбука, который выглядел очень блекло по сравнению с пронзительными серебрянными лучами поднявшейся луны.

Крым, Евразия, Власть – Античность (Дегустационные записки по пути в санаторский корпус)

Крым являет собой точку пересечения разнообразных цивилизаций. Особенно, это ярко проявилось в античную эпоху. Когда на полуострове сосуществовало как минимум три государства, три культуры, три типа восприятия мира.

Во-первых, эллинское государство – Херсонес Таврический. В разное время подчинявший себе Западное побережье Крыма. Это классический эллинский город с классической эллинской культурой «среднего человека».

Во-вторых, это «варварское» скифское государство. В его основе лежала культура кочевников, культура Востока, культура силы и преклонение перед могуществом.

В-третьих, это государство глобального синкретизма – Боспорское царство.

Для всех трех держав были характерны разные формы политической жизни. Архаическая демократия Херсонесса, странное сочетание греческих, иранских и варварских принципов

управления на Боспоре и стремительно трансформирующееся государство кочевников-скифов в стационарное царство эллинистического типа.

Все три государства сакрализовали власть. Для всех трех – мистическое восприятие сочетания горизонтали и вертикали власти было делом привычным и естественным. Но были и отличия.

1. Для Херсоноситов власть овевана мифологемами и мифологизмами:

- Покровительство некой «Девы», корона которой – суть башни города.
- ЗАКОН, который выше и священней любой личности. Согласно сохранившимся декретам – индивидуальность горожан проявлялась лишь в практике выполнения присяги, которая суть закона и жизни полиса.

В такой ситуации говорить об эллинизме или культе личности – не приходится. Но сакральность власти выражена отчетливей, чем в каком либо другом полисе Эллады того времени.

2. Для скифов сакрализация власти – это сакрализация статуса царя.

Иранское почтение перед титулом. Царь-жрец, Царь-посредник между людьми и богами, олицетворение мощи потустороннего. Благодетель, дарующий процветание племени. Это классика потестарной власти с очень мощным внешними признаками авторитета власти. То есть того феномена, который находится вне европейской модели власти и присущ исключительно Востоку. Феномен, который позволяет говорить о вертикале и горизонтали власти, но не допускает оперировать понятиями «становления» и «развития» власти (в нашей

понятийной сетке – авторитет власти и власть авторитета).

3. Для Боспора сакральное – это сакральное восприятие личностей Спартокидов (правлящего дома царства).

На Боспоре героизировали и обожествляли человека. Так, Сатир, один из самых ярких Спартокидов – являлся архонтом греков и повелителем варваров. В нумизматике его образ приобрел ярко выраженные мифологические черты легендарного божка Сатира.. О другом представителе правящего дома Левконе, сочиняются странные и парадоксальные легенды. А их потомок – Перисад вообще признается богом.

Институт власти этой державы был лишен мистики, но правящий род фокусировал на себе все переживания людей по ту сторону реального мира. Этот факт сближает Боспор с практикой обожествления царей эллинизма. Боспор вступил в переходный период от власти авторитета к авторитету власти раньше, чем какое либо другое государство древней Европы. Более того, история власти Боспора свидетельствует об его эмоциональной оторванности от истории Западной власти и стремлению воспринимать власть(читай – веровать во власть) на восточный манер.

В таком разрезе Античный Крым это характерный для евразийства пример скрещивания обычаев, норм, эмоций, политических институтов в жизнеспособное единое целое.

Присутствие Запада это хора Херсонеса. Но уже специфика восприятия Закона это уже влияние и присутствие Востока.

Скифское государство – проводник влияния Азии, но внешний лоск и некоторая политическая риторика сакрализации – это воздействие Востока.

Боспор – являет собой причудливую смесь местных (автохтонных) и пришлых Восточных (Западных) образцов власти.

Все это заставляет видеть в сакрализации власти античного Крыма некие общие черты которые объединяют разноплановые государства. Что опять таки характерно для евразийских держав и народов.

Жизнеспособность указанных образований удивительна. Каждое из них существовало и принимало участие в активной международной политике не менее 1 тысячи лет. Намного пережив тех своих современников, с которыми они выходили в стихию цивилизационного и культурного общения.

Данный вопиющий факт нуждается в объяснении и понимании. Причем текст нашего эссе – лишь приглашение к диалогу. Ведь уже на данном этапе освоения феномена Античного Крыма появляется настоятельная необходимость в создании особых терминов для описания его уникальности так далеко выходящей за пределы схем европейской и азиатской истории. Разработанные в первом разделе категории смогли выявить данный факт, но преодолеть его в рамках настоящего исследования – не в состоянии.

- И это все? – голос Историка был нейтрален но не в меру оттопыренная нижняя губа предавала его слова отчетливый презрительный оттенок.

- Да.

- Сказочник ты Философ, - не удержался от колкости Историк.

- Да, Да - улыбнулся Любитель, - Власть у Вас Философ, какая то почти живая дама. Она и тут и сям. И то от нее зависит и это. По моему это взгляд очень оторванный от реальности. Но, вероятно, это очень философский подход, мне как аматору, дилетанту недоступный. Но я как то иначе представлял себе античный Крым.

К тому же вы очень вольно (или свободно и непринужденно?) обходитесь с метафизическим. Ваше восприятие мистического мне кажется чересчур примитивно или излишне опрощено. Вероятно, это сделано специально, чтобы упростить восприятие Ваших мыслей у нас не профессиональных философов? В таком случае Вы это сделали зря. В самом деле: «мистическое восприятие вертикали власти?» это как то чересчур смело.

Но что у Вас не отнять это просто замечательные... замечательные... афоризмы что ли? Я имею ввиду пассажи о ЗАКОНЕ, ВЛАСТИ, ПРИСЯГЕ, СВЯТОСТЕ; очень привлекательные мысли о

сакрализации института и в пику им религиозное почитание конкретного правителя. Тем более на нашем полуострове. Это для меня открытие, как и то, что события на малюсенькой территории от Евпатории и до Керчи стали прообразом, толчком к процессам на крупнейших пространствах от Сицилии и до Индии...

- Стоп, стоп, - прервал монолог Любителя Историк, - Философ тут наворотил столько всего, что я даже удивляюсь количеству ошибок, лжи и дилетантизма на один квадратный сантиметр текста. Во-первых, вывод о начале эллинизма в Крыму, это собственно не решенный факт. Это не более чем гипотеза. Во-вторых, обожествление царей было еще в Крито-Микенскую эпоху, тиранов обожествляли еще во времена первых Олимпийских игр, примеры Тесея, Геракла, Персея говорят об обожествлении людей за века до прихода к власти Спартокидов и основания Херсонеса. В-третьих, абзац о скифах, самый амбициозный. Мы очень мало знаем о сакрализации власти у крымских скифах, чуть больше о скифах вообще. Источники информации противоречивы, скупы. По сути, нам приходится в этом вопросе оперировать гипотезами, догадками, аналогиями, а ссылаться, зачастую, приходится на авторитет исследователей. Так что и здесь у Философа прокол.

В-четвертых. Рассказ о тысячи лет существования государств описываемых Философом (а мог бы описать Лилипутию, страну гуимгмов или Вальгалу) тоже нуждается в уточнениях. Ведь Скифия 5 в. до н. э. разительно отличается от Скифии 4 в. н. э. Боспор 6 в. до н. э. это принципиально иной Боспор чем в 3 в. н.э. Я уже не говорю о Херсонесе! Какая там республика под пятой Рима или в составе Византийской империи!!!

Короче говоря, Любитель, Вы были введены в заблуждение. Если уж хотите разобраться с античным

Крымом, Вам стоит читать только книги специалистов в этом вопросе.

- Например, тебя, - съехидничал Философ. Он мог бы взорваться на критику, но в силу своего непредсказуемого почти итальянского характера, сохранял на этот раз благодушное улыбочное настроение с великим запасом иронии.

- Да! Автор дай ноутбук... пожалуйста. Так, так, вот... наконец то открыл файл, читайте и просвещайтесь, - великодушно разрешил Историк передавая планшет Автору.

Философ, Автор, а особенно, Любитель с превеликим рвением приступили к чтению.

Перисад I: Царь? Герой? или Бог?

В конце IV в. до н. э. Боспор переживал пик своего развития, в этом согласны, как кажется все авторы, так или иначе касавшиеся этого периода боспорской истории. Сейчас нам нет смысла подвергать все стороннему анализу все события происшедшие на Боспоре в указанный период, у нас нет также и намерения подвергать критическому изучению политические, экономические, социальные и религиозные процессы, имевшие место в конце IV в. до н. э. Подобные исследования до нас проводили не единожды, как в рамках монографий, диссертаций [Гайдукевич, 1949, с. 57-92, 94-153; Шелов-Коведяев, 1985, с.144-168, 182-187; Молев, 1997, с. 85-87; Молев, 1994, с. 43-50;

Завойкин, 2007], так и в разнообразных специализированных статьях [Ростовцев, 1989, с. 183-197; Колобова, 1953; Шеллов, 1958; Кругликова, 1970; Виноградов, 1991; Петрова, 1997; Маслеников, 2002; Маслеников, 2002-А; Петрова, 2002; Бондаренко, 2007; Шауб 2007; Кузина, 2008]*. Для нашей же темы необходимо акцентировать свое внимание на нескольких пунктах. Во-первых, это характер государственного устройства Боспора в конце IV в. до н. э. В эту часть исследования мы отнесем изучение не только политического устройства, но и социально-религиозной обстановки (в частности взаимоотношения полисов и центральной власти, социально-экономические опоры Спартокидов), которая во многом формирует физиономию политической власти. Во вторых, подвергнем рассмотрению племенной мир, окружавший Боспор, дабы уяснить (уже в следующей подглавке) возможны ли были заимствования Спартокидами царского культа у своих соседей: скифов и синдо-меотов.

О характере власти Спартокидов вот уже несколько столетий идут ожесточенные споры, диапазон мнений исследователей необычайно широк от полного отрицания со правительства на Боспоре [Молев, 1997, с. 48-83], до полного принятия этой версии, впервые четко сформулированной и обоснованной И. Б. Брашинским «О некоторых династических особенностях правления Боспорских Спартокидов» (ВДИ. 1965. №1.). Мы не склонны придерживаться версии об единоличном

правлении Спартокидов, или теории И. Б. Брашинского, потому что они в силу своей гипотетичности сильно уступают концепции В. Ф. Шелова-Коведяева [Шеллов-Коведяев, 1985, с. 154-157, 162-165; Завойкин, 1999]. В силу этого мы предпочитаем придерживаться мнения последнего, о корпоративном характере власти ранних Спартокидов.

Итак, прежде всего, для обеспечения стабильности своей власти Спартокиды должны были заручиться поддержкой граждан Пантикапея. Эта задача была успешно решена. Известно, что еще в конце V в. до н. э. увеличивается общий объем полисных владений [Молев, 1997, с. 54], а граждане Пантикапея получают ателию [Колобова, 1953, с. 52].

Если затронуть тему политического положения полисов в формирующийся державе, то трудно говорить о том, какой степенью самостоятельности обладал тот или иной полис. Однако то, что города «сохраняют и гражданскую общину, и полисное самоуправление» [Колобова, 1953, С. 52-54], на наш взгляд, несомненно. Население почти всех крупнейших полисов, не смотря ни на какие перипетии, в течение веков продолжает сохранять свои гражданские демотиконы [Маслеников, 2001, с. 178; Колобова, 1953, с. 56, 59]. В литературе уже не раз упоминалось, что по отношению к боспорским полисам ранние Спартокиды именовались только архонтами, что подчеркивало их исключительное положение в молодом государстве. Города обладали своей собственной хорой [Кошеленко, Усачева, 1992, с. 51-56; Молев, 1997, с. 63], т. е. в принципе были экономически независимы от государей Боспора. Однако степень независимости каждого города была различной. Например, пантикапейцы имели максимум привилегий и свобод, а в Кепах, по всей видимости, существовал институт ограничения полисной самостоятельности. Иначе трудно было

* Естественно, что это не подробный перечень существующих работ по аспектам боспорской истории, более подробную информацию можно почерпнуть в статье О. С. Бондарева: *Историография материалов по экономике и политике Боспорского царства VI-I вв. до н. э.* (БФ. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб, 2001. т. 1 и диссертации Завойкина А.А. [Завойкин, 2007])

бы объяснить передачу в кормление Гилону этого города*. Именно рациональная политика Спартокидов в отношении городов, предвосхитившая знаменитый принцип *Divide et impera*, позволила им избежать такой консолидации сил, которая оказалась в свое время, фатальной для археанактидовского режима. Помимо всего этого происходила яркая и энергичная политика доминирования на коммуникациях. Особенно ярко это проявилось в подчинении морских торговых путей [Писаревский, 2000, с. 112]

В результате активной завоевательной политики был разрешен конфликт, мучавший, по крайней мере, пантикапейцев еще с конца VI в. до н. э. Был сведен на нет земельный голод для основного населения полиса, а для богатой верхушки Пантикапея открылся еще один источник обогащения - беспошлинная торговля под защитой военной мощи Спартокидов. При этом сами Спартокиды оказывались нужными как для состоятельных людей, так и для самых широких слоев населения Пантикапея. Что и дало династии твердую (прежде всего политическую) опору при проведении завоевательной политики** как соседних полисов, так и варварских территорий. Ведь наиглавнейшим условием победоносной внешней политики могла быть только полная солидарность населения родного города с правящими лицами государства.

* Так, например, существование оборонительных стен у Нимфея известно лишь с III в. до н.э. [Шелов-Коведяев, 1985, с.143]. О некоторых способах подчинения городов см. [Петрова, 1997, с. 100]

** Что касается сообщений Полиена о внутренних смутах на Боспоре во время правления Левкона I (VI. 9. 2-3), то мы не стали придавать им большого значения главным образом из-за неоднозначной привязке событий сообщаемых автором именно к Левкону I. Подробнее см. [Ростовцев, 1914, с. 11-17; Ростовцев, 1925, с. 133-136, Шелов-Коведяев, 1985, с. 116]

Второй задачей Спартокидов было экономическое укрепление своей власти и создание такой системы управления, которая позволила бы им не опасаться внутренних смут. Как решались эти задачи по отношению к полисам, мы уже показали. Однако, опираясь только на полисную структуру, Спартокиды были бы весьма зависимы от тех самых граждан, которых они подчинили своей воли. Совершенно справедливо отметил по этому поводу Е. А. Молев: «... все элементы экономического базиса власти Спартока вполне укладывались в рамки полисной системы и потому не могли быть надежной гарантией длительного сохранения власти» [Молев, 1997, с. 55]. Выход из этого замкнутого круга: полисы подчиняются Спартокидам – Спартокиды экономически зависимы от полисов, был не только в завоевании соседних территорий ради «оптимального решения проблем стенохории... поступление постоянных доходов от морской торговли в виде таможенных пошлин для правящей династии» [Молев, 1997, с. 63]. Спартокидам было необходимо большее - свой земельный фонд, который бы состоял не только из земель конфискованных у своих политических противников внутри хоры (причем не исключено, что многие эти земли могли перейти в пользу того или иного полиса), но и исконно принадлежавших фамилии [Маслеников, 2001, с. 178-190]. При этом принадлежность земли Спартокидам не должна была быть под сомнением. Эти земли могли дать экономическую независимость молодому режиму. Ныне существование царского землевладения можно принимать, как непреложный факт, основываясь не только на знаменитой «Трапезитской речи» Исократы, но в какой-то мере и на археологическом материале [Маслеников, 2001, с. 183]. Можно с уверенностью сказать, что царская хора начинает складываться именно в начале IV в. до н. э. на Фонталовском п-ове (формирование крупного землевладения Спартокидов на дальней хоре

европейского Боспора следует отнести ко второй четверти IV в. до н. э.), но вполне возможно отодвинуть хронологические рамки этого явления и в V в. до н. э. [Маслеников, 2001, с. 189; Завойкин, 2000, с. 47-54, 59-62].

Третьим столпом власти Спартокидов, по мимо политической поддержки Пантикапея и разумной системы экономических отношений, становятся союзнические отношения с рядом окрестных варварских племен, и вассальное подчинение некоторых из них. В данном месте мы не будем останавливаться на изложении эволюций взаимоотношений Боспорского государства с окрестным варварским миром. Отметим лишь несколько моментов. Социально-экономическая организация вошедших в состав государства племен (не говоря уже об тех племенных группах, которые просто находились в вассальной зависимости от династов) осталась неизменной [Шелов-Коведяев, 1985, с. 161, 168]. Отношения с союзными варварами, речь идет в первую очередь о скифах, строились, по всей видимости, на основе равноправного союза*. В последующее время союзнические отношения скифов и Спартокидов выльются в ряд династических браков на самом высшем уровне.

Подведем некоторые итоги [Маслеников, 2001, с. 178-179]. Власть Спартокидов покоилась на трех китах.

1. Подчинение себе в политическом, а иногда и в экономическом отношении эллинских полисов. В рамках этого

* Ранее предпринималась попытка провести подобного рода анализ см.: [Шелов-Коведяев, 1985, С. 157-169]. В целом придерживаясь взглядов исследователя, мы сочли необходимым откорректировать ряд положений ученого в рамках нашей концепции. Особенно это касается вопросов, связанных с социальной базой режима и опорой Спартокидов на связку полис - варвары.

«кита» можно отметить и удовлетворение различных социальных прослоек городов в их потребностях (будь то земельный голод, беспошлинная торговля или потакание патриотическим чувствам. Пример последнего может представить Феодосия, когда название этого города было внесено в официальный титул Спартокидов - честь, которой, не удостоился ни один город Боспора).

2. Создание царской хоры позволило Спартокидам быть экономически независимыми как от городов, так и от подчиненных варварских племен. Созданием очень сложной земельной системы (на Боспоре существовали: 1. хора городов, 2. «царское землевладение», 3. общинно-варварские угодия, 4. наделы военных поселенцев и наемников, 5. земли, принадлежавшие боспорской аристократии, членам правящей династии) позволяло наследникам Спартока I проводить очень гибкую земельную политику. А, кроме того, всегда иметь достаточно места для изощенного маневра. Таким маневром могло быть урезание по каким-то причинам хоры боспорских городов и передача их, скажем, какому-то князьку - изгнаннику из Скифии. Подобные рычаги управления прекрасно действовали не только на социально-этнические группы людей, но и на отдельно взятого человека.

3. Ориентация на союз с соседними варварами (или их завоевания) позволял Спартокидам создать сильный противовес сепаратным стремления эллинов.

Кроме того, варварский мир, проникая в боспорские города, вступая в кровные узы со Спартокидами давал последним практически неограниченный людской ресурс для их войска, и усадебных комплексов [Яковенко, 1991].

Эта экономико-политическая система сохраняла свое лицо на протяжении веков. Чего нельзя было сказать о политической власти. Окончательное оформление системы социально-

экономических отношений потребовало от правителей Боспора кардинальной перестройки политического здания Боспора. Корпоративному стилю управления следовало найти замену. Ведь противопоставление (на официальном уровне) эллинов и варваров заметно ущемляли гордость скифской, меотской, синдской знати. А это могло привести к серьезным этническим конфликтам, которые бы и разрушили государство. Кроме того, была необходимость учитывать интересы не только разных этносов, непохожих политических образований, но и противоположных друг другу партий в эллинских городах. Все это вместе взятое требовало эффективного управления. До поры до времени относительно малая территория государства, сравнительно небольшая концентрация в пределах Боспора варварских родов позволяла контролировать ситуацию с помощью коллегиальных решений внутри одной фамилии. Однако чем дальше происходило расслоение общества, чем больше усложнялись взаимоотношения между формами собственности, тем больше становилось понятным, что существующая система морально устарела и вскоре рухнет под напором новых идей, которые принесет энергичный и мудрый правитель. Но, вся интрига заключалась в вопросе: погребет ли под своими обломками рухнувшая политическая машина, как реформатора, так и все государство в целом? Из создавшейся ситуации было два выхода. Либо постепенное превращение «семейной тирании» в ряд небольших, автономных вотчин, под номинальным главенством Пантикапея либо создание сильной, централизованной власти, т. е. монархии.

По всей видимости, в роли реформатора выступил один из ярчайших представителей боспорской династии Спартокидов – Перисад I. Прямых доказательств об этих реформах нет. Но многие косвенные данные позволяют нам довольно четко обрисовать их контуры. А так-как, это имеет первостепенную

важность для успешного раскрытия нашей темы то остановимся на этом аспекте Боспорской истории подробнее.

Прежде всего, обратим наше внимание на титулатуру боспорских правителей. В подавляющем большинстве боспорских надписей она двойственна, т. е. тот или иной правитель именуется архонтом греческих городов и царем варварских племен, ему подчиненных. Однако нам известно, по крайней мере, две надписи нарушающие общепринятые формулировки, одна из них найдена в районе Керчи (КБН. 113), другая же при раскопках Нимфея [Соколова, Павличенко, 2002, с. 99-101]. Надпись из Нимфея хронологически старше керченской и относится к правлению отца Перисада I - Левкона I. Вот полный текст надписи: «Геопротид сын Мегакла, будучи агонотетом, посвятил этот вход Дионису при Левконе архонте Боспора и Феодосии, и всей Синдики, и торетов, и дандариев, и псессов» [Соколова, Павличенко, 2002, с. 101]. В этой надписи нас интересует, прежде всего, титулатура Левкона.

В данном случае, ни о каком царском титуле речь не идет. Термин «архонт» вполне мог употребляться в смысле правящий. Происходит как бы политическая нивелировка жителей боспорских городов и представителей варварских племен. Понятно, что в подобном официальном документе ни о какой стилистической ошибке речь не идет. Формулировка титула всегда отражала конкретную политическую ситуацию*. В этой надписи мы видим предтечу реформ Перисада I. И действительно именно в эпоху Перисада I появляется крайне созвучная формулировка верховной власти. Приведем полный

* С этим также согласен А.А. Завойкин внимательно проследивший эволюцию титулатур боспорских правителей, хотя он и считал данную надпись отражением политической ситуации просуществовавший краткий промежуток времени и не нашедшей своей пролангации [Завойкин, 2007].

текст этой надписи: «Твою статую, Антистасий, поставил Фаномах (в дар) Фебу, воздвигнув смертному отцу бессмертный памятник, при Перисаде, правителе всей земли, какая лежит между крайними пределами тавров и границами Кавказской земли» (КБН. 113). Итак, подробнее рассмотрим эти надписи. В обоих эпитафических документах нет места титулу царь. Возможно, эти надписи говорят о четком порядке инициации власти боспорских тиранов. Первоначально они обезличенные архонты (правлящие), а с какого-то момента они становятся царями над варварами. Впрочем, в переводе А. П. Рудакова той же самой надписи Перисад I выступает не просто в качестве правителя, а в несколько ином амплуа:

«...В оные дни, когда всю землей от пределов Кавказа
Вплоть до таврийских границ славный владел
Перисад» [Хрестоматия, 1964, с. 643] .

Эту надпись (КБН 113) в отличие от нимфейской, отличает то, что она является стихотворной эпитафией, это в свою очередь, затрудняет точную передачу смысла источника. Для подобного рода эпитафических памятников не было характерно точно следовать титулатуре правителя [Тохтасев, 2001, с. 162]. Тем не менее, эта надпись позволяет сделать некоторые выводы. В титуле Перисада I не указаны ни эллины, ни варвары, то есть также, как в надписи Левкона I фактически стерта та граница, которая так характерна для менталитета древних греков. Перисад является **владельцем** (если принять именно этот перевод, то стоит отменить все гипотезы связанные с существованием на Боспоре полисного землевладения. Единственным собственником земли в таком случае будет являться сам правитель, а это явилось бы в свою очередь настоящим революционным шагом в сбалансированной политике Спартокидов) всей земли (или же правящим над всей землей) - единственным и безальтернативным. Вероятно, на

Боспоре существовали какие-то объективные причины, которые могли столь сильно повлиять на представления боспорского гражданского общества относительно своего правителя. По нашей мысли, именно перекройка общественного сознания при Перисаде I послужила одной из основных причин для междоусобной войны между его сыновьями. Об этом нам позволяет утверждать единственный источник о тех событиях - Диодор Сицилийский [Шевченко, 2001, с. 121-123].

Судя по всему, основой реформ Перисада I (которые, как кажется, были прямым продолжением реформ его отца) стало укрепление его единоличной власти, что нашло выражение в ущемлении прав полисов Боспора. О последнем, кроме приведенных надписей, недвусмысленно свидетельствуют известные нам боспорские декреты. Дело в том, что боспорские тираны от своего имени даровали проксении, политике и ателии разнообразным частным лицам [Шелов-Коведяев, 1985-А, с. 57-71; Виноградов, Толстикова, Шелов-Коведяев, 2002, с. 58-74] (КБН. 1-5). А наибольшее количество декретов дошло до нас именно от имени Перисада I и его сыновей. Подобный шаг Перисада означал не только глубокое вторжение в область полисного права, и захват довольно крупных экономических привилегий [Шелов-Коведяев, 1985-А, с. 71]. Дарование ателий от имени одного лица и являющихся обязательными для всех полисов Боспора было глубочайшим унижением всего полисного эллинского духа. Известен случай, когда мегарцы даровали «политию» великому Александру. Узнав об этом знаменитый полководец поднял их на смех за их усердие, на что мегарцы с гордостью ответили, что прежде они даровали политию одному Гераклу. «Тогда он удивился и принял этот дар как почетный и редкостный» (Плутарх. Морали. О монархии, демократии и олигархии. 826. 2). Не смотря на анекдотичность этого примера, несомненно, одно, дарование разнообразных

льгот, в том числе и политики, было одним из существеннейших прав полиса и лишение его этого права означало значительные изменения в его политическом устройстве. Весь комплекс боспорских декретов подтверждает, также нашу мысль о фактическом уничтожении разницы между эллинами и варварами и введении общепоспорского гражданства, что несколько позднее и было зафиксировано Страбоном (XI. 10. 1).

Итак, приведенные нами источники свидетельствуют о кардинальной перекройке общественного сознания при Перисаде I, значительной ломке прежних политических институтов и традиций. На данном этапе наших знаний мы не можем зафиксировать насколько революционно это происходило. Не совсем ясны и те методы, которыми пользовался Перисад при проведении своих реформ. Одно не сомненно, Преисад I вступил на путь укрепления и, почти наверняка, ужесточения своей личной власти, которая все больше и больше принимала вид эллинистической монархии (так, например заново отстраивается резиденция Спартокидов [Толстикова, 2000, с. 315], окончательно формируется мощный комплекс царской земли [Маслеников, 2002-А, с. 161; Маслеников, 1998, с. 46]*, Перисад I передает всю полноту власти старшему сыну (Диодор. XX. 22. 25). Таково вкратце, было положение Боспора при Перисаде I, правителе, который был признан богом.

Для более полного представления тех условий, в которых появился культ Перисада I нам необходимо рассмотреть племенной мир Боспорского государства.

Одновременно двумя главными варварскими компонентами и соседями Боспора были скифы и синдо-меоты.

* Хотя автор книг не склонен считать характер власти Спартокидов – царским.

Сама по себе тема взаимоотношений этих народов со Спартокидами воистину неисчерпаема. Так же весьма сложны вопросы о социальном устройстве, государственном строе и политических воззрениях этих народов [Крушова, 1970; Крушова, 1967; Хазанов, 1970; Грантовский, 1980; Болтрик, Фіалко, 1995; Алексеев, 1996, Колтухов, 1999]. Мы не претендуем на всесторонний анализ этих явлений. Гораздо важнее для нас охарактеризовать социальное развитие указанных народов, уровень их политической культуры, дабы в последующем не обращаясь вновь к этой теме оценить, насколько вероятно было заимствование Спартокидами сакрально-монархических элементов у своих соседей.

Начнем со скифов. Этот народ был культурным партнером боспорских полисов в основном на Керченском п-ове. Известно, что во главе скифов стояли цари, всего античная традиция насчитывает 8 царей [Алексеев, 1996, с. 100]. Однако насколько соответствует этот титул реальному положению дел весьма сложно. Довольно проблематичен и вопрос о времени появления в Скифии царей обладавших всей совокупностью гражданских и военных полномочий. По всей видимости, укрепление власти царя произошло в начале IV в. до н. э. во времена царя Атея, к этому же времени стоит отнести элементы государственности скифского народа [Блаватский, 1964, с. 27]. Впрочем, как и в любом патриархальном обществе, сильная личность, как правило военный вождь всегда играла огромную роль. В известной истории Геродота о попытке завоевания Дарием скифов, единственными представителями последних выступают их вожди (цари) (Геродот. IV. 118-120, 127, 131), да и в тексте не раз идет противопоставления царя с одной стороны и всех прочих с другой (Геродот. IV. 72-73). При этом «царские» курганы археологически зафиксированы, по крайней мере, с середины V в. до н. э. [Алексеев, 1996, с. 104]. Следовательно,

общинная демократия скифов, все больше и больше уступает авторитету царя. К началу тесных контактов с греками (скорее всего середина IV в. до н. э.) в скифском обществе, по всей видимости, сложились довольно таки прочные монархические традиции, на которые, несомненно, наложили свой отпечаток Малоазийские походы.

Конечно, нельзя говорить, что общение скифов и боспорских эллинов началось с указанного нами периода*. Нет. Но, именно к IV в. до н. э. относятся богатейшие погребения Боспора, которые можно отнести к эллинизированной скифской верхушке (Куль-Оба, курганный комплекс Юз-Оба; богатое погребение в «Старшем кургане» из группы трехбратных курганов [Кирилин, 1968, с. 178-189]). К этому же периоду относятся большое число захоронений рядового населения с оружием в районе Пантикапея и Мермекия, что было не характерно для греческого погребального обряда. По мнению некоторых исследователей именно во второй половине IV в. до н. э. произошел процесс слияния греческой и варварской знати и создании новой аристократии имевшей смешанную, Греко-варварскую культуру [Маслеников, 1981, с. 49, 65; Яковенко, 1974]. Династические же контакты между скифами и Спартокидами некоторые относят еще к концу первой четверти IV в. до н. э. [Болтрик, Фіалко, 1995, с. 10-11], и видят их продолжение при правлении Перисада I [Слепченко, 1997, с. 39]. Итак, была ли реальная возможность внедрения скифских монархических традиций в политическую культуру Спартокидов? Да, несомненно. Приняла ли она конкретные формы? Скорее всего, нет. Ведь титул – «царь» появляется лишь с середины III в. до н. э. Следовательно, мы можем говорить лишь о возможности влияния воззрений скифского общества на

личность правителя, а если быть точнее на сам институт верховной, единоличной власти (что и будет темой нашего разбора в следующей главе). И при этом не имело особого значения, как назывался его носитель – царь или архонт. Конечно ко времени Перисада I нельзя говорить о подобных влияниях на все население Боспора, по видимому это касалось лишь самих Спартокидов и эллинизированных скифских князьков (или же эллинских аристократов воспринявших элементы скифской религиозной культуры). С другой стороны без сомнения развитые политические институты Боспора повлияли на развитие «самосознания скифской и сарматской аристократии, возникновению у них определенных политических идей и идеалов» [Ростовцев, 1912]. Впрочем, это уже тема отдельного исследования.

Вопрос о влиянии синдо-меотов на политическую жизнь Боспора одновременно сложнее и легче, чем проблема влияния скифов на боспорское общество. С одной стороны, их взаимоотношения со Спартокидами неплохо отражены в источниках, как эпиграфических (титулатура Спартокидов, почетные декреты и т. д.) так и в письменных (Полиэн. Стратигеммы. Тиргатао. VIII. 55, Диодор Сицилийский. XX. 22-26). С другой стороны крайне слабая археологическая изученность Синдики, отсутствие крупных обобщающих работ, заставляют многие вопросы оставить без ответа. Но все таки, попытаемся охарактеризовать политико-социальное устройство этого народа. Известно, что синды - это местные племена северного Кавказа. еще в конце VI в. до н. э. у синдов появляется свое государство [Крушокл, 1970, с. 17-20], экономическая мощь которого была настолько велика, что она выпускала даже свою монету [Фролова, 2002]. Вне сомнения политический строй синдов – монархия, о чем не двусмысленно заявляет покоритель синдов - Левкон I [Блаватская, 1993, с. 36,

* Более подробно смотри статью [Молев, 2009]

46]*. Как кажется именно влияние царского дома Синдов (главы высоко развитого земледельческого государства) оказала наибольшее влияние на конкретные черты политической машины Спартокидов. Однако исследователи утверждают, что Синдика подверглась глубочайшей эллинизации, и порой даже специалистам трудно отличить синдское поселение от греческого [Крушокл, 1970, с. 26], тогда как на Керченском п-ове варварские и эллинские сельские поселения, а в особенности могильники резко отличаются друг от друга [Гайдукевич, Капош, 1951, с. 168; Маслеников, 1998, с. 207] (пожалуй за исключением юго-востока где проживало сильно эллинизированное скифское население) [Зинько, 1993, с. 240]. Отсюда возникает неизбежный вывод: наиболее плодотворное сотрудничество, в рамках культурного синкретизма (стирание отличий между цивилизациями) происходило именно на Азиатском Боспоре и знаменитый культ Афродиты Урании лишнее тому подтверждение [Тохтасьев, 1986; Молева, 2002, с. 80].

Насколько возможно было заимствование царского культа Боспора у варваров? Под последними, мы понимаем не только скифов и синдо-меотов, но и персов, создателей империи Ахеменидов. Ведь влияние персидской империи простиралось довольно далеко от ее физических границ. затронуло оно и Боспор. Поэтому нельзя исключать, что определенные структуры религиозного почитания персидских царей мог примерить на себя и ПерисадI.

Как известно, персидские монархи, в глазах своих подданных не являлись обычными людьми. В свое время М. И. Ростовцев метко подметил, что персидские монархи «отнюдь не

являлись богами, как в Египте. Тем не менее, величие монарха священно, так как власть передана ему богом, волею которого он призван на трон. Правят монархи милостью творца неба и земли» [Ростовцев, 1913, с. 5]. Современные данные не противоречат этой мысли [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 330; Куликан, 2002, с. 202-205], они могут лишь несколько дополнить и более точно структурировать размышления Ростовцева. Впрочем, это увело бы нас слишком далеко от основной канвы исследования.

В последнее время в центре внимания исследователей стала идея раннего проникновения Персии на берега Боспора Киммерийского [Молев, 2001; Молев, 2001-А; Виноградов, 2000; Тохтасьев, 2001; Виноградов, 2009], причем не только в культурном или торговом плане, но и в плане политическом – установлении протектората Ахеменидов над боспорскими городами. С последним утверждением согласны и зарубежные авторы, уверенно включающие территорию от устья Днепра до Дона в персидскую сатрапию Тиайи Парадрайя, сформированную, по их мысли, в первой трети V в. до н. э. [Куликан, 2002, рис. 21]. Мы не склонны придерживаться мнения о политической зависимости Боспора от Персии и доводы Е. А. Молева, в этом отношении, превосходят на наш взгляд интерпретацию фактов приведенных его оппонентами. При этом, естественно, что отсутствие политического контроля совсем не означало отсутствие культурных контактов. Так связи Персии и Боспора четко зафиксированы еще с V в. до н. э., а в IV-III вв. до н. э. эти контакты отчетливо засвидетельствованы [Блаватская, 1959, с. 82-83], известна также и находка (к сожалению географически точно не атрибутированная) в Северном Причерноморье халцедоновой цилиндрической печати, которая принадлежала персидскому наместнику на Босфоре [Дандамаев, Луконин, 1980, с.121]. Стоит отметить, что

* Этот же факт фигурирует и в новом варианте перевода [Виноградов, 2002, с. 14]

греки были прекрасно ознакомлены с устройством государственной машины Персидской империи, ведь довольно большое их число, по разным причинам оказывалось при дворе Ахеменидов. Следовательно, заимствование элементов государственного устройства было более чем реально, и как нам кажется, в этом ракурсе правы те исследователи, которые считают, что на Боспор оказывалось сильное монархическое влияние со стороны Персов [Тохтасьев, 1986, с. 162, 164]. Хотя, конечно, абсолютизировать этот вопрос не стоит, ведь у Боспора были гораздо более близкие примеры монархических государств, которые, кстати говоря, имели тесные контакты с державой Ахеменидов и могли оттуда почерпнуть ряд идей, а затем, опосредованно передать их боспорским тиранам. Остановимся на этом подробно.

Думается, нет нужды еще раз говорить насколько близки были царские дома Спартокидов и Скифов, поэтому мы допустим возможность заимствования у скифов идеи божественного владыки. Исследователи очень смутно представляют себе характер обожествления царей скифии. Предполагают, что институт сакральных царей возник среди скифов как попытка последних легитимизировать свою власть ссылаясь на брак их предка с местным божеством [Бессонова, 1983, с. 14], причем, судя по всему, существовал некий ритуал обновления царской власти, неплохо зафиксированный в разнообразных источниках. Кроме того, известно, что подобные факты являются не только следствием слепого подчинения традиции, а и носят, ярко выраженный характер жесткой, религиозной политики скифских царей, направленной на усиление их власти [Бессонова, 1983, с. 22, 24].

Вторым государством, где бы Перисад I мог позаимствовать свою идеологию, могло быть Синдское царство. Однако исследователи не находят никаких следов почитания

синдами своих царей, да и вообще данных о религии этого этноса удручающе мало. Впрочем, есть любопытные находки из кургана Карагадеуашах, очень не однозначная не только в плане ее атрибуции, но и с точки зрения их смысловых нагрузок [Ростовцев, 1990; Блаватский, 1964; Блаватский, 1974; Бессонова, 1983, с. 99-117; Сопова, 1975, с. 65]. Дело в том, что курган расположен на территории Синдов, а находки (особенно это касается детали трехъярусного головного убора с изображением скифского божества) имеют близкие аналогии с искусством скифов. Как результат, мнения ученых разделились, одни считают (В. Д. Блаватский), что на находках изображены синдские божества, другие (М. И. Ростовцев), что скифские, некоторые (С. С. Бессонова) видят в находках как скифские, так и синдские сюжеты, отмечая схожесть культур. Находки нас заинтересовали тем, что по мысли М.И. Ростовцева они являются свидетельством обожествления скифских царей на манер древне персидских монархов. И если в отношении сюжета на треугольной пластине от головного убора С. С. Бессонова убедительно доказала, что он является примером почитания героизированного предка, то в отношении композиции на ритоне из того же кургана, не все так однозначно. Исследователь более всего склоняется к мнению, что в композиции отображена концепция «победы», как необходимый атрибут царской власти [Бессонова, 1983, с. 115-116]. При этом, ученая так и не нашла аргументов, которые могли бы опрокинуть версию М. И. Ростовцева. Впрочем, одно несомненно, становление царской идеологии скифов, а возможно и синдов, протекало под сильным влиянием персидской империи. Явные аналогии Карагадеуашаха с общеиранскими сюжетами налицо. А некоторое несходство деталей легко объяснимо. Согласно рассуждениям специалистов во II-I тыс. до н. э. в Двуречье создается своеобразный «банк

религиозных образов» который обслуживал самые разнообразные народы, удовлетворяя идеологические заказы любых правителей: от Шумера до Сасанидов. Оказал влияние этот «Банк» и на искусство ранних скифов [Луконин, 1987-А, с. 32-33]. Причем любопытно, что передневосточные образы (та их часть которая была им чужда) никак не интерпретировались и являлись просто экзотическим украшением, тогда, как близкие скифам мотивы получили в их искусстве дальнейшее развитие [Луконин, 1987, с. 75]. Следовательно, сцена на ритоне, несмотря на ее некоторое отличие от одновременных с ней персидских сюжетов может быть интерпретирована, как получение скифским царем монархических регалий от некоего высшего божества (Папая?).

Возможность влияния иранских (Ахеменидских, скифских, меотских) традиций обожествления царя была, они тем более вероятны, что в указанных странах эти традиции были довольно развиты. Но вот насколько реально было их внедрение в Боспорское государство? Первоначально надо решить: мог ли Перисад I впитать иранские идеи - владыки правящей по божьей милостью и являющегося наместником бога на земле? Ведь, прежде чем внедрять какое либо новшество сам новатор должен быть способен воспринять новое. Попробуем разобраться в этом вопросе. Как нам кажется, учитывая сообщения античных авторов о гибкости мышления и энергии Перисада (Полиен. Стратигемы. VII. 37) он был вполне способен воспринять революционные идеи. С другой стороны воспитание Перисада было, по всей видимости, если и не протоиранским, то вполне близко к духу этого этноса. Ведь имя Перисад – чисто иранское и в переводе пери-зад означает «Сын пери» [Григорьев, 1898, с. 126], да и имя для своего среднего сына (Евмела) династ выбрал не абы какое, а крайне схожее с именем мифологического основателя династии Ахеменидов - Евмопла [Орешников, 1884,

с. 9]. Подобная традиция (Перисад сам был вторым сыном Боспорского тирана) ясно говорит о культурных связях Спартокидов и в, определенной мере, об их политических взглядах. Само же появление иранских имен Северном Причерноморье и в, частности в семье Спартокидов, исследователи связывают с последствиями культурного влияния персидской монархии [Миллер, 1886, с. 280]. К иранским же идеям божественного владыки стоит отнести и воззрения скифов (с которыми опять таки же сам Перисад I и Спартокиды вообще поддерживали династические связи).

Теперь, как мы видим, сам реформатор вполне мог воспринять монархические идеи персов, но вот реально ли было воплотить их в жизнь? Если говорить о варварской составляющей Боспора то с внедрением института божественного владыки не возникло бы никаких проблем, но ведь еще были эллинские полисы. Не будем забывать, что мы говорим о конце IV в. до н. э., когда греческий дух в городах еще очень силен. И если полисы Боспора со спокойствием относились к тирании Спартокидов, то общегосударственное их обожествление было бы явным перегибом, и грозило бы реформатору нешуточным волнением населения. Персидский вариант сакрализации власти для эллинов того времени был не приемлим. Да и вообще, если бы инициатива обожествления исходила со стороны самого правителя, то почти наверняка, введенный им институт перекочевал бы к его прямым наследникам. Но Диодор Сицилийский ни о каких божественных актах сыновей Перисада I не сообщает. Кроме того, функционирование официального культа царя оставило бы после себя многочисленные следы: изображения обожествленного правителя, списки его жрецов, соответствующие нумизматическое оформление, храмы, наконец. Всего этого на Боспоре не обнаружено (тогда как в

аналогичных ситуациях, например в державе Селевкидов, такого рода находки весьма многочисленны), за исключением довольно двусмысленного граффити из Нимфея [Яйленко, 1990, с. 304-306; Завойкин, 2000, с. 54-55], да несколькими статуями, некоторые из которых до сих пор не имеют четкой хронологической привязки [Блаватский, 1964-А, с. 88]. Отсюда следует, что ни о каком почитании Перисада I на манер персидских, или же скифских монархов речь идти не может.

В первой главе мы уже говорили о концепции К.Ю. Нефедова суть которой состоит в том, что обожествление Перисада I является следствием заимствования культа правителя из эллинистических государств. А именно из культа Антигона Одноглазого [Нефедов, 2007]. Причем сам процесс сакрализации является не более чем контекстом глобальных политических демаршей того времени. Принимая в целом эту позицию, следует отметить, что она нуждается в некоторой корректировке. Так нам сложно согласиться с теорией обожествления Перисада исключительно в рамках контекста политических баталий той эпохи. Говоря о форме, характере, типе, практике и структуре культа, К.Ю. Нефедов, на наш взгляд, не в достаточной мере учитывает специфику Боспора, его населения, а также сложившиеся религиозные практики. Это делает его выводы крайне общими и далеко не всегда строго конкретными. Учитывая это, у нас остается лишь несколько вариантов обожествления царя, которые мы разберем в следующей главке.

Наиболее вероятная форма обожествления Перисада I

Во введении мы подробно изложили историографию вопроса, поэтому сейчас мы ее касаться не будем, отметим лишь, что тщательно проработав источники и специальную

литературы мы не нашли подтверждения идеи А. А. Завойкина, считавшего что прижизненное обожествление Перисада I не могло иметь место, якобы потому, что это не соответствовало эпохе и менталитету эллинов (см выше). Значит, приходится предполагать, что прижизненное обожествление могло иметь место. Чтобы разрешить эту дилемму обратимся теперь к анализу единственного источника, прямо говорящего об обожествлении Перисада I, - к «Географии» Страбона. Великий географ видел в своем труде своеобразное пособие для начинающего или будущего политика, его целью было «довести до сведения такого рода читателя информацию, могущую понадобиться ему в дальнейшей деятельности на поприще главы супергосударства» [Грацианская, 1988, с. 95]. Кроме того, о форме власти на Боспоре географ пишет очень мало и запутано, а сам фрагмент представляет собой «беспомощно скомпонованный набор фактов и повторов» [Грацианская, 1975, с. 10, 14]. Можно предположить, что Страбон выбирал лишь наиболее значительные события политической истории Боспора, имевшие непосредственное отношение к главной цели его труда. Рассматривая источник в этом ракурсе, трудно допустить, чтобы Страбон не остановился подробнее на столь интересном явлении, как установление царем собственного культа. Тогда как, воздаяние Перисаду I божественных почестей по инициативе снизу было явлением заурядным и подчеркивало лишь достоинства самого владыки. Как нам кажется, именно в этом контексте Страбон упомянул о сакрализации Перисада I. При этом, по всей видимости, говорить о героизации Перисада I после его смерти, для Страбона и вовсе не имело никакого резона. К тому же, как считают некоторые исследователи, источник, из которого черпал свои сведения Страбон, мог быть написан «по заказу или под влиянием Перисада I» [Ростовцев, 1925, с. 125] и уж, не вызывает никаких сомнений, что этот

источник писал о тиранах с дружественной для них стороны [Ростовцев, 1914-А, с. 14]. По-видимому, в источнике было настолько ярко расписан факт прижизненного обожествления Перисада, что Страбон решил внести этот эпизод, по указанным выше причинам, в свою книгу.

Итак, какие же формы прижизненного обожествления могло принять почитание Перисада I? Как мы уже выяснили это могло быть дарование, каким либо полисом, божественных почестей Перисаду I. Однако учитывая крутую политику Перисада по отношению к эллинским полисам это крайне мало вероятно. Да и само **дарование** почестей обозначало бы известную долю самостоятельности греческих городов, и, мягко говоря, несколько бы смазывало основную тенденцию реформ Перисада I о введении общепенноского гражданства. Да и опять таки же, подобный шаг неминуемо вел бы к возникновению довольно существенного археологического следа (сакральных статуи, почетных декретов, как скажем в Теосе, и т. д.).

Перебрав все известные варианты обожествления верховных владык, у нас остается лишь один вариант ответа (если, конечно, учесть, что информация Страбона верна) – сакрализация Перисада I носило частный характер, и было личным делом гражданина. Это предположение хорошо согласуется не только с вышеприведенными условиями. Так скажем существование на Боспоре частных организаций почитавших безымянного героя имело место еще в первой половине IV в. до н. э. [Молев, 2002, с. 146]. А как мы уже видели в первой главе, переход от почитания безымянного героя (или же умершего) довольно таки прост. Кроме того, по мнению некоторых исследователей дед Перисада I – Сатир I был после

смерти причислен к лику героев [Завойкин, 2000, с. 56, 58-59]*, что естественно очень облегчало возможность прижизненной сакрализации его внука. В этом отношении была идеальна и социальная обстановка на Боспоре. Полноправное население эллинских полисов все еще держалось за свои гражданские традиции, несмотря на сильное давление царской власти, а в этот же момент происходит сильный наплыв представителей других греческих городов на берега Боспора Киммерийского. Что, возможно, было целенаправленной политикой боспорских властей [Блаватский, 1964-А, с. 61-64]. Создавалась классическая ситуация, когда оторванные от своей родины люди, зачастую из разных уголков Ойкумены, объединялись в сообщества на религиозной основе, чтобы не быть ущемленными в своих гражданско-религиозных порывах. Впрочем, почитать Перисада I как бога могла и узкая группа придворных полностью зависящих от воли хозяина Боспора (в этом контексте идея К.Ю. Нефедова о том, что царский культ был занесен с о. Делос [Нефедов, 2007] приобретает довольно любопытные аспекты)**.

Сказать более точно, на основании имеющихся у нас источников мы не можем. Одно лишь, несомненно. Почитания Перисада I не было общегосударственным (видимой связи между политическими реформами деспота и его обожествлением не наблюдается, археологический и

* Правду ссылку на нумизматический материал, которую привел А.А. Завойкин, в некотором смысле опровергает В. А. Анохин [Анохин, 1986, с. 43-44]

** На момент выхода книги из печати, на старницах журнала «Сакральное и власть в античности» разгорелась любопытная дискуссия относительно поднятого вопроса. Однако за неимением времени включить ее положения в текст не удалось. См. Сакральное и власть в античности. - 2012. - №2
http://antika-vlast.at.ua/publ/vypusk_2_2012/5

нумизматические следы отсутствуют, эпиграфика скудна и противоречива, письменный источник в высшей степени лаконичен), не думается, также, что обожествление Перисада I могло иметь легитимизирующий характер, учитывая воззрения на власть тогдашних эллинов (см. глава I), вряд ли оно имело иранские корни.

Вывод: почитание тирана было строго локальным, причем не общеполитическим, а являлось частным делом граждан (боспорян) и происходило оно, скорее всего в рамках организаций типа оргеонов. Вероятно, стоит ограничить почитание Перисада символами нового Диониса, Аполлона, Геракла, Ахилла. Последнее предположение обосновывается как на аналогиях с другими примерами почитания тиранов, царей эллинской ойкумены, так и с учетом значительного распространения культов указанных божеств/героев на Боспоре [Шауб, 2002; Захарова, 2003; Бондаренко, 2007; Кузина, 2008]. Однако судя по всему формы почитания этих божеств существенно отличались от классических форм и преобрили местный колорит [Шауб, 2007]. Что, несомненно, значительно облегчило процесс становления культа царя.* Эта концепция хорошо согласуется с нашими данными по аналогичным процессам в Эллинистическом мире, особенно учитывая тот факт, что подобная организация культа была традиционной и не раздражала религиозные чувства гражданского коллектива эллинского полиса, что учитывая сложную политическую обстановку на Боспоре в конце IV в. до н. э. было весьма актуально.

* Автор допускает, что учитывая распространенность культа Великого женского божества в указанном регионе, культ царя приобрел форму культа спутника богини под видом нового Диониса.

- Кхе-кхе, - прочистил горло Автор, - вопросы комментарию?

- Да какие уж тут комментарии. Историк, pardon подзащитный Историка, изложил свою версию, как мог ее обосновать, - Философ сделал небольшую паузу, - только вот никакая это не история.

- Что...о...о? – опешил Историк, недоуменно оглядев поднявшего кверху брови Автора, смущенно улыбнувшегося Любителя и, наконец, встретил твердый взгляд Философа.

- Совершенно верно. **Не** история. Это перечисление фактов, небольшие обобщения, много историографических пассажей, но нет **истории**. Кому нужны эти цифры, эти перечисления памятников, эти рассуждения о землевладении. Ну, обнаружил что культ этого, твоего Перисада был локальным и что дальше? Где здесь польза для дня сегодняшнего?

- Без знания прошлого невозможно узнать настоящее, - с пафосом произнес историк.

- И как же при помощи твоего исследования можно узнать настоящее? Ась? Нееее слыыышuuуу! – стал ерничать Философ натолкнувшись на угрюмое молчание Историка. – Да и вообще, из чего может появиться это понимание? Из нескольких надписей на всеми забытых камнях? Из десятка монет да доброй

сотни раскопанных участков? Нет. Не может, ну признай Историк, это же очевидно.

- Не может, но данные, приведенные здесь, помогут другому историку, который будет обобщать данные на уровне Античности, а это обобщение станет строительным кирпичиком более общей и схематичной Истории.

- Вот именно. Я же об этом только и толкую...

- Но эту теорию Философ на основании своих философских подходов создать не сможет. Она зародиться только в рамках научного исторического подхода к действительности...

- А я так думаю, - сказал Автор, - что текст Историка интересен сам по себе. Ведь это очень занимательно следить за почти детективным сюжетом поиска неизвестного. Увлекает сама идея: найти нечто, о чем известно только по трем словам... Искать косвенные данные, строить мысленные эксперименты... сводить в единую гармоническую картину очень разрозненные и противоречивые данные. Это «почище» любой Аг*** Кр*** будет!

- Все не так! Представленные материалы это историческое исследование а не какие то там детективные сюжеты, взвился Историк, - они крайне важны для антиковедения, они имеют статус научных работ в конце-концов.

- Пусть имеют, - миролюбиво сказал Любитель, обратив тем самым на себя внимание, - но это ведь не означает, что они не могут быть интересны всей читающей публике.

- Да я не против этого... в смысле, того... в общем я совсем не об этом, - вконец разволнованный Историк стал отчаянно терять нить своих возражений и стройную логику собственных протестов.

- Если ты так воспринимаешь комплименты, - с хохотком сказал Автор, - то могу дать не много перчика критики. Ты всегда и в этом тексте и в предыдущем пытаешься обосновать действия по обожествлению правителей максимально рационально. То им нужно было легитимизировать свою власть, то укрепить авторитет... ищешь основания духовного акта в экономике, царском земледелии, политических интригах, социальной обстановке...

- Это ты верно подметил, - в который раз за время этого диалога общающийся оборвал своего оппонента, - мой подзащитный как настоящий историк смотрит на мир объективно, и делает свой анализ максимально обширным, и стремится к всеохватности.

- Конечно, конечно. Но почему это вдруг, сакрализация власти на Боспоре должна иметь свой источник в экономике: земледелии, торговле, или,

скажем в политике: интриге, подавлении, возвышении?

- Пусть даже она и имела источник в другом, более высоком или тонком мире, как видимо считаешь ты, и как безусловно считает Философ, но предметно увидеть ее отражения можно только в перечисленных моим подзащитным областях. Не может существовать обожествление царя без института царства, нет культа без культовых предметов, не мыслимо почитание царя как бога без определенной социальной организации. Я как историк фиксирую следы процесса сакрализации и делаю свой профессиональный вывод о ее распространении и характере. Сначала я сделал это в отношении эллинистического мира в целом, а затем в отношении непосредственно Боспора эпохи Перисада I. Все. Больше ничего. Остальное, уже не в компетенции исторической науки.

- У меня вопрос, - это снова отошел от своей стеснительности Любитель, - я плохо понял, верно ли, что Перисад, был первым монархом эллинистического мира кого признали Богом?

- Не совсем так, - успокаиваясь начал Историк, - во-первых, эллинистический мир начинается с эпохи Александра великого, Перисад жил раньше. Во-вторых, и раньше греческие правители обожествляли

себя. Но делали это очень хитро. Они заставляли почитать себя как нового Диониса, или воплощения Зевса. Считали ли они сами себя Богами или нет? Неясно. И что такое воплощение? Тоже трудный момент для объяснения. Но это не все, в принципе, даже олимпийский победитель получал ореол сакрального. Человеком на ком запечатлена добрая воля бога, что ли.

- Простые спортсмены? – удивился философ.

- Не простые. Олимпийские игры это сложный религиозный ритуал. А победитель в нем - это нечто вроде вещественного подтверждения благоволения Богов к полису или роду. Об этом очень интересно сказано в статье М. Л. Гаспарова*.

Кстати, известно, что и Боспорские греки активно принимали участие в олимпийских играх, если мне не изменяет память, то было найдено даже несколько могил победителей этих соревнований.

- Дааа... чехарда какая, - сладко зажмурившись протянул Философ, - воплощение бога, подобие бога, сакральный ореол, благосклонность бога... и все эти понятия не атрибутированы, не прописаны,

* Гаспаров М.Л. Поэзия Пиндара // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука, 1980. – С. 362-367

используются по наитию, кустарно..., - и вдруг проорал в сторону Историка, - так где же здесь наука?

- Зачем же кричать, - сказал Автор, - ты же у нас «спец» по понятиям вот и «сваргань» дефиниции, только уж если Историк скажет, что они не годящи в качестве инструментов для познания прошлого, то «не быкуй» а попробуй учесть его заявки.

- А мне, - сказал Любитель, - все не дает покоя другое. Ведь везде, почти везде пишется, что это именно Александр Великий впервые ввел культ царя, а ему стали подражать эллинистические монархи.

- Да, многие разделяют такую точку зрения. Если говорить о культе царя в формате исключительно Эллинизма как определенной эпохи то это - несомненно истина. Но и до него, правда, в несколько иных форматах, проявлялось обожествление правителей, начиная с первых шагов древнегреческого этноса. Поэтому твои громкие слова об эллинизме как концентрате мирового зла и разрушении религиозной нравственности несколько ошибочны, - улыбнувшись закончил Историк.

- То есть, - как то уж очень радушно начал Философ,- ты хочешь сказать, что обожествление правителей было фактом древнего греческого мира?

- Да.

- И не носило характер феномена Эллинизма.

- Пожалуй, что так.

- Значит, были некие общие черты, объединявшие обожествление героев, тиранов, архонтов, этих твоих Боспорских царей?

- Разумеется, их нечто объединяло.

- А были черты, которые их разъединяли и отличали?

- А как же!

- Значит, при неких усилиях, можно создать некую схему обожествления, сопоставив сходные черты и оговорив отличительные.

- Конечно.

- И то же самое можно сделать в отношении Древнего Рима? Например, также, как ты сделал в соотношении «Эллинизм – Боспор».

- Да, можно, только трудно очень. Ведь надо быть специалистом и в Римской истории и в Греческой, а это столько эпох, столько нюансов.

- Но в принципе можно?

- Да, думаю это можно сделать, правда, данная задача подходит не для одного исследователя, а для коллектива авторов.

- Значит можно говорить и о перспективе формулировании неких общих черт сакрализации власти в Античности, оговорив черты которые бы носили статус уникального и не повторимого?

- Да. Да. Подловил ты меня, - смущенно улыбнулся Историк. – Только это сверх задача.

- Почему?

- Ну, например, понятия «власть», «сакральное» в греческом и на латыни, различается и очень существенно, причем как по смыслу, так и по истории употребления... Нужно «перелопатить» огромный фактический материал, тысячи страниц литературных текстов, источников. Все это обобщить. Найти закономерности.

- Но ведь результат стоит того?

- Стоит, - втиснулся в диалог мыслителей Любитель, - мне, например, было бы очень интересно прочитать некую «Всеобщую историю власти. Том 1. Власть в античности». Написанную как профессионалом историком, так и профессионалом философом. И чтобы эта история не была бы перечнем списка использованной литературы и не конгломератом странных «птичьих» слов.

- Ага, - сказал Автор, и чтобы ее можно было читать как хорошую литературу, как Момзена, как Ницше...

Разговор был в самом разгаре, вот-вот спорящие должны были прийти к согласию и, воссоединив свои мнения, где то на запредельном для академического или диллетанского восприятия Мира уровне просто

обязаны были сформировать общую КОНЦЕПЦИЮ. Однако этому помешало непредвидимое, хотя и ожидаемое событие.

Историк вдруг вздрогнул, а затем, почему-то обиженно посмотрев на Автора, стал медленно таять, пропуская сквозь некогда плотное тело точечные световые уколы звезд, пока, наконец, от него ничего не осталось. Удивленные друзья с некоторым страхом смотрели на этот процесс. Молчание попытался нарушить Философ. Но с первым же нечленораздельным звуком он вдруг взорвался фейерверком малюсеньких капелек серебристого цвета, которые почти мгновенно истаяли в ночи. Когда Автор, порядком напуганный повернулся к Любителю, того не оказалось на месте, лишь где то на горизонте втягивался в море острый лучик света.

Взгляд Автора упал на несколько опустошенных бутылок из под вина небрежно лежавших на песке.

- Ну и дрянь же фасуют в бутылки, - подумал он, - это же надо такие галлюцинации привиделись, буд-то бы несколько дней с какими то тремя мужиками о философии, истории, религии общались, какие то Т*** чтения в моем санатории проходят, розы, беседки, заседания всякие - бредятина. А ведь выпил всего то ничего - пару сотен грамм десертного вина. Дааа... дела. Пойду-ка искупнусь, охлону в ночном море,

чтобы, так сказать, всяких белочек с плечей стряхнуть.

Автор стал постепенно входить в Донузлав. Удивительное дело. Чем дальше он забредал в соленые волны озера, тем легче и невесомей он себя чувствовал. Если бы Автор мог (или захотел) посмотреть под воду то увидел бы, что вода подчистую слизывает его тело. Но он упрямо шел вперед с высоко поднятым к небу подбородком. Когда Автор дошел до уровня груди – то окунулся с головой. Вода густо насыщенная темным бархатом ночи со стальным блеском отраженных звездных лучей тихо булькнула... И воцарилась тишина. Лишь на песчаном пляжике чарующе светился электронным светом экран ноутбука, да невнятно шелестел разными голосами цифровой диктафон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИЛИ

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ «НЕОБХОДИМОГО ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЯ»

Палач. (Задумчиво) И где же оно?

Приговоренный. Что именно?

*Палач. (Звук затачиваемого металла). Твое золотое
сечение?*

Из пьесы О. К. Шевченко
«Схолии к одной экзекуции»

Две точки зрения Историка и Философа уже представлены почтенной публике. Озвучена также, весьма своеобразная позиция Любителя. Пора подводить итоги. На взгляд автора, все три трактовки события, конечно, могут иметь место. Но увы... их синтез это дело будущего, далекого будущего. Поэтому читатель, жаждущий на двух-трех страничках Заключения лицезреть законченные, округлые и невероятно веские выводы о роли античного Крыма в сакрализации власти – будет разочарован. Всевозможные истины и правдочки уже сказаны в основном тексте, они буквально «прошиты» в диалогах, суммированы и формализованы в трактатах*. Они «плоть» от «плоти» породивших их систем доказательств. Вне их – они одинокие, сиротливо разбросанные скрупулюсы правд на необозримом пространстве Знания. Приводить их в заключение – это подрывать авторитет тех локальных наработок, которые раскрывают конкретные вопросы сакрализации власти в конкретные эпохи в рамках конкретного философского или исторического подходов. Да и, помимо всего прочего, откровенно странное это занятие: сводить все многообразие мыслей, идей, чувств отшлифованных на более чем 100 страницах в некий сурогат на 10-15 строк. Ведь, если все можно сказать 10-15 строками, не растягивая их на 100 страниц, значит, возможно, хватит и 10-15 слов? А если так, то, возможно,

будет достаточно для всей книги и одного слова. Ну а если все многообразие проблемы можно выразить одним словом, то быть может лучше его и не произносить? Может, лучше было вообще не приниматься за книгу?

Примерно, исходя из таких соображений, в этом Заключении Вы обнаружите только несколько общих суждений. Если же Вас интересуют детали связанные с Античным Крымом, Эллинизмом, сакрализацией власти, ролью и местом Боспора в этом процессе... то обратитесь к ним на прямую, открыв соответствующие разделы монографии. Не требуя высушенных, сморщенных кусочков, когда можно насладиться полноценным горячим блюдом, правда, затратив на это определенное время и усилия.

А по сему, попробуем вывести несколько заключений самого широкого свойства не только ссумировав общую ситуацию, сложившуюся в рамках системы: «Философия-История», но и сформулировав несколько идей не нашедших себе места в трех диалогах.

Заключение 1. Можно уверенно говорить, что слишком мало в эссеических мыслях Философа способен взять себе на вооружение Историк. С другой стороны, Философ вполне в силах оперировать данными школьных учебников, игнорируя монографию Историка и ничуть не снижая от этого уровень своего изложения. Любителю и Автору – достаточно личных эмоций для поиска своих

* В тексте трактаты выделены мелким шрифтом с очень широкими полями.

персональных истин*. Говоря более образным языком: «Эдип так и не встретил своего «Сфинкса». Последним ни Эдип, а тем более и Сфинкс, почему то совершенно не смущены, что по мере сил и попытался показать автор на примере нескольких диалогов. Это собственно самый главный вывод книжки.

Заключение 2. Даже если наличествует добрая воля Философа и Историка к диалогу, то их общение фатально обречено на непонимание. Ибо их разговор, неизменно «зависает» на общих вопросах. Они то и приводят к раздражению и презрению обоюдного смешных историко-философских поз при недоуменных взглядах остальной части общества...

Заключение 3. Выход из ситуации только один. Необходимо искать точки пересечения указанных «глобальных творческих миров» в строго локальных вопросах. А именно: поднимать конкретные детали разных наук, испытывать на них конкретный методологический инструментарий истории и философии, прислушиваться к мнению друг-друга, не забывать о существовании и «простых смертных».

Будут ли участники такого возможного диспута, перефразируя В.И. Ленина «спотыкаться» на общих

вопросах? Да, безусловно, будут. Спотыкаться, ползти, падать, подниматься... Но это будет движение... А не усиленное стремление пробить железобетонную стенку головой, причем желательно, головой своего оппонента, как это иногда случалось на страницах данной книги...

P. S.

В связи с вышеизложенным возникает закономерный вопрос: на кого же ориентированна книжица, столь обильная метафорами, «простонародными» изречениями, иллюзиями и аллюзиями? Ответ достаточно прост. Автор предлагает свои размышления (именно размышления, вполне сознательно вырезая из них поучения, наставления, рекомендации... большую часть выводов) не зашоренному в рамках одного увлечения специалисту/любителю, а «человеку интересующиесяму», истинному дилетанту – «хому любящему знание», не в силу профессии, любви по принуждению или мимолетному увлечению, а с устойчивых позиций стремления к новому и неизведанному. Именно для него: любознательного и активного интеллектуала - предназначен данный текст.

*Симферополь – Алушта – Симферополь -2003-2008;
Симферополь - Евпатория 2010-2011.*

* Оставим пока в стороне интересы той массы читающей публики, которые скрыты за данными литературными персонажами. Сейчас, на страницах этой книги не слишком уместно говорить о позиции автора по поводу их прав на свою точку зрения в отношении сакрализации власти.

Ох уж мне эти, «сказочники»
Из заметок щепитильного архикритика

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СПИСОК ДЛЯ НЕОБХОДИМОГО ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЯ ИЛИ ЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ «ЗАКЛЮЧЕНИЯ»

- Бурлацкий, 1977** - *Бурлацкий Ф.М.* Загадка и урок Николло Макиавелли. – М.: «Молодая гвардия», 1977. – 256 с.
- Священное тело, 2006** – *Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти* /отв. Ред. Н.А. Хачатурян. – М.: Наука, 2006. – 484 с.
- Фадеева, 2001** - *Фадеева И.Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. Изд. Второе. – М.: Издат. Фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 285 с.
- Цатурова, 2002** - *Цатурова С.К.* Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. – М.: Логос, 2002. – 384 с.
- Чудинов, 1979** - *Чудинов Э.М.* Нить Ариадны. – М.: Политиздат., 1979. – 126 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИСТОРИКА

I. Источники

- Аппиан, 2002** - *Аппиан Александрийский.* Римская история: пер с древнегреч. - М.: Научно-издат. Центр «ЛАДОМИР», 2002. - С. 5-778.
- Аристотель, 1984** - *Аристотель.* Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4: перевод с древнегреч. - М.: Мысль, 1984. - С. 375-645.
- Геродот, 1999** - *Геродот.* История: перевод с древнегреч. - М.: ЛАДОМИР, 1999. - 740 с.
- Диоген, 1979** - *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов: перевод с древнегреч. - М.: Мысль, 1979. - 620 с.
- Диодор, 1896** - *Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Ч. 2.: перевод с древнегреч. - СПб.: Изд-во Имп. АН, 1896. - С. 472 - 479.
- Исократ, 1997** - *Исократ.* Трапезитская речь // Молев Е. А. Политическая история Боспора в VI - IV вв. до н. э.: перевод с древнегреч. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1997. - С. 96 - 97.
- Исократ, 1994** - *Исократ.* Филипп // Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ: перевод с древнегреч. - М.: Наука, 1994. -С. 215-235.
- Корпус, 1965** - *Корпус боспорских надписей.* - М.; Л.: Наука, 1965. - 954 с.

- Ксенофонт, 1976** - *Ксенофонт*. Киропедия: перевод с древнегреч. - М.: Наука, 1976. - С.5-217.
- Лукиан, 1991** - *Лукиан*. Токсарид или дружба // Лукиан. Избранная проза: перевод с древнегреч. - М.: Изд-во Правда, 1991. - С. 126-157.
- Менандр, 1982** - *Менандр*. Комедии. Фрагменты: перевод с древнегреч. - М.: Наука, 1982. - 576 с.
- Павсаний, 2002** - *Павсаний*. Описание Эллады. В 2 т.: перевод с древнегреч. - М.: Научно-издат. Центр «ЛАДОМИР», 2002.
- Плутарх, 1979** - *Плутарх*. Морали. О монархии, демократии и олигархии: перевод с древнегреч. // ВДИ. - 1979. - №2. - С. 229-232.
- Плутарх, 2001** - *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 3 т.: перевод с древнегреч. - М.: «Кристалл», 2001.
- Полиен, 1997** - *Полиен*. Военные хитрости // Молев Е. А. Политическая история Боспора в VI-IV вв. до н. э.: перевод с древнегреч. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1997. - С. 101 - 103.
- Страбон, 1896** - *Страбон*. География // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Ч. 1: перевод с древнегреч. - СПб.: Изд-во Имп. АН, 1896. - С.91 - 164.
- Хрестоматия, 1964** - *Хрестоматия* по истории древней Греции. Под редакцией Д. П. Каллистова. - М.: Мысль, 1964. - 696 с.
- Эсхил, 1971** - *Эсхил*. Персы // Эсхил. Трагедии: перевод с древнегреч. - М.: Изд-во Худ лит., 1971. - С. 83 - 125.

II. Общая и специальная литература

- Алексеев, 1996** - *Алексеев А. Ю.* Скифские цари и «царские» курганы V-IV вв. до н. э. // ВДИ. - 1996. - №3. - С. 99-112.

- Альтернативные, 2002** - *Альтернативные социальные сообщества в античном мире* / под ред. д. и. н. Э.Д. Фролова / Э.Д. Фролов, Е.В. Никитюк, А.В. Петров, А.Б. Шарина. – СПб: изд-во СПбГУ, 2002. – 324 с.
- Андреев, 1998** - *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии. - СПб: АЛЕТЕЙЯ, 1998. - 433 с.
- Андреев, 1999** - *Андреев Ю. В.* Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // ВДИ. - 1999. - №1. = С. 3-8.
- Анохин, 1986** - *Анохин А. А.* Монетное дело Боспора. - К.: Наукова думка, 1986. - 182 с.
- Ашик, 1848** - *Ашик А. А.* Боспорское царство. Ч. 1. - М.: тип. Т. Неймана, 1848. - 119 с.
- Бенгтсон, 1982** - *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма: перевод с нем. - М.: Наука, 1982. - 392 с.
- Берве, 1997** - *Берве Г.* Тираны Греции: перевод с нем. - Ростов на Дону: Феникс, 1997. - 640 с.
- Бессонова, 1983** - *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. - К.: Наук думк, 1983. - 140 с.
- Бикерман, 1985** - *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. - М.: Наука, 1985. - 264 с.
- Блаватская, 1959** - *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в V - IV вв. до н. э. - М.: Изд-во АН СССР 1959. - 159 с.
- Блаватская, 1993** - *Блаватская Т. В.* Посвящение Левкона I // РА. - 1993. №2. - С.34–47.
- Блаватский, 1955** - *Блаватский В. Д.* Культура эллинизма // СА. - 1955. №12. - С. 109-115.
- Блаватский, 1964** - *Блаватский В. Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э. - III в. до н. э.) // СА. - 1964. - №4. - С. 25 - 35.

- Блаватский, 1964-А** - *Блаватский В. Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. - М.: Наука, 1964. - 232 с.
- Блаватский, 1974** - *Блаватский В. Д.* Сцена инвеституры на карагадеуашском ритоне // СА. - 1974. - №1. - С. 38-44.
- Болтрик, Фиалко 1995** - *Болтрик Ю. В., Фиалко О. Э.* Могилы скифских царей второй половины IV ст. до н. э. (поиск исторических реалий) // Археология. - 1995. - №2. - С. 3 - 13.
- Бондарев, 2001** - *Бондарев О. С.* Историография материалов по экономике и политике Боспорского царства VI-I вв. до н. э. // БФ. - Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Т. 1. - СПб, 2001. - С. 305-307.
- Бондаренко, 2007** - *Бондаренко М.Е.* Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья: Автореф. дис... к-та ист. наук. - М, 2007. - 23 с.
- Борухович, 1976** - *Борухович В. Г.* «Киропедия» в истории греческой прозы // Ксенофонт. Киропедия. - М.: Наука, 1976. - С. 268 - 289.
- Брашинский, 1965** - *Брашинский И. Б.* О некоторых династических особенностях правления Боспорских Спартокидов // ВДИ. - 1965. - №1. - С. 118-127.
- Виноградов, 2000** - *Виноградов Ю. А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. - 2000. - №3. - С. 98-128.
- Виноградов, 2009** - *Виноградов Ю.А.* Монархические титулы в истории Древней Греции // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Сборник статей к 80-летию Вадима Михайловича Массона. - СПб: 2009. - С. 117-128.
- Виноградов, 1991** - *Виноградов Ю. Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. - 1991. - С. 14-33.
- Виноградов, 2002** - *Виноградов Ю. Г.* Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна (VIII, 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса // ВДИ. - 2002. - №3. - С.3-22
- Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002** - *Виноградов Ю. Г. Толстиков В. П. Шелов-Коведяев Ф. В.* Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. - 2002. - №4. - С. 58-75.
- Габелко, 2005** - *Габелко О.Л.* История вифинского царства. - СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. - 576 с.
- Гаиров, Кошеленко, Сердитых, 1992** - *Гаиров В. Г. Кошеленко Г. А. Сердитых З. В.* Эллинистический Восток // Эллинизм: Восток и запад. - М.: Наука, 1992. - С. 10-59.
- Гайдукевич, 1949** - *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. - 623 с.
- Гайдукевич, Капош, 1951** - *Гайдукевич В. Ф. Капош С. И.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. - 1951. - №15. - С. 162-188.
- Гаспаров, 1980** - *Гаспаров М.Л.* Поэзия Пиндара // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. - М.: Наука, 1980. - С. 362-367
- Гладкий, 1996** - *Гладкий В. Д.* Древний мир. В 2 т. - Донецк: Изд-во: МП «Отечество», 1996.
- Голубцова, 1992** - *Голубцова Е. С.* Полис и монархия в эпоху Селевкидов // Эллинизм: Восток и запад. - М.:Наука, 1992. - С. 59 - 85.
- Грабарь-Пассек, 1955** - *Грабарь-Пассек М. Е.* Ксенофонт // История греческой литературы. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. - С. 101 - 127.
- Грантовский, 1980** - *Грантовский Э. А.* Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. - 1980. - №4. - С. 128-155.
- Грацианская, 1975** - *Грацианская Л. И.* Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона // Древнейшие государства на территории СССР. - М.: Наука, 1975. - С. 6-21.

- Грацианская, 1988** - *Грацианская Л. И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. - М.: Наука, 1988. - С. 6-175.
- Григорьев, 1898** - *Григорьев В. В.* Цари Боспора Киммерийского // ЖМВД. - 1898. - №1. - С. 22-29.
- Давыдова, 1989** - *Давыдова Л. И.* Древневосточные мотивы на боспорских надгробных рельефах I-II вв. // Древний Восток и античная цивилизация. - Л., 1989. - С. 29 -40.
- Давыдова, 2001** - *Давыдова Л. И.* «Боспорский царь» и другие в контексте «боспорского искусства». // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Т. 1. - СПб, 2001. - С. 154-157.
- Дандамаев, Луконин 1980** - *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. - М.: Наука, 1980. - 416 с.
- Дарвин, 2006** - *Дарвин А.Л.* Диоскуры как мифологический прообраз спартанской диархии // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5. – 2006.— С. 375-388.
- Де Боз, 1850** - *Де Боз.* О царях Бочфора Киммерийского // Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения, переводы относительно Тавриды вообще и Боспора Киммерийского частно. - М., 1850. - С. 7-30.
- Доватур, 1984** - *Доватур А. И.* «Политика» Аристотеля // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - С. 38-53.
- Евсеенко, 2005** – *Евсеенко Т.П.* Эволюция формы государственного устройства в античном мире: Дис... д-ра. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. - 448 с.
- Жигунин, 1980** - *Жигунин В. Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280-220 гг. до н. э. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980. - 192 с.
- Завойкин, 1999** - *Завойкин А. А.* Спарток и Перисад, дети Левкона, некоторые проблемы боспорской хронологии // Проблемы истории, археологии, культуры. Вып. 8. - М., Магнитогорск, 1999. - С. 176-190.
- Завойкин, 2000** - *Завойкин А. А.* Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo XI. 2, 7) // ДБ. - М., 2000. - №3. - С. 47 - 62.
- Завойкин, 2007** - *Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства: Автореф. дис... д-ра. истор. наук. – М., 2007. - 48 с.
- Захарова, 2003** - *Захарова Е.А.* Культы древнегреческих героев Ахилла и Геракла в Северном Причерноморье, VI-I вв. до н.э.: Дис... к-та. истор. наук. – М., 2003. - 237 с.
- Зелинский, 1995** - *Зелинский Ф. Ф.* История античной культуры. - СПб.: Изд-во Марс, 1995. - 380 с.
- Зельдина, 1978** - *Зельдина О. М.* Города в царстве Селевкидов в свете новой Теосской надписи // ВДИ. - 1978. - №2. - С. 178-193.
- Зинько, 1993** - *Зинько В. Н.* Население хоры Боспора и Херсонеса в IV-нач. III вв. до н. э. // МАИЭТ. Т.3. - Симферополь, 1993. - С. 239-244.
- Исаева, 1994** - *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. - М.: Наука, изд.фирма «Восточная литература», 1994. - 256 с.
- Казаров, 2001** - *Казаров С.С.* Царь Пирр: опыт сакрализации власти // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5-7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. - СПб., 2001.
- Кашцев, 1993** - *Кашцев В. И.* Эллинистический Рим и Рим: Война, мир и дипломатия в 220-146 гг. до н. э. - М.: Изд-во Греко-латинского кабинета Ю. А. Шичалина, 1993. - 374 с.
- Кирилин, 1968** - *Кирилин Д. С.* Трехбратные курганы в районе Тобечинского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. - Л., 1968. - С. 178-189.

- Климов, 2007** - *Климов О.Ю.* Политическая система эллинистических государств: власть в условиях империализма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. – 2007. — С. 77-88.
- Колобова, 1953** - *Колобова К. М.* Политическое положение городов в Боспорском государстве. // ВДИ. - 1953. - №4. - С. 47-71.
- Колтухов, 1999** - *Колтухов С. Г.* Укрепления Крымской Скифии. - Симферополь: СОНАТ, 1999. - 224 с.
- Кошеленко, 1979** - *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на Эллинистическом Востоке. - М.: Наука, 1979. - 296 с.
- Кошеленко, 1982** - *Кошеленко Г. А.* Государство Селевкидов и Пергамское царство // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). - М.: Изд-во МГУ, 1982. - С.118-140.
- Кошеленко, 1982-А** - *Кошеленко Г. А.* Греция и Македония эллинистической эпохи // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). - М.: Изд-во МГУ, 1982. - С. 66 -118.
- Кошеленко, 1990** - *Кошеленко Г. А.* Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура. - М.: Наука, 1990. - С. 7–13.
- Кошеленко, Сердитых, 1986** - *Кошеленко Г. А. Сердитых З. В.* Царский культ в Греко-Бактрии // Проблемы идеологии и культуры в раннесредневековых формациях. - М., 1986. - С. 3-30.
- Кошеленко, Усачева, 1992** - *Кошеленко Г. А. Усачева О. Н.* Гилон I Кефи. // Археология. - 1992. - №2. - С. 51-56.
- Кругликова, 1970** - *Кругликова И. Т.* Религиозные представления сельского населения Боспора // КСИА. - 1970. - №124. - С. 3-12.
- Круглов, 2010** – *Круглов Е.А.* Наследие Малой Азии VII-III вв. до н.э. или вклад учения Эвгемера в концепт сакрализации власти в древности // Сакрализация власти в Античности (Электронный журнал). - 2010-2011. - №1. - <http://antika-vlast.at.ua/pub/>
- Крушокл, 1967** - *Крушокл Ю. С.* К вопросу об этногенезе синдов // Античное общество. - М., 1967. - С. 156-162.
- Крушокл, 1970** - *Крушокл Ю. С.* Древняя синдика: Автореф. дис... д-ра истор. наук. – М., 1970. - 54 с.
- Кузина, 2008** - *Кузина Н.В.* Культ Диониса в античных государствах Северного Причерноморья: содержание, общественно-политический аспект, локальная специфика: Дис... к-та истор. наук. – Нижний Новгород, 2008. - 334 с.
- Куликан, 2002** - *Куликан У.* Персы и мидяне: пер. с англ. - М.: Центрполиграф, 2002. - 224 с.
- Кулишова, 2003** - *Кулишова О.В.* Спартанский царь Клеомен и Дельфы // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. – 2003. — С. 65-88.
- Ладыгин, 2004** - *Ладыгин И.А.* основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. – 2004. — С. 145-184.
- Ладыгин, 2005** - *Ладыгин И.А.* Оформление культа «Богов-эвергетов» в птолемеевском Египте в 240-230-е гг. до н.э. и его египетские коннотации // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. –2005.— С. 225-238.
- Ладыгин, 2008** - *Ладыгин И.А.* "Πάλιν αρχεὶ Αἴγυπτος" (Ps.Call. С. II. 27. 3): Еще раз о египетской царской титулатуре Александра Великого // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д.Фролова. - СПб., 2008. – С. 245-259
- Латышев, 1909** - *Латышев В. В.* ПОНТИКА. - СПб.: Изд-во: Имп. АН, 1909. - 430 с.
- Левек, 1989** - *Левек П.* Эллинистический мир: пер. с фр. - М.: Наука, 1989. - 256 с.

- Лосев, 1979** - *Лосев А. Ф.* Диоген Лаэртский и его метод // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. - М.: Мысль, 1979. - С. 5-59.
- Лосев, 1979-А** - *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Ранний эллинизм. - М.: Искусство, 1979. - 816 с.
- Луконин, 1977** - *Луконин В. Г.* Искусство Древнего Ирана. - М.: Искусство, 1977. - 232 с.
- Луконин, 1987** - *Луконин В. Г.* У истоков древнеиранского искусства // Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. - М., 1987. - С. 63-89.
- Луконин, 1987-А** - *Луконин В. Г.* Художественная культура древнего Востока // Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987. С. 10 - 62.
- Макаров, 1995** - *Макаров И. А.* Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII-VI вв. до н. э. // ВДИ. - 1995. - №4. С. 117-132.
- Макаров, 1997** - *Макаров А. И.* Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. - 1997. - №2. - С. 25-43.
- Маринович, 1975** - *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. - М.: Наука, 1975. - 276 с.
- Маринович, 1993** - *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский (к проблеме кризиса полиса). - М.: Наука, 1993. - 288 с.
- Маслеников, 1981** - *Маслеников А. А.* Население Боспорского государства в VI-II вв. до н. э. - М.: Наука, 1981. - 128 с.
- Маслеников, 1998** - *Маслеников А. А.* Эллинская хора на краю ойкумены. - М.: Индрик, 1998. - 302 с.
- Маслеников, 2001** - *Маслеников А. А.* «Царская» хора Боспора на рубеже V - IV вв. до н. э. // ВДИ. - 2001. - №1. - С. 178 - 191.
- Маслеников, 2002** - *Маслеников А. А.* Сельские святилища античного Боспора (Загадки и загадки) // БФ: Погребальные памятники и святилища. Т. 1. - СПб, 2002. - С. 194-197.
- Маслеников, 2002-А** - *Маслеников А. А.* Центры «царского» землевладения на Боспоре в IV-III вв. до н. э. // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. - Керчь, 2002. - С.160-163.
- Матковская, 2002** - *Матковская Т. А.* Боспорская мемориальная скульптура из Керченского лапидария. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. - Керчь, 2002. - С. 163-165.
- Маяк, 2002** - *Маяк И. Л.* Аппиан и его «Римская история» // Аппиан Александрийский. Римская история. - М.: Научно-издат. Центр «ЛАДОМИР», 2002. - С. 779-792.
- Миллер, 1886** - *Миллер В. О.* Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМВД. - 1886. - №10. - С. 232-283.
- Молев, 1994** - *Молев Е. А.* Боспор в период Эллинизма. - Нижний Новгород: Изд-во Нижнег. ун-та, 1994. - 140 с.
- Молев, 1997** - *Молев Е. А.* Политическая история Боспора. - Нижний Новгород: Изд-во Нижнег. ун-та, 1997. - 118 с.
- Молев, 2001** - *Молев Е. А.* Диодор как источник о подчинении Боспора Ахеменидам // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов 5-7 марта 2001 г. СПб., 2001. // <http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/2001-2003/molev.htm>
- Молев, 2001-А** - *Молев Е. А.* О возможности персидского протектората над Боспором // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Т. 1. - СПб, 2001. - С. 29-33.
- Молев, 2002** - *Молев Е. А.* Сакральные граффити из Китея // БФ: Погребальные памятники и святилища. Т.1. - СПб, 2002. - С. 146-151.
- Молев, 2009** - *Молев Е. А.* Скифы в политической истории Боспора VI-II вв. до н.э. // ВДИ. - 2009. - №3. - С. 155-166.

- Молева, 2002** - *Молева Н. В.* Греческое и варварское в религиозном мировоззрении городской общины Китея (по материалам святилища) // Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. - Нижний Новгород: Изд-во Нижнег. ун-та, 2002. - С. 74-95.
- Нахов, 1991** - *Нахов И. В.* Лукиан из Самосаты // Лукиан. Избранная проза. - М.: Изд-во Правда, 1991. - С. 5-25.
- Нефедов, 2001** - *Нефедов К.Ю.* Культ правителя в эпоху раннего эллинизма (323-281 гг. до н. э.): Автореф. дис... к-та. истор. наук. - Харьков, 2001. - 17 с.
- Нефедов, 2004** - *Нефедов К.Ю.* О культе Перисада I на Боспоре // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Ч. 1. - Белгород, 2004. - С. 187-193.
- Нефедов, 2007** - *Нефедов К.Ю.* Боспор и держава Антигонидов в эпоху раннего Эллинизма // LAUREA. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. / Сборник научных трудов. - Харьков, 2007. - С. 83-94.
- Нефедов, 2009** - *Нефедов К.Ю.* Культ правителей и коронация диадохов // Из истории античного общества. / Сборник научных трудов. Вып. 12. - Нижний Новгород, 2009. - С. 92-123
- Никитюк, 2002** - *Никитюк Е. В.* Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого Греческого возрождения // Павсаний. Описание Эллады. Т. 2. - М.: Науч. Изд. Центр «ЛАДОМИР», 2002. - С.355 - 374.
- Нильсон, 1998** - *Нильсон М.* Греческая народная религия: пер. с англ. - СПб.: Изд-во «АЛЕТЕЙЯ», 1998. - 218 с.
- Орешников, 1884** - *Орешников А. В.* Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. - М.: Скоропечатня О. О. Гербека, 1884. - 32 с.
- Петрова, 1997** - *Петрова Э. Б.* Феодосия в составе Боспорского государства (политический аспект). // МАИЭТ. Т. 2. -1997. - С. 97-105.
- Петрова, 1998** - *Петрова Э. Б.* Историческая традиция в античных городах Северного Причерноморья и ее истоки // КНП. -1998. - №4. - С. 108-123.
- Петрова, 2002** - *Петрова Э. Б.* Мыслители Пантикалея // КНП. - 2002. - №30. - С.84-87.
- Писаревский, 2000** - *Писаревский Н. П.* Морской флот Боспорского царства и борьба за талассократию на Понте Эвксинском во второй половине V - IV вв. до н. э. // Черноморский флот в судьбе России: Междунар. конф. «Черное море и флот: история и современность». -Симферополь: Крымский архив, 2000. - С.110-113.
- Пичикян, 1991** - *Пичикян И. Р.* Культура Бактрии (Ахеменидский и эллинистический пери оды. - М.:Наука, 1991. - 343 с.
- Ранович, 1950** - *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. - М.; Л.: Из-во АН СССР, 1950. - 382 с.
- Ростовцев, 1912** - *Ростовцев М. И.* Научное значение истории Боспорского царства. - СПб.: Изд-во Брокгауз-Эфрон, 1912. - 16 с.
- Ростовцев, 1913** - *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. - 1913. - №49. - С. 1-62.
- Ростовцев, 1914** - *Ростовцев М. И.* Амага и Тиргатао. - Одесса, типография Е. Хрисогелос, 1914. - 22 с.
- Ростовцев, 1914-А** - *Ростовцев М. И.* Страбон как источник для истории Боспора. - Харьков: Печатное дело, 1914. - 17 с.
- Ростовцев, 1925** - *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. - Л.: Гублит, 1925. - 623 с.
- Ростовцев, 1989** - *Ростовцев М. И.* Государство и культура Боспорского государства // ВДИ. - 1989. - №2. - С.183 - 197.
- Ростовцев, 1990** - *Ростовцев М. И.* Иранский конный бог и юг России // ВДИ. - 1990. - №2. - С. 192-201.

- Самохина, 1986** - Самохина Г. С. Афины и ранние Антигоныды (к вопросу об эволюции культа правителя в раннеэллинистический период) // Античная гражданская община. - Л., 1986. - С. 59-77.
- Сапрыкин, 1996** - Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. - М.: Наука, 1996. - 349 с.
- Сапрыкин, 2008** - Сапрыкин С.Ю. О хронологических границах эпохи эллинизма // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д.Фролова. - СПб., 2008. - С. 213-234.
- Свенцицкая, 1985** - Свенцицкая И. С. Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического Римского времени (по материалам Малой Азии) // ВДИ. - 1985. - №4. - С. 43-61.
- Свенцицкая, 1992** - Свенцицкая И. С. Человек и мир в восприятии греков эллинистического времени // Эллинизм: Восток и Запад. - М.: Наука, 1992. - С. 201–248.
- Светлова, 1996** - Светлова Р. В. О Ксенофоне и его «Греческой истории» // Ксенофонт. Греческая история. - СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1996. - С. 7–27.
- Серова, 2004** - Серова М.Ю. Культ Александра Великого в Александрии Египетской // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. – 2004. — С. 135-144.
- Слепченко, 1997** - Слепченко Е. В. Река Фат - рубеж Сатира II // Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времен до наших дней: Матер. I науч. чтений. - Симферополь: РОИ, 1997. - С. 38-39.
- Соболевский, 2001** - Соболевский С. И. Плутарх // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. -СПб.: Изд-во «КРИСТАЛ», 2001. - С. 5–18.
- Соколова, Павличенко 2002** - Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. Новая надпись из Нимфея // Hyperboreus. Petropoli, 2002. - Vol. 8. Fasc. 1. - S. 99-121.
- Сопова, 1975** - Сопова Н. К. Местные племена Боспорского государства // Социально-экономические проблемы всеобщей истории. - Хабаровск: Изд-во Хабаровского Пед. Инс-та, 1975. - С. 3–21.
- Спасский, 1846** - Спасский Г. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. - М.: Универ. Тип., 1846. - 152 с.
- Строгецкий, 2008** - Строгецкий В.М. Введение К "Исторической библиотеке"Диодора Сицилийского и его историко-философское содержание // Диодор Сицилийский. Историческая Библиотека. - М.: Директмедиа Паблишинг, 2008.
- Струве, 1968** - Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. - Л.: Наука, 1968. - 356 с.
- Токарев, 1976** - Токарев С. А. Религия в истории народов мира. - М.: Изд-во полит. Лит., 1976. - 576 с.
- Толстиков, 2000** - Толстиков В. П. Дворец Спартокидов на акрополе Панतिकопея. (к проблеме локализации, интерпретации и графической реконструкции) // ДБ. -2000. - №3. - С. 302-339
- Тохтасьев, 1986** - Тохтасьев С. Р. Апатур. История Боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. - 1986. - №2. - С. 138-145.
- Тохтасьев, 2001** - Тохтасьев С. Р. Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. - Керчь, 2001. - С. 161 – 165.
- Устинова, 1988** - Устинова Ю. Б. Частные культовые сообщества у греков (Атика VI-IV вв. до н. э.). – М.: Наука, 1988. - С. 192 – 219.
- Фролов, 1972** - Фролов Э. Д. Греческие тираны. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. - 200 с.

- Фролов, 1979** - *Фролов Э. Д.* Сицилийская держава Дионисия (IV в. до н. э.). - Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. - 160 с.
- Фролов, 1984** - *Фролов Э. Д.* Огни Диоскуров. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. - 193 с.
- Фролов, 1990** - *Фролов Э. Д.* Исторические предпосылки эллинизма // *Эллинизм: Экономика, политика, культура.* - М.: Наука, 1990. - С. 15–58.
- Фролов, 2002** - *Фролов Э. Д.* Новое русское издание Павсания // *Павсаний. Описание Эллады. Т.1.* - М.: Науч. Изд. Центр «ЛАДОМИР», 2002. - С. 5–12.
- Фролова, 2002** - *Фролова Н.А.* Корпус монет Синдов: первая половина-конец V в. до н.э. // *ВДИ.* - 2002. - №3. - С. 71-85.
- Хазанов, 1970** - *Хазанов А. М.* З соціальної історії скіфії // *УІЖ.* - 1970. №9. - С. 84-88.
- Шауб, 2002** - *Шауб И.Ю.* Ахилл на Боспоре // *БФ: Погребальные памятники и святилища. Т. 1.* – СПб., 2002. – С. 186-189.
- Шауб, 2007** - *Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном причерноморье VII-IV вв. до н.э. – СПб.: СпбГУ, 2007. – 485 с.
- Шевченко, 2001** - *Шевченко О. К.* Апология Евмела, или некоторые аспекты правления Перисада I и междоусобицы на Боспоре в конце IV в. до н. э. // *КНП.* - 2001. - № 26. - С. 121-123.
- Шевченко, 2003** - *Шевченко О.К.* Царский культ на Боспоре в научных разработках М.И. Ростовцева // *Владимир Иванович Даль и судьбы русской культуры: материалы научно-практической конференции.* – Симферополь: ООО ПЦ «Московский мост», 2003. – С. 155-163.
- Шевченко, 2010** - *Шевченко О.К.* Сакрализация Перисада I – коллизии историографии // *Сакральное и власть в Античности (электронный журнал).* – 2010-2011. №1. - <http://antika-vlast.at.ua/publ>
- Шеллов, 1958** - *Шеллов Д.Б.* К истории связей эллинистического Боспора с Родосом // *СА.* - 1958. - №28. - С. 331-336.
- Шелов-Коведяев, 1985** - *Шелов-Коведяев В. Ф.* История Боспора в VI - IV вв. до н. э. // *Древнейшие государства на территории СССР.* - М.: Наука, 1985. - С. 7-178.
- Шелов-Коведяев, 1985-А** - *Шелов-Коведяев В. Ф.* Новые боспорские декреты // *ВДИ.* - 1985. - №. 1. - С. 57 - 73.
- Яйленко, 1990** - *Яйленко В. П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // *Эллинизм: Экономика, политика, культура.* – М.: Наука, 1990. С. 249 – 310.
- Яйленко, 1995** - *Яйленко В. П.* Женщины, Афродита и жрицы Спартокидов в новых боспорских надписях // *Женщины в античном мире.* - М.: Наука, 1995. - С. 249-309.
- Яковенко, 1974** - *Яковенко Е. В.* Скіфи східного Криму в V-III ст. до н. э. - К.: Наук. дум., 1974. - 150 с.
- Яковенко, 1991** - *Яковенко Э. В.* Некоторые проблемы этнокультурной принадлежности и социальной стратификации местного населения Восточного Крыма в VII - III вв. до н. э. // *Проблемы истории Крыма. Вып. 2.* - Симферополь: Редотдел Крымск. Упр. печ., 1991. - С. 20-21.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ФИЛОСОФА

- Аврелий, 1993** - *Аврелий М.* Наедине с собой: Пер. с древнегреч. - К., Черкассы: РИЦ «Реал», 1993. - 148 с.
- Андреева, 2007** - *Андреева Л.А.* Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. - М.: Ладомир, 2007. - 304 с.
- Антонова, 2003** - *Антонова М.Л.* Природа авторитета как общественного явления (социально-философские аспекты проблемы): Автореф. дис... к-та. филос. наук: 09.00.11 / Иван. гос. ун-т - Тамбов, 2003. - 27 с.
- Аристотель, 1984** - *Аристотель.* Политика // Аристотель Сочинения в 4-х томах. Т. 4: Пер. с древнегреч. - М.: Мысль, 1984. - С. 375-645.
- Аристотель, 2003** - *Аристотель.* Афинская политика // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством: Пер. с древнегреч. - М.; СПб.: Изд-во Эксмо, 2003. - С. 385-656.
- Артемова, 1993** - *Артемова О.Ю.* Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной деформации / Ранние формы социальной стратификации. - М.: Наука, 1993. - С. 40-71.
- Атеистический, 1986** - *Атеистический словарь* / [А.И. Абдусамедов и др.]; под общ. ред. М.П. Новикова. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Политиздат, 1986. - 512 с.
- Ашкеров, 2001** - *Ашкеров А.Ю.* Политическое пространство и политическое время античности // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12, Политические науки. - 2001. - №1. - С. 27-39.
- Бердяев, 1995** - *Бердяев Н.А.* Царство духа и царство кесаря. В кн: Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. - М.: Республика, 1995. - С.288-380.
- Бибихин, 1997** - *Бибихин В.В.* Свое, собственное // Вопросы философии. - 1997. - №2. - С.71-81.
- Богданов, 1997** - *Богданов В. С.* Авторитет як предмет соціально-філософського аналізу: Дис... д-ра. філос. наук: 09.00.03. - К., 1997. - 374 с.
- Васильев, 1997** - *Васильев Г. Г.* Социокультурная эволюция и социальное управление. - М.: Изд-во «Универ. Гуманитар. Лицей», 1997. - 220 с.
- Вебер, 1990** - *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1990. - 806 с.
- Великий, 2003** - *Великий тулмачний словник сучасної української мови* / Уклад. В.Т. Бусел. - К.: Ірпінь; ВТР "Нептун". - 2003. - 1404 с.
- Ветюгов, 2001** - *Ветюгов К. В.* Соотношение идеалов светской и духовной власти в русской культуре: Автореф. дис... к-та. филос. наук: 09.00.11 / Воронеж. гос. ун-т. - Воронеж, 2001. - 22 с.
- Всемирная, 2001** - *Всемирная энциклопедия: философия* / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицианов. - М.; Минск: АСТ, Харвест, Современный литератор, 2001. - 1312 с.
- Гражданское, 2002** - *Гражданское общество: истоки и современность.* Изд. второе испр. и дополн. / Под общ. ред. И.И. Кального - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. - 301 с.
- Даль, 1989** - *Даль В. И.* Толковый словарь в 4-х томах. - М.: Русский язык, 1989. - Т.1. - 699 с.

- Ефремов, 2005** – *Ефремов И.И.* функции и роль авторитета как феномена социальной жизни // философия и общество. – 2005. – № 1(38). – С.38-50
- Желаев, 2002** – *Желаев Т.Н.* Эволюция систем власти: социально-философский анализ: Автореф. дис... к-та. филос. наук: 09.00.11 / Бурят. гос. ун-т – Улан-Удэ, 2002. – 24 с.
- Забияко, 1998** – *Забияко А.П.* Культурология. XX век. Энциклопедия. / главный редактор, составитель и автор автор проекта С.Я. Левит. – Т.1. – СПб.: Университетская книга; 000 “Алетейя”, 1998. – 447 с.
- Завершинский, 2001** – *Завершинский К.Ф.* Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // ПОЛИС. – 2001. – №2. – С. 113-131.
- Илющечкин, 1996** – *Илющечкин В.П.* Теория стадийного развития общества (история и проблемы). – М.: Издат. фир. «Вост. лит.» РАН, 1996. – 406 с.
- Историко-этимологический, 1994** – *Историко-этимологический* словарь современного русского языка в 6-ти томах / Под ред. П.Я. Черных. – 2-е изд. Стереотип. – М.: рус. яз., 1994. – Т. 1. – 623 с.
- Кальной, Шрейдер 2006** – *Кальной И.И., Шрейдер В.Ф.* Самоуправление – важнейший фактор развития гражданского общества // Наука. Культура. Общество. – М., 2006. – №С. 85-122.
- Кожев, 1998** – *Кожев А.* Тирания и мудрость // Вопросы философии. – 1998. – №6. – С.92-119.
- Комина, 2003** – *Комина А. В.* Авторитет, ответственность, доверие как реалии и императивы власти: Автореф. дис... к-та. филос. наук: 09.00.11 / Моск. гос. техн. ун-т. – Тверь, 2003. – 23 с.
- Коротаев, 2003** – *Коротаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. – М.: Вост. лит., 2003. – 278 с.
- Котенев, Лукьянов 2000** – *Котенев А.А., Лукьянов А.Е.* Архетипы власти. – М.: Ягуар, 2000. – 62 с.
- Кузьмин, 1997** – *Кузьмин М. Н.* Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. – 1997. – №2. – С. 57-70.
- Маритен, 2000** – *Мартиен Ж.* Человек и государство: Пер. с фр. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 196 с.
- Маркс, 2000** – *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Социология: Пер. с нем. – М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, КУЧКОВО ПОЛЕ, 2000. – С. 177-324.
- Мид, 1988** – *Мид М.* Отцовство у человека – социальное изобретение // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения: Пер. с англ. – М.: Наука, 1988. – С. 308-321.
- Павленко, 1993** – *Павленко Ю.В.* Человек и власть на востоке // феномен восточного деспотизма: структура управления и власти: сб. науч. р-т. – М.: Наука, 1993. – С. 26-61.
- Преображенский, 1959** – *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка в 2-х т. – М.: Иностр. и нац. сл-рей, 1959. – Т. 1. – 717 с.
- Російско, 2003** – *Російско-український і Українсько-Російський тлумачний словник* / За ред. Л.Т. Савченко. – Харків: Прапор, 2003. – 544 с.
- Русско, 1989** – *Русско-Английский* словарь / Под ред. А. И. Смирницкого. – 15-е изд., стереотип. – М.: Русс. яз., 1989. – 764 с.

- Савельева, 2007** – *Савельева М.Ю.* Монархия как форма самоопределения личности. Российский опыт становления феномена «сакральное» – К.: ПАРАПАН, 2007. – 412 с.
- Сакрализация, 2005** – *Сакрализация* власти в истории цивилизаций. Ч.1 /Отв. ред. Д.М.Бондаренко.- М.: РАН 2005.- 240 с.
- Словарь, 1951** – *Словарь* современного русского литературного языка в 18 томах / Под ред. В.И. Чернышева. – М.-Л.: АН СССР, 1951. – Т. 2. – 1393 с.
- Словарь, 1991** – *Словарь* современного русского литературного языка в 20 томах / Под ред. И.С. Горбачевича. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: рус. яз., 1991. – Т. 2. – 960 с.
- Словник, 1970** – *Словник* української мови в 8 т. / За ред. П.Й. Горещького. – К.: Наук. Думк., 1970. – Т. 1. – 800 с.
- Тиковенко, 1992** – *Тиковенко А. Г.* Авторитет власти. Прошлое и настоящее. – Минск: «Наука і тэхніка», 1992. – 80 с.
- Тлумачний, 2002** – *Тлумачний* словник української мови / За ред. В.С. Калашника. – Харків: Прапор, 2002. – 992 с.
- Толковый, 1935** – *Толковый* словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова в 4-х томах. – М.: Сов. Энцикл., 1935. – Т. 1. – 1565 с.
- Толковый, 1999** – *Толковый* словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
- Тоффлер, 1999** – *Тоффлер Э.* Третья волна: Пер. с англ. – М.: АСТ, 1999. – 783 с.
- Трифонова, 1997** – *Трифонова С. И.* Психологические условия формирования авторитета власти в общественном сознании: Дис... канд. псих. наук: 19.00.05. – М., 1997. – 140 с.
- Философия, 2004** – *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с
- Французко, 1983** – *Французко-Русский* и Русско-Французский словарь / Под ред. К. С. Выгодской, О.Л. Долгопаловой. –13-е изд., стереотип. – М.: Русс. яз., 1983. – 840 с.
- Хатунцев, 1925** – *Хатунцев Б. Н.* О природе власти. Опыт исследования социально-психологических основ власти. – Саратов: Гублит, 1925. – 150 с.
- Шевченко, 2005** – *Шевченко О.К.* феномен власти и его метаморфозы //Труды IV Российского философского конгресса "Философия и будущее цивилизации". – М.: "Современные тетради", 2005. – с. 166 – 167.
- Шевченко, 2005-А** – *Шевченко О.К.* Гуманитарные стратегии исследования феномена власти в России и Украины на рубеже XX-XXI вв. (аналитический обзор) // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Т. 7. – Выпуск 4 (28) – С. 363-371
- Шевченко, 2006** – *Шевченко О.К.* феномен власти и ее постижение в обществе трансформационных процессов // Ученые записки ТНУ. – 2006. – Серия «Философия. Социология». – Т. 18 (57). – №1. – С. 132-144.
- Шевченко, 2007** – *Шевченко О.К.* Значение кратологии (науки о власти) в развитии гуманитарного образования в Украине //Дні науки філософського факультету – 2007: Міжнародна наукова конференція (18-19 квітня 2007 року): матеріали доповідей та виступів. – К.: Ізд-во КНУ, 2007. – ч. 3.

- Шевченко, 2008** - *Шевченко О. К.* Роль интеллигенции в становлении авторитета власти // *ученые записки ТНУ* – 2008. Т. 21 (60). – № 3. – С. 95-100.
- Шевченко, 2008-А** - *Шевченко О.К.* философское освоение власти в Античности и Средневековье // *ученые записки ТНУ* – 2008. – Серия «Философия. Социология» – Т. 21 (60). – № 4. – С. 447-450
- Шевченко, 2008-Б** - *Шевченко О. К.* Эволюционная концепция власти // *Материалы XXXVII научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов ТНУ им. В.И. Вернадского «Актуальные проблемы философии: общество, политика, культура».* – Симферополь: Изд-во ОАО “Симфероп. гор. типогр.”, 2008.
- Шевченко, 2009** - *Шевченко О. К.* Миф как первая форма освоения власти // *культура народов Причерноморья.* – 2009. – № 162. – С. 166-170.
- Энгельс, 1985** - *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства: Пер. с нем. – М.: Изд-во полит. лит., 1985. – 240 с.
- Яблонская, 2001** - *Яблонская Т. В.* Проблема нравственности и власти в отечественной социальной философии: Автореф. дис... к-та. филос. наук: 09.00.11 / *Кисловод. ун-т Акад. оборон. отраслей пром. РФ.* – Ставрополь, 2001. – 23 с.
- Яков, 2007** - *Яков Кротов.* С христианской точки зрения // 20.12.2007.
http://krotov.info/yakov/3_vera/3_radio/20071220.htm

Список сокращений

АН	– Академия Наук
БФ	– Боспорский феномен (СПб)
ВДИ	– Вестник древней истории (М.)
ВФ	– Вопросы Философии (М.)
ДБ	– Древности Боспора (М.)
ЖМВД	– Журнал Министерства внутренних дел (СПб.)
ИАК	– Императорская Археологическая Комиссия (СПб.)
КБН	– Корпус боспорских надписей (М.; Л.: Наука, 1965)
КНП	– Культура Народов Причерноморья (Симферополь)
КСИА	– Краткие сообщения Института Археологии (М.)
МАИЭТ	– Материалы по истории, археологии и этнографии Тавриды (Симферополь)
РА	– Российская археология (М.)
СА	– Советская Археология (М.)
УІЖ	– Український Історичний Журнал (К.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевченко Олег Константинович.

Магистр истории (2003), кандидат философских наук (2006).

Член Российского философского общества (2003) и Российской ассоциации антиковедов (2010).

Автор более 40 работ посвященных истории и философии власти. В том числе монографии: «Власть. Часть I. Эскиз портрета «незнакомки».

Активно занимается журналистской и литературной деятельностью.

Координатор и консультант:

- Литературно-философского журнала «АРГО»

<http://argo-tavr.at.ua>

- научно-исследовательского проекта «Сакрализация власти в Античности»

<http://antika-vlast.at.ua>

- общественной инициативы «Крымская Кэнциклопедия» <http://nash-kirim.at.ua/>

живет и работает в Крыму:
Симферополь/Евпатория.

Электронные адреса:

skilur80@mail.ru
skilur280@mail.ru